

61478

М. П. С.

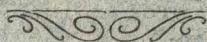
СБОРНИКЪ
КАЗАНСКАГО ОКРУГА
ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ ЛII.

И. И. Крыльцовъ.

ОЧЕРКИ
изъ исторіи В. Поволжья

(Матеріалы къ описанію р. Волги въ предѣлахъ Округа.—Географическо-историческая часть. Верхній плесъ р. Волги—устье р. Шексны—устье р. Оки.

КАЗАНЬ.

Географія М. А. Семенова, Булакъ д. 6. Перова.
1914.

911

К. 15911 9


~~~~~  
Печатано по распоряженію  
Начальника Казанскаго Округа Путей сообщенія  
Инженера *Н. А. Антонова.*  
~~~~~

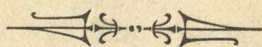

И. И. Крыльцовъ.

ОЧЕРКИ

изъ исторіи верхняго Поволжья

отъ Ярославля до Н.-Новгорода

въ Древнемъ и Московскомъ періодахъ.

КАЗАНЬ.

Лито-типографія М. А. Семенова.

1913.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ если не о научной цѣлесообразности, то хотя бы объ интересѣ какой могутъ представлять печатаемые *Очерки изъ исторіи Поволжья* для лицъ такъ или иначе соприкасающихся съ Волгой и для болѣе широкой публики въ сознаніи пишущаго эти строки встаетъ, конечно, прежде всего...

Одинъ изъ изслѣдователей—практическій дѣятель ¹⁾ Поволжскаго края еще полвѣка назадъ заявилъ, что „Волга описана, переописана и все таки не дописана множествомъ специалистовъ.. За это время литература о Волгѣ, конечно, росла и въ настоящее время повидимому представляется довольно богатой, такъ что приходится призадуматься: мало ли еще у насъ вопросовъ не только не разработанныхъ, но и не тронутыхъ, или почти нетронутыхъ, рукою изслѣдователя (взять хотя бы *водное (рыбное)* право), а Волга, конечно, уже описывалась; но въ какой степени—вотъ вопросъ.

При попыткѣ сдѣлать, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ ²⁾ экскурсъ относительно литературы о нашей исторической рѣкѣ, бросается въ глаза то обстоятельство, что литература эта является значительной, собственно говоря, лишь по видимости, скорѣе въ количественномъ отношеніи. Выбравъ изъ нея работы крупныя и цѣнныя видныхъ и серьезныхъ

¹⁾ Графъ Н. С. Толстой. „Заволжская часть Макарьевского уѣзда Нижегородской губерніи“. М. 1857, I, стр. 118.

²⁾ Ниже будутъ названы только немногія изъ наиболѣе видныхъ или характерныхъ изслѣдованій о Волгѣ, но отнюдь не всѣ и даже не большинство ихъ.

изслѣдователей, изъ внушительнаго списка получимъ довольно скромный. Если же и отсюда выдѣлить изслѣдованія историческаго лишь характера, то нашъ списокъ и совсѣмъ порѣдѣтъ; что же касается литературы о верхнемъ Поволжьѣ, то она, пожалуй, въ сравненіи съ значеніемъ его—въ особенности въ историческо-культурномъ отношеніи для Россіи—скорѣе бѣдна.

Въ самомъ дѣлѣ: изъ описаній о Волгѣ, напримѣръ, въ гидрографическомъ и отчасти экономическомъ отношеніяхъ нельзя, конечно, не назвать въ числѣ цѣннѣйшихъ, написанную еще въ 40-хъ годахъ минувшаго столѣтія, работу *Штукенберга* „Hydrographie des Russischen Reiches“ (oder Materialien und Monographien zur Beschreibung des Kaspischen Bassins in seinen historischen, geographischen, statistischen und technischen Beziehungen), ¹⁾ но она къ настоящему времени является во многомъ несомнѣнно устарѣвшею и при томъ, будучи до сихъ поръ не переведенною на русскій языкъ, доступна лишь болѣе или менѣе ограниченному кругу читателей.

Появившееся въ 80 хъ годахъ минувшаго столѣтія изслѣдованіе *проф. Богуславскаго*, ²⁾ написанное въ основѣ по, только что добытымъ тогда, даннымъ изысканій Волжской Описной партіи, конечно, должно было получить большое значеніе, какое за нимъ впрочемъ во многомъ сохранилось и понынѣ, хотя болѣе чѣмъ четверть-вѣковая давность книги, разумѣется, даетъ себя чувствовать, ибо, коротко говоря, Волга теперь во многихъ отношеніяхъ является уже не той, какою ее знали 30—40 лѣтъ назадъ...

Выписанныя сочиненія являются изслѣдованіями характера спеціальнаго.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго же столѣтія г. *Викторъ Раюзинъ* выпустилъ три большихъ тома своего сочиненія „*Волга*“, задуманнаго по очень большой

¹⁾ Fünfter Band, Спб. 1848.

²⁾ «Волга какъ путь сообщенія», Спб. 1887.

и интересной программѣ: описать нашу историческую рѣку (въ 9-ти томахъ), не только со стороны ея географіи, но и ихтіологической фауны, промышленности и съ очень многихъ другихъ сторонъ ея жизни.

Такой замыселъ, конечно, нельзя не привѣтствовать. Однако закрадывается сомнѣніе по силамъ ли одному человѣку трудъ по такой разнообразной программѣ и специальностямъ. Трудъ этотъ неизбѣжно долженъ носить печать по меньшей мѣрѣ той или другой степени зависимости отъ специалистовъ. Но, конечно, другое дѣло если имѣть въ виду трудъ коллективный или общее лишь ознакомленіе съ темой самыхъ широкихъ круговъ читателей. Съ книгой г. Рагозина, пожалуй, такъ именно и вышло: серьезнаго и подготовленнаго читателя а тѣмъ болѣе интересующагося какою либо специальной стороною Волжской жизни она навѣрное не удовлетворитъ ¹⁾.

А между тѣмъ къ „Волгѣ“ г. Рагозина интересующихся „отсылаютъ“ и нерѣдко, что и можетъ до нѣкоторой степени служить показателемъ того, что литература о великой рѣкѣ не можетъ похвалиться богатствомъ.

Перейдемъ къ историко-географической и исторической литературѣ.

Среди первыхъ необходимо отмѣтить одно изъ новѣйшихъ изслѣдованій—выдающийся трудъ покойнаго проф. Н. П. Загоскина, охватывающій всѣ водные пути Россіи ²⁾. Но Волгѣ въ немъ посвящена одна лишь пятая глава.

¹⁾ Стоитъ вспомнить хотя бы эти лирическія отступленія и діалоги г. Рагозина или способы доказательства въ области выдающихся явленій природы не научнымъ приемами и средствами, а съ помощью, напримѣръ свидѣтельскихъ показаній простыхъ людей (мы говоримъ о первомъ томѣ—см. тамъ разговоръ автора со старикомъ боцманомъ о приволжскихъ осокоряхъ); или историческія необоснованныя утвержденія (идеализированіе напримѣръ, Тверскихъ князей въ противоположность къ Московскимъ, см. тамъ-же).

²⁾ Н. П. Загоскинъ. „Русскіе водные пути и судовое дѣло въ до-Петровской Россіи“, историко-географическое изслѣдованіе. Изданіе Управленія внутреннихъ Водныхъ Путей и Шоссейныхъ дорогъ, вып. XV, Казань 1910 г.

Въ одномъ впрочемъ отношеніи Волга имѣетъ довольно богатую литературу—это въ вопросѣ о колонизаціонномъ значеніи и движеніи славянъ на востокъ, обращавшемъ на себя вниманіе русскихъ историковъ уже давно; стоитъ назвать проф. Соловьева и его „Исторію Россіи“, въ которой онъ этотъ вопросъ не упускаетъ изъ виду на протяжении многочисленныхъ томовъ ея

Послѣдующіе историки также всегда считали нужнымъ касаться его, но въ числѣ лишь другихъ важнѣйшихъ вопросовъ. Но все же, специально трактующимъ въ историческомъ отношеніи о Волгѣ и Поволжьѣ, трудомъ остается работа того же названія проф. Перетятковича и очень немного другихъ менѣе крупныхъ работъ ¹⁾. Но и она въ нѣкоторыхъ частяхъ носитъ на себѣ слѣды своей 35 лѣтней давности, что, напримѣръ, можно сказать относительно нѣкоторыхъ неточностей въ гидрографическомъ описаніи Волги и относительно увлеченія его знаменитой, господствовавшей во всю 2-ю половину минувшаго столѣтія, теоріей Бэра, (о строеніи береговъ Волги), къ настоящему времени многими специалистами отрицаемой.

Если и богата чѣмъ историческая литература о Волгѣ и Поволжьѣ, такъ это монографіями по мѣстной исторіи, или по отдѣльнымъ вопросамъ и моментамъ Волжской жизни, отражавшимися такъ или иначе на общемъ ходѣ судебъ нашего государства, какъ, наприм., Разиновщина, Пугачевщина и проч. Среди авторовъ этихъ монографій можно указать видные имена: профес.: Костомарова, Н. А. и Н. Н. Фирсовыхъ, Шпилевскаго, Загоскина и друг.

Что касается исторической литетатуры о *верхнемъ Поволжскомъ краѣ*, то здѣсь изъ наиболѣе цѣнныхъ необходимо назвать выдающійся трудъ проф. Д. А.

¹⁾ Перетятковичъ Поволжье въ XV и XVI в.в. (очерки изъ исторіи края и его колонизаціи). М. 1877, тоже продолженіе — въ XVII и нач. XVIII в. („Труды VI археологич. съѣзда).

Корсакова ¹⁾, написанный имъ еще въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ качествѣ магистерской диссертации, да то небольшое, но съ такимъ удивительнымъ мастерствомъ, написанное В. О. Ключевскимъ по названному вопросу въ его „Курсѣ“ ²⁾. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть двѣ главы изъ, называвшейся уже нами, работы прсф. Перетятковича ³⁾, работы Борзаковского, Храмцовскаго, Гацисскаго, кн. Козловскаго, Миловидова и проч., какъ мѣстныхъ историковъ княжествъ: Тверскаго, Нижегородскаго и Костромскаго.

Большинство же литературы является именно—болѣе частнаго характера, или не представляющей собою цѣнности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно выдѣляются многочисленные „путеводители“ по Волгѣ, если возможно отнести къ литературѣ и тѣ историческіе очерки, которые даются въ нихъ ⁴⁾.

¹⁾ „Меря и Ростовское княжество“. Очерки изъ исторіи Ростово-Суздальской земли. Казань 1872. Необходимо назвать также выдающіяся археологическія труды графа Уварова и его изслѣдованіе: „Меря и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“ и друг.

²⁾ „Курсѣ“, часть I, лекціи по исторіи.

³⁾ „Поволжье“ въ XV и XVI в.в.

⁴⁾ Герель пишущимъ эти строки въ настоящее время 12 разныхъ путеводителей, изъ нихъ нѣкоторые выдержали нѣсколько изданій, Нейдгардта, Спб. 1862, Пароходнаго О-ва „Самолетъ“ Спб. 1862, Кучина (2 изд.) Саратовъ 1865 и Спб. 1870 г., Гиноградска Н.-Новгородъ 1897 г., Демьянова (3 изд.) Н.-Новгородъ 1894, 1896 и 1902 г., Иванова—Казань 1901, Москвича, — Одесса 1902 г., Безчинскаго М. 1903 г., Анонима—на трехъ языкахъ русск., франц. и нѣм. М. 1903, пароход. о-ва „по Волгѣ“ Спб. 1905 и Оленина М. 1908 г. И это, конечно, не всѣ. Въ историческихъ очеркахъ этихъ путеводителей туристу и русскому, и иностранному преподносится столько совершенно неточнаго и нерѣдко не только безъ всякаго знанія исторіи, но и просто небрежно изложеннаго матеріала. Какъ примѣръ можно привести вопросъ объ основаніи историческаго села Городца, идѣ на обратномъ пути изъ орды умеръ кн. Александръ Невскій.

Годъ основанія Городца довольно споренъ: согласно лѣтописи (Лаврент. стр. 145—146) его относятъ къ 1152 году—княземъ Юріемъ Владим. Долгорукимъ, сыномъ Мономаха (1090—1157 гг.). Вытѣсненный изъ Киевской земли и выѣхавшій въ 1152 году въ Суздальскую землю Юрій основываетъ здѣсь рядъ городовъ. Въ историческихъ очеркахъ многихъ изъ путеводителей этотъ 1152 годъ и принимается, но совершенно неправильно основателемъ Городца при этомъ считается Георгій Всеволодовичъ, родившійся какъ извѣстно значительно позднѣе, а именно въ 1187 или 1189 году.

Такъ обстоитъ дѣло у „Путеводителя по Волгѣ“ изд. о-ва „Самолетъ“, (стр. 146), у Безчинскаго „Путеводитель по Волгѣ“ (стр. 121), впрочемъ и въ Географическо-Статистическомъ словарѣ (подъ редакціей) П. П.

Едва ли согласно вышеизложенному можно придти къ выводу, что въ историческомъ отношеніи *верхнее Поволжье* обследовано исчерпывающимъ образомъ. А между тѣмъ эта часть великой рѣки какъ разъ въ историческомъ и политико-культурномъ отношеніяхъ заслуживаетъ не только меньшаго, а скорѣе наоборотъ большаго вниманія, ибо здѣсь ярко нашей государственности. Здѣсь не разъ Русь униженная и изнемогающая черпала ту энергію, при помощи которой она выходила побѣдительницей изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній; здѣсь, тяготѣя къ верховьямъ великой рѣки, сложилось то Ростово-Суздальское княжество, въ которое въ XIII—XV в.в., выражаясь словами историка ¹⁾, „мало-по-малу перешло бѣненіе пульса русской исторической жизни и гдѣ этотъ пульсъ уже съ полною силой забился послѣ татарскаго грома“. Здѣсь на берегахъ верхняго Поволжья разыгрался „прологъ“ ²⁾ къ могуществу Руси Московской. Здѣсь окрѣпла и сложилась великорусская вѣтвь, создавшая въ послѣдствіи величайшее изъ государствъ славянской народности. Здѣсь, наконецъ, Русь, истерзанная многолѣтнимъ смутнымъ временемъ, находитъ необходимыя для спасенія своего силы. (О послѣдней эпохѣ и сейчасъ еще живо говорятъ уцѣлѣвшіе нѣмые свидѣтели-памятники старины ³⁾).

Семенова, I, 668 и его же „Россія“, Полное географическое описаніе нашего отечества (т. I, стр. 377).

И лишь нѣкоторые въ эту несообразность не вдаются и считаютъ основателемъ Городца Георгія, но князя Псковскаго—Демьяновъ „Путеводитель по Волгѣ“ 1894, стр. 84; тоже и Гацисскій „Нижегородская лѣтопись“, стр. 8, примѣчаніе.

Соотвѣтственно Лаврентьевской лѣтописи излагаетъ этотъ вопросъ Виноградовъ „Иллюстрированный спутникъ по всей Волгѣ“ Н.-Новгородъ. 1897 г., стр. 75.

1) Проф. Н. П. Загоскинъ, *op. cit.* стр. 137.

2) Проф. Д. А. Корсаковъ, *op. cit.* предисловіе.

3) Пишущему эти строки осенью 1912 г. представилась счастливая возможность совершить специальную поѣздку по осмотру историческихъ памятниковъ верхняго Поволжья, разсѣянныхъ здѣсь—въ Н.-Новгородѣ, Костромѣ и въ особенности Ярославлѣ и знаменитомъ кремлѣ Ростова Великаго (Ярославскаго)—буквально на каждомъ шагѣ.

Думается такимъ образомъ, что лишній разъ сдѣланное описаніе верхняго Поволжья не только не исключаемо съ точки зрѣнія цѣлесообразности, но и вполне оправдываемо.

Но все же несмотря на все вышесказанное появленіе въ печати настоящихъ „Очерковъ“ въ концѣ концовъ для пишущаго эти строки представляется если и не случайностью, то и не въ качествѣ единственной и главное прямой работы, что возможно обнаружится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣми дефектами, которыя являются почти обычными спутниками работъ, выполненныхъ урывками, между прямымъ дѣломъ.

Происхожденіе предлагаемыхъ очерковъ слѣдующее: пишущій эти строки долженъ былъ (осенью 1912 г.) собрать историческіе и административно-экономическаго характера матеріалы по Верхнему Поволжью для книги, которую Казанскій Округъ путей сообщенія предполагалъ составить къ проѣзду ГОСУДАРЯ по Волгѣ отъ Н.-Новгорода до Ярославля на Костромскія торжества въ маѣ текущаго года по случаю 300-хъ лѣтняго юбилея. Къ этому времени книга эта и вышла изъ печати подъ названіемъ: „*Верхнее Поволжье отъ Ярославля до Н.-Новгорода и Волжское судоходство*“ подъ редакціей Н. Н. Бехтерева, Спб 1913., изд. Казанск. Окр. п. с., стр. 89+39 иллюстрирован. приложений.

Въ эту книгу вышеупомянутые „матеріалы“ историческаго характера, отданные нами въ полное распоряженіе Н. Н. Бехтерева и вошли, но—за спѣшностью и въ связи съ рамками официальнаго изданія—лишь въ незначительной части. Въ настоящее время матеріалы эти, исходя изъ предположенія, что они могутъ представлять собою въ той или иной степени интересъ и печатаются въ своемъ полномъ (въ какомъ они собирались нами) видѣ и въ иномъ построеніи ¹⁾.

¹⁾ И самый составъ печатаемаго нынѣ матеріала представляется существенно инымъ: одна часть его была отсѣчена совершенно, другая наоборотъ существенно пополнена, или даже введена вновь.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ. Печатаемые нынѣ „Очерки изъ исторіи верхняго Поволжья“ отъ Ярославля до Н.-Новгорода не захватываютъ Петербургскаго періода, а обнимаютъ собою лишь Древній и Московскій періоды, потому что въ эту эпоху въ этихъ періодахъ въ названной части Поволжья разыгрались, и закончились, какъ извѣстно, великія историческія событія. Съ этого времени центръ нашей Государственно-политической жизни окончательно перемѣщается къ Москвѣ, а позднѣе къ Петербургу, великія же потрясенія въ Поволжьѣ будутъ разыгрываться лишь въ низовомъ и среднемъ теченіи великой рѣки (Разиновщина и Пугачевщина).

Наши отдѣльные очерки верхняго Поволжья охватываютъ собою каждый по возможности характерные для края періоды. *Очеркъ первый: Отъ начальныхъ свѣдѣній до удѣльнаго періода*—начало колонизаціи при Волжской Ростовской земли и окончательное выступленіе Славянъ на Волгу (основаніе перваго здѣсь города—Ярославля).

Очеркъ второй: Удѣльный періодъ и монгольское иго—періодъ наиболѣе яркій и центральный въ историко-политической жизни края, какъ по особой интенсивности колонизаціи верхняго Поволжья¹⁾ и удѣльныхъ распрей (Шемяка!), такъ и по развитію политическаго значенія для русскаго государства²⁾ Суз-

¹⁾ Основаніе ряда городовъ Костромы, Радилова-Городца и наконецъ, Н. Новгорода, что и явилось завершеніемъ колонизаціи всего верхняго Поволжья до устья Оки.

Дальше здѣсь будутъ возводиться форпосты второго порядка г. Юрьевецъ Поволжскій, г. Влесь и др.

²⁾ Этотъ очеркъ охватываетъ собою два важные періода въ исторіи верхняго Поволжья: А) Отъ основанія города Ярославля до основанія города Н. Новгорода, какъ начальный и конечный моменты колонизаціи и заселенія всего теченія отъ устья Шкеры до устья Оки и Б) В. Поволжскій край въ XIII—XV в.в.—періодъ, совпадающій съ монгольскимъ игомъ, совершенно уничтожившимъ значеніе Киевской Руси и выдвинувшій на первое мѣсто Ростово-Суздальское княжество.

По нѣкоторымъ причинамъ и соображеніямъ, о которыхъ здѣсь говорить не будемъ, мы не сочли возможнымъ выдѣлить ихъ въ отдѣльные очерки.

ХІ.

дальскаго княжества (XIII—XV в.в.) и, наконецъ, *Очеркъ третій: Смутное время въ верхнемъ Поволжьи отъ Ярославля до Н.-Новгорода.* Въ этомъ краю особенно сильно хозяйничали „воровскіе люди“ Самозванцевъ и поляки Сапѣги. Здѣсь же мѣстными людьми и вторымъ „освободительнымъ“ ополченіемъ „собралась“, чуть было не распавшаяся, „земля“ наша.

Что касается, наконецъ, способа выполненія *Очерковъ*, то нашей мыслью было, хотя бы и въ общихъ чертахъ, но по возможности въ цѣльномъ неразрозненномъ видѣ, дать возможность составить представление объ исторической фizioноміи верхняго Поволжья на основаніи первоисточниковъ читателю, лишенному возможности самому рыться и лицезрѣть лѣтописи, разнаго многочисленныя историческіе акты, граматы и договоры, сказанія, записки современниковъ и проч.

И. Крыльцовъ.

Казань, ноябрь 1913 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Краткое **географическое описаніе** рѣки Болги въ плесѣ устье Шексны—
устье Оки. Вліяніе природы на человѣка.

Еще Монтескье ¹⁾—и при томъ не въ качествѣ перваго, а развивая идеи, высказанныя еще въ древности мыслителями античнаго міра—указывалъ на громадное вліяніе природы страны на жителей ее населяющихъ.

Въ послѣдующихъ работахъ позитивистовъ это ученіе не только не затерялось, а наоборотъ получило дальнѣйшее развитіе, такъ что въ наше время въ наукѣ считается твердо установленнымъ то положеніе, что природа страны оказываетъ рѣшительное вліяніе на исторію народа все населяющаго, на характеръ этого народа, на его религіозныя вѣрованія, на законодательство, и даже политическій строй—и вообще на все стороны его существованія какъ въ физическомъ, такъ и въ интеллектуальномъ отношеніяхъ ²⁾.

„Въ исторіи человѣчества“, можно сказать вмѣстѣ съ Реклю ³⁾ „играли свою роль каждая гора, каждый лѣсъ, каждый островокъ, каждое озеро, рѣка, ручей“...

¹⁾ „De l'esprit des lois“. LXIV, chap I—II, p. 25—30.

²⁾ К. Риттеръ. „Общее землѣдѣніе“. Москва. 1864.

Э. Реклю. „Земля. Описаніе жизненныхъ явленій Земного шара“...

В. О. Ключевскій. „Курсъ русской исторіи“, Часть I.

Л. И. Мечниковъ. „Цивилизація и великія историческія рѣки (переведъ съ французскаго). Спб. 1898.

Бабстъ. „Рѣчная долина Болги“.

Б. Н. Чичеринъ. „О народномъ представительствѣ“ М. 1899, стр. 576—587, Глава II. „Физическія условія страны и ихъ вліянія на представительное устройство“.

Н. Ржковъ. „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“. Спб. 1903 г. и проч.

³⁾ Op. cit, стр. 481.

Человѣкъ и судьба его всецѣло находятся подъ вліяніемъ земли уже потому, что самъ онъ—не что иное какъ часть ея. Отъ нея онъ получаетъ все необходимое для своего существованія. „Поэтому, говоритъ тотъ же ученый, было бы невозможно, чтобы форма земли, съ которой флора и фауна гармонируетъ такимъ удивительнымъ образомъ, не отражалась равнымъ образомъ въ жизненныхъ явленіяхъ другой фауны, которую называютъ человѣчествомъ“¹⁾.

Вліяніе это, само собою разумѣется, тѣмъ глубже, чѣмъ менѣе культурно населеніе, чѣмъ оно ближе стоитъ къ природѣ, такъ что, какъ утверждалъ Монтескье, въ своемъ „Духъ законовъ“, для дикарей климатъ и природа имѣютъ всеопредѣляющее значеніе. По отношенію къ народамъ болѣе культурнымъ это вліяніе слабѣе; и затѣмъ, скажемъ мы, національный геній и національный духъ, столь характерныя для различныхъ народностей и государствъ, складываются, какъ извѣстно, не исключительно лишь подъ воздѣйствіемъ физическихъ факторовъ, а и социальныхъ и проч.

При сравнительно высокой культурѣ, какой достигли передовыя государства нашего времени, въ вѣкъ чудесъ техники, позволительно высказаться за то, что наоборотъ возможно и обратное воздѣйствіе человѣка на окружающую природу, каковы напримѣръ, грандіозныя сооруженія Суэцкаго и Панамскаго каналовъ, измѣнившія вѣковыя географическія условія.

Въ настоящее время дѣлаются покушенія на измѣненіе даже климата страны. Правда послѣднія попытки—если не считать длительного воздѣйствія десятками лѣтъ на культуру почвы и проч.—иногда являются настолько смѣлыми и даже дерзкими²⁾, что не вызываютъ общаго сочув-

¹⁾ Ор. cit, стр. 481.

²⁾ Промелькнуло извѣстіе (въ одномъ изъ №№ „Русскаго Слова“ за текущій годъ—статья г. Агафонова) по поводу сооруженія и предстоящаго открытія для движенія судовъ Панамскаго канала, о внесеніи въ Американскій Конгрессъ проекта объ отклоненіи теченія Гольфштрема (!) къ берегамъ С.-Америки. Съ этой цѣлью предполагалось соорудить грандіозный молъ длиною въ нѣсколько десятковъ километровъ. Вполнѣ понятны, хотя бы исходя изъ соображеній международной политики, тѣ причины смѣха, которымъ будто бы въ Конгрессѣ былъ встрѣченъ этотъ проектъ, не говоря уже о затрудненіяхъ техническаго свойства; но самый замыселъ является уже, такъ сказать, знаменіемъ времени и успѣховъ техники.

ствія и не могут похвалиться успѣхами, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ.

Вліяетъ на человѣка климатъ, рельефъ земли, почва, орошеніе, пути сообщенія, дарованные природой въ видѣ ли небольшихъ рѣчекъ или великихъ рѣкъ и проч.

На берегахъ этихъ послѣднихъ въ Египтѣ, Индіи и Китаѣ зародилась впервые культура. Ниль, Индъ и Гангъ, Гоанго и Янтсе Кіангъ—вотъ колыбели ея. „Во всѣхъ странахъ говоритъ одинъ изъ географовъ—нашъ соотечественникъ Л. И. Мечниковъ ¹⁾—жизненнымъ синтезомъ всей совокупности сложныхъ условій климата, почвы, конфигураціи земли, геологическаго строенія представляется мѣрѣрка“.

Но чѣмъ для Египта является Ниль, тѣмъ Днѣпръ и Волга,—о которой ниже должна пойти рѣчь,—являются для нашего отечества.

Если къ мысли о вліяніи природы на человѣка отнестись и не съ тѣмъ увлеченіемъ, какъ это дѣлаютъ—какъ мы видѣли—нѣкоторые писатели, то все же едва ли можетъ подлежать спору, что это вліяніе, хотяи не всеобъемлюще, — все же несомнѣнно велико. Поэтому краткое описаніе географическихъ условій—въ частности верхняго Поволжья—намъ кажется необходимымъ предпослать намѣченному въ предлагаемой работѣ историческому его описанію. Такъ мы и поступимъ.

На населеніе древней Руси, стоявшее къ природѣ, въ непосредственномъ отношеніи, воздѣйствіе физическаго міра, сказывалось также больше чѣмъ теперь, когда мы имѣемъ уже замѣтно развитыя промышленность и культуру.

И при томъ вліяніе это должно было проявляться рѣзко различнымъ образомъ. Широкое открытое поле южной Руси и непроходимый боръ лѣснаго края имѣли населеніе, конечно, съ совершенно различнымъ образомъ жизни. Безводная степь и избытокъ водныхъ пространствъ озернаго

¹⁾ Ор. ст., стр. 115.

края, безконечныя дали великой русской равнины и пересѣченная мѣстность строговъ горныхъ хребтовъ, должны были дать населеніе съ различнымъ характеромъ, съ неодинаковой культурой. Темно-синяя южная лазурь и сѣрое небо суроваго сѣвера несомнѣнно навѣвали на души нашихъ предковъ, различныя пѣсни и преданья. Въ зависимости отъ характера окружающей природы получили свое названіе напимѣръ, поляне, древляне, „Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ“, говоритъ начальная лѣтопись „А древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски“... „живяху въ лѣсѣ якоже всякій звѣрь“¹⁾. Конечно, здѣсь не обшлось безъ идеализаціи со стороны лѣтописца къ соплеменникамъ полянамъ. Наука въ настоящее время, съ помощью иноземныхъ источниковъ и археологіи установила, что древляне къ этому времени поддерживали уже торговыя сношенія съ далекимъ востокомъ и Балтійскимъ сѣверо западомъ. Да и сама начальная лѣтопись въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что древляне имѣли къ этому времени города и извѣстную политическую организацію. Но все же нѣсколько большая культурность полянъ и рѣзко отличительныя особенности ихъ характера отъ своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ, этими розысканіями науки не колеблются.

Съ другой стороны тѣ благопріятныя условія, въ которыя поставила полянъ окружающая природа, создавали для нихъ и многія невзгоды политическаго характера: ихъ поля были открыты и доступны врагу; ихъ границы были беззащитны.

Наоборотъ древляне чувствовали себя въ своихъ лѣсахъ достаточно защищенными отъ набѣговъ сосѣдей.

„Оже то начнетъ орати смердъ“, говоритъ Владимиръ Мономахъ о полянинѣ²⁾, „и пріѣхавъ половчинъ ударить и стрѣлю, а лошадь его поиметь, а въ село его ѣхавъ

¹⁾ Лаврентьевская, стр. 6.

²⁾ Лаврентьевская, подъ 1103 г., стр. 118.

иметь жену его и дѣти его и все его имѣнье“... вотъ картина, рисуемая условія жизни южной Руси.

Наоборотъ древлянинъ долженъ былъ вынести тяжелую борьбу прежде всего съ непривѣтливой окружающей природой страны. Но какъ мы видѣли за этими наиболѣе характерными факторами суши, вліявшими на жизнь нашихъ предковъ въ вышеизображенномъ видѣ, стояла еще вода, которая, если согласиться съ нѣмецкимъ ученымъ С. Беттингеромъ „сказывается ожигляющимъ элементомъ не только въ природѣ, но и истинной двигательной силой въ исторіи“¹⁾. То обстоятельство, что расселеніе въ древности совершалось по преимуществу по рѣчнымъ системамъ, а колонизація—почти исключительно въ зависимости отъ гидрографіи страны—невольно обращаетъ на себя вниманіе. „Извѣстно, говоритъ одинъ изъ видныхъ ученыхъ современности²⁾, „что народы при своихъ переселеніяхъ склонны идти по теченію встрѣчающихся имъ рѣкъ“. Свою мысль онъ подкрѣпляетъ картиной современнаго расселенія Швейцаріи, гдѣ долина Роны населена французами (по послѣдней переписи 634.313 человѣкъ), а верховья Рейна и По—нѣмцами (2.083.097 чел.) и итальянцами—(155.130 чел.). „И довольно любопытнымъ, говоритъ тотъ же авторъ, хотя и случайнымъ (?) фактомъ представляется то, что по верхнему Инну все еще говорятъ на языкѣ, который болѣе всего походить на языкъ румынъ, живущихъ въ устьяхъ Дуная“³⁾.

Населеніе въ древности „существовало“ въ особенности по судоходнымъ рѣкамъ и оставляло мало населенными между рѣчья, т. к. рѣки въ то время являлись единственными удобными путями сообщенія, являлись своего рода просѣ-

¹⁾ Цитировано у Л. И. Мечникова. „Цивилизація и великія историческія рѣки, стр. 99.

²⁾ А. Л. Лоуэлль Правительства и политическаго партіи... (переводъ съ англійскаго Полтарацкой, изд. Скирмунта, стр. 360.

³⁾ loco cit. Случайность можно принять лишь въ виду того, что „румыны“ въ Швейцаріи всего 38337 чел, законъ же расселенія по рѣкамъ не колеблется.

ками среди непроходимаго лѣса. „И если лѣсъ и особенно степь дѣйствовали на русскаго человѣка двусмысленно“, говорить историкъ ¹⁾, то никакой двусмысленности, никакихъ недоразумѣній не бывало у него съ русской рѣкой. На рѣкѣ онъ оживалъ и жилъ съ ней душа въ душу. Онъ любилъ свою рѣку, никакой другой стихіи своей страны не говорилъ въ пѣснѣ такихъ ласковыхъ словъ.—и было за что. При переселеніяхъ рѣка указывала ему путь, при поселеніи она—его неизмѣнная сосѣдка: онъ жался къ ней, на ея непоемномъ берегу ставилъ свое жилище, село или деревню. Въ продолженіи значительной постной части года она и кормила его. Для торговца она—готовая лѣтняя и даже зимняя ледяная дорога не грозила, ни бурями(?), ²⁾ ни подводными камнями(?): ³⁾ только во время поворачивающаго руля при постоянныхъ капризныхъ извилинахъ рѣки, да помни мели, перекаты. Рѣка является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественнаго духа въ народѣ. Она и сама любитъ законѣрность. Ея великолѣпныя половодья совершаются правильно“...

Слова эти не только художественно, но и во многомъ вѣрно передаютъ отношеніе древняго русскаго человѣка къ рѣкѣ и въ особенности могутъ относиться къ красивой Волгѣ, у истока и по верхнему теченію которой жили древляне. Слова эти какъ нельзя лучше могутъ объяснить тѣ почти семивѣковыя усилія нашихъ предковъ—овладѣть всѣмъ теченіемъ Волги и исторію непрерывной борьбы за колонизацію величайшей рѣки русской равнины.

Велика и важна выпавшая на долю верхне-Поволжскаго края роль по отношенію къ судьбамъ нашего отечества: здѣсь въ бассейнѣ верховьевъ великой рѣки—ядро нашей государственности. Здѣсь не разъ Русь униженная

1) Ключевскій, „Курсъ“, ч. I, стр. 73.

2) Это утвержденіе едва ли можетъ считаться вполне безспорнымъ и можетъ быть принято во вниманіе лишь по сравненію съ бурями моря...

3) Въ верхнемъ теченіи Волги подводные камни и гряды причиняють нерѣдко и теперь аварии.

и изнемогающая черпала ту энергію, при помощи которой она выходила побѣдительницей изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній. Здѣсь, тяготя къ верховьямъ великой рѣки, сложилось то Ростово-Суздальское княжество, въ которое въ XII—XIII в.в. мало по малу перешло бѣніе пульса русской исторической жизни и гдѣ этотъ пульсъ уже съ полной силой забился послѣ татарскаго погрома¹⁾. Здѣсь на берегахъ верхняго Поволжья разыгрался „примъ“²⁾ къ могуществу Руси Московской. Здѣсь окрѣпла и сложилась великорусская вѣтвь, создавшая въ послѣдствіи величайшее изъ государствъ славянской народности. Здѣсь, наконецъ, Русь истерзанная многолѣтнимъ смутнымъ временемъ находитъ необходимыя для спасенія своего силы.

Вола въ древности называлась *Ри*; *Итиль*, *Этиль* и *Адель* въ эпоху переселенія народовъ. При этомъ первое названіе встрѣчается у древнихъ западныхъ народовъ, послѣднія—у восточныхъ. Въ XVI в. вышеназванныя имена сохраняются наряду съ Волгой (Герберштейнъ) и только у новѣйшихъ—однообразно Волга. Впрочемъ надо отмѣтить, что это послѣднее названіе было извѣстно славянамъ съ самой глубокой древности, ибо уже въ начальной лѣтописи на первыхъ страницахъ она обозначается ея нынѣшнимъ именемъ³⁾. Возникаетъ вопросъ—какому языку принадлежитъ названіе Волга—славянскому или финскому?

Рѣшеніе этого вопроса, вызвало громадную спеціальную литературу, одна краткая сводка которой (проф. Шишмановымъ) занимаетъ почти 100 страницъ⁴⁾.

Приведемъ окончательные выводы по затронутому вопросу.

¹⁾ Проф. Н. П. Загоскинъ. „Русскіе водныя пути и судовое дѣло въ до-Петровской Россіи“. Казань. 1910 г., стр. 137.

²⁾ Д. А. Корсаковъ. „Мера и Ростовское княжество“. Казань. 1872. Предисловіе.

³⁾ Лаврентьевская лѣтопись, изданіе Археографической Комиссіи Спб. 1846, стр. 3.

⁴⁾ Правда литература эта разрослась въ виду того, что одновременно хотѣли объяснить и другіе термины относительно Булгаръ на Волгѣ (ср. Кузнецовъ „Русская историческая географія“). М. 1910, стр. 181.

При сближеніи вышевыписанныхъ названій великой рѣки съ наименованіями ея у инородцевъ Поволжья обнаруживается сходство: перваго съ мордовскимъ „Рау“, втораго съ черемисскимъ „Іуль“.

Въ современной исторической русской географіи¹⁾, съ помощью лингвистическаго метода дѣлается категорическій выводъ въ пользу финскаго происхожденія слова *Волга*, на что указываетъ суффиксъ *ga*, встрѣчаемый столь часто въ финскихъ названіяхъ другихъ рѣкъ.

Значеніе какъ вышевыписанныхъ названій „Рау“, „Итиль“ и проч., такъ и „Волга“ толкуется наукой различно: болѣе часто какъ „изобиліе“ (рыбой, водой). Волга, древнее Волога, влага.

По позднѣйшимъ работамъ путемъ разсмотрѣнія хорографическихъ названій Волги на разныхъ языкахъ, приходятъ къ заключенію, что названіе великой рѣки приближается на финскомъ къ названіямъ „бѣлый“, эстонскомъ— „бѣлесоватый“. Но въ чистомъ видѣ корень *волю* встрѣчается въ современномъ черемисскомъ языкѣ, наиболѣ близкомъ къ языку вымершаго племени, аборигеловъ верхней Волги, мерянъ. Корень этотъ въ различныхъ модификаціяхъ обозначаетъ у черемисовъ: *волосо*—свѣтъ и свѣтлый и проч.²⁾ Это послѣднее значеніе названія Волги и считаютъ должнымъ принять за вѣрное.

Въ настоящее время всѣ западные народы называютъ нашу историческую рѣку Волга, киргизы—Болга. народы же, говорящіе на тюркскомъ нарѣчій, зовутъ ее еще и теперь какъ и въ древности Адыль, Эдиль, Итиль, (что обозначаетъ—„Іѣка“). Однако это послѣднее названіе и въ древности относилось лишь къ нижнему теченію Волги и только позднѣе было перенесено на среднее. Верхняя же Волга всегда называлась своимъ мерянскимъ именемъ³⁾. На этомъ

1) *Op cit*, ст. 182.

2) *Op. cit*, стр. 184.

3) *b'dem*.

мы и кончимъ экскурсіи по затронутому вопросу о названіи Волги.

Хорошо извѣстны общія данныя о Волгѣ, о томъ, что она, выражаясь словами автора XVIII в. ¹⁾, „не токмо въ Россіи, но и во всей Европѣ за великую и знатную рѣку почитается“. Это, конечно, не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ хорошо извѣстно, что по длинѣ, пространству, занимаемому Волгой вмѣстѣ съ притоками, она, относительно Европы, является рѣкой не только перваго разряда, но и первою; также и въ отношеніи ширяны и глубины она стоитъ въ первомъ ряду среди рѣкъ нашего государства. Сравнительно съ другими рѣками размѣры Волги становятся особенно ясными на языкѣ цифръ: бассейнъ рѣки Волги съ притоками ея занимаетъ громадную площадь почти $\frac{1}{3}$ Европейской Россіи, а всего около 1282000 кв. верстъ ²⁾ Собственнымъ теченіемъ, длиною около $3\frac{1}{2}$ тысячъ верстъ, Волга пересѣкаетъ 9 губерній съ населеніемъ почти до 20 милліоновъ, а вмѣстѣ съ притоками она орошаетъ около 20 губерній съ населеніемъ до 40 милліоновъ. Рѣчная область Волги занимаетъ чрезвычайно выгодное положеніе: въ своихъ верховьяхъ она близко подходитъ къ другимъ рѣчнымъ системамъ и такимъ образомъ естественнымъ образомъ соединяетъ Каспійское море съ Балтійскимъ и Сѣвернымъ океаномъ; съ другой стороны она, съ помощью своихъ притоковъ, близко соприкасается съ бассейнами великихъ рѣкъ Сибири.

Въ наше время при помощи системы каналовъ въ верховьяхъ Волги богатый хлѣбомъ югъ и юго-востокъ Европейской Россіи и—минеральными продуктами Ашеронскій полуостровъ, а также Персія и Средне-Азіатскія наши владѣнія соединены съ Балтійскимъ моремъ и Сѣвернымъ океаномъ.

¹⁾ Полунинъ Федоръ. Географическій лексиконъ. Москва 1773 г., стр. 58.

²⁾ Предположенія о работахъ и заготовкахъ, необходимыхъ для улучшенія судоходнаго состоянія главнѣйшихъ водныхъ путей Волжскаго бассейна на ближайшіе годы, стр. 1.

При помощи желѣзнодорожныхъ путей Волжскій бассейнъ и Каспійское море соединяются съ бассейнами Чернаго и Азовскаго морей и вопросъ о соединеніи бассейна Волги съ Сибирскими водными путями вопросъ лишь будущаго и надо думать не слишкомъ отдаленнаго.

Еще болѣе выдающимися являются достоинства Волги и многихъ впадающихъ въ нее рѣкъ при разсмотрѣніи ихъ въ отношеніи судоходныхъ и сплавныхъ качествъ. Здѣсь бассейнъ Волги стоитъ на первомъ мѣстѣ среди другихъ бассейновъ, превышая почти въ 3 раза доступную для судоходства длину бассейновъ такихъ большихъ рѣкъ, какъ Днѣпръ и Сѣверная Двина; превышая даже бассейны величайшихъ рѣкъ Сибири.

При дальнѣйшемъ сравненіи выясняется, что бассейнъ Волги въ среднемъ составляетъ около $\frac{1}{3}$ длины всѣхъ внутреннихъ водныхъ путей Е. Россіи и почти столько же для движенія пароходовъ ¹⁾.

Если прибавить къ этому, что прибываетъ въ бассейнъ Волги и отправляется по нему около 50% общаго количества грузовъ, проходящихъ по всѣмъ воднымъ путямъ Европейской Россіи, что стоимость этихъ грузовъ въ среднемъ составляетъ даже почти 60% стоимости грузовъ, перевозимыхъ по всѣмъ внутреннимъ воднымъ путямъ Европейской Россіи, то ставятъ вполне понятными тѣ основанія и причины, по которымъ народъ называетъ Волгу „*кормилицю*“. Такое названіе приложимо къ ней въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ съ бассейна ея получается болѣе $\frac{1}{2}$ количества хлѣба, чѣмъ со всѣхъ остальныхъ нашихъ внутреннихъ водныхъ путей.

Что же касается нефти и керосина, то эти продукты поступаютъ почти исключительно съ одной Волги ²⁾. Торговля на Волгѣ съ незапамятныхъ временъ имѣла значи-

1) Табл. 2 и 3. Гредположеній о работахъ и заготовкахъ, необходимыхъ для улучшенія судоходнаго состоянія главнѣйшихъ водныхъ путей Волжскаго бассейна на ближайше годы.

2) *ib dem*, табл. 6.

тельное развитіе, требуя большого количества рабочихъ рукъ. Называвшійся уже выше, авторъ XVIII в. свидѣтельствуеъ, что въ его время „однихъ работныхъ людей всегда на судахъ вверхъ и внизъ ходящихъ, также, и рыболововъ по малой мѣрѣ до милліона считалиъ).“

Волга, какъ и другія рѣки восточной половины Европы, беря начало съ сравнительно невысокой возвышенности, имѣетъ небольшое паденіе, что, въ связи съ малымъ теченіемъ и отчасти свойствами грунта, обусловливаетъ значительную извилистость ея. Благодаря этому обстоятельству длина Волги и количество орошаемой ею территоріи—удваивается ²⁾. Среди ученыхъ существуютъ предположенія, что, подобно другимъ большимъ рѣкамъ Европы, Волга является дномъ древняго морского бассейна и образовалась изъ ряда озеръ давно высохшихъ, но слѣды которыхъ можно наблюдать у нѣкоторыхъ рѣкъ и теперь ³⁾. Подобное утвержденіе имѣетъ за собой то основаніе, что, раздѣленные мелями и перекатами, болѣе глубокіе плеса всякой рѣки и являются, собственно говоря, озерами.

Теченіе Воли. Въ общемъ отъ истока до Казани направление его восточное, отъ Казани до устья—южное. Въ частностяхъ это направление значительно измѣняется (поворачивая наприимѣръ, въ участкѣ отъ Ржева и особенно отъ Твери до Рыбинска ⁴⁾ даже къ сѣверу). Устье р. Мологи поворачиваетъ Волгу на юго-востокъ настолько сильно, что здѣсь Волга образуетъ острый уголъ. Отклоняется

1) Полунинъ, стр. 59.

2) Прямая, соединяющая истокъ съ устьемъ окло 1600 верстъ. Вся длина теченія Волги отъ истока—почти 3500 в.; отъ верхней точки сплава розсыпью, отъ истока у дер. Голгино-Вархвье,—3463 в. (Греч. Г. П. Евр. Рос. Спб. 1907 г. стр. 3). Эта извилистость, составляющая отличительную черту рѣкъ восточной Европы, является услвіемъ чрезвычайно благоприятно вляющимъ на страну. Благодаря своей извилистости Волга могла принять въ себя громадное число притоковъ, вслѣдствіе чего рѣчная область ея настолько обогатилась, что бассейнъ ея достигъ почти 1/3 части всей Евр. Рос., вслѣдствіе чего Волга является самой многоводнѣйшей рѣкой стараго материка. (Риттеръ. Общее землевѣдѣніе М. 1864, стр. 145).

3) Риттеръ. Общее землевѣдѣніе М. 1864 г. стр. 137—8.

4) Точнѣе до устья р. Мологи.

Волга круто (къ югу) у устья р. Унжи и (къ востоку) у г. Царицына.

Вслѣдствіе того, что Волга беретъ свое начало съ незначительныхъ высотъ Валдайской возвышенности *верхнее течение* ея не отличается, столь характернымъ для другихъ рѣкъ, чрезмѣрнымъ паденіемъ и стремительностью потока дѣлающимъ судоходство не возможнымъ. Оно у Волги—и сравнительно съ верховьями многихъ другихъ рѣкъ Европы—коротко и удобно для судоходства. *Среднее течение* наоборотъ длинно и отличается очень небольшимъ паденіемъ и, наконецъ, *нижнее*—въ виду того, что Волга впадаетъ въ Каспійское озеро, не дающее подобно океану или сообщающемуся съ нимъ морю приливовъ, очень коротко и имѣетъ замѣтное течение ¹⁾.

Строеніе береговъ р. Волги выше устья р. Оки до устья Шексны хотя и не имѣетъ того вполне опредѣленнаго характера преобладанія высоты праваго берега, какой наблюдается внизъ отъ Нижняго Новгорода и Казани, но все же въ общемъ изъ двухъ береговъ правый берегъ болѣе высокій; въ особенности это можно сказать по отношенію къ нѣкоторымъ участкамъ Волги отъ устья р. Елнати (около 20 верстъ выше г. Юрьевца) до с. Городца: на этомъ участкѣ лѣвый берегъ достигаетъ замѣтной высоты лишь въ двухъ пунктахъ: у селъ Сокольскаго и Городца.

Выше же Юрьевца лѣвый берегъ достигаетъ значительной высоты все чаще и настойчивѣе, а начиная отъ гор. Кинешмы до Плеса (и даже нѣсколько выше) онъ сравнивается въ высотѣ съ правымъ и Волга течетъ, какъ говорятъ волгари „въ трубу“. Здѣсь весенніе берега совпадаютъ съ меженними.

Совсѣмъ другой характеръ рѣчной долины ниже Нижняго Новгорода: здѣсь правый берегъ почти всюду высокъ, почему названіе „горный“ является его синонимомъ, точно

²⁾ Ibidem, стр. 143.

такъ же, какъ для лѣваго ¹⁾—всюду низкаго—этимъ синонимомъ является названіе „луговой“. Эта характерная особенность давно обратила на себя вниманіе ученыхъ, путешественниковъ и изслѣдователей. Было высказано много сужденій, между которыми въ продолженіи уже полувѣка пользовалось вниманіемъ объясненіе, предложенное нашимъ соотечественникомъ академикомъ Бэрѣмъ.

Въ своей статьѣ „Почему у нашихъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ или на югъ, правый берегъ высокъ, а лѣвый низмененъ“ и „Дополненіи“ къ этой статьѣ, напечатанныхъ въ 1857 и 58 г.г. ²⁾ почтенный ученый главнымъ факторомъ подобнаго явленія считалъ суточное обращеніе нашей планеты вокругъ своей оси.

Сущность гипотезы Бэра состоитъ въ томъ, что благодаря разности въ величинѣ градусовъ параллелей и, какъ вслѣдствіе этого, благодаря различной скорости движенія точекъ земной поверхности, рѣки, направленіе которыхъ приближается къ меридіанальному и которыя текутъ изъ широтъ съ меньшими скоростями въ широты со скоростями большими, въ нашемъ полушаріи отклоняются къ западу, а въ южномъ къ востоку. По той же причинѣ у рѣкъ нашего полушарія, текущихъ отъ юга къ сѣверу частицы воды, превосходя скорость вращенія частицъ воды въ высшихъ широтахъ, должны производить напоръ на восточный берегъ, т. е. тоже на правый. Итакъ—въ нашемъ полушаріи напору и отклоненію въ обоихъ случаяхъ подвергается правый берегъ. Отклоненіе это происходитъ благодаря постоянному подмыву и тому обстоятельству, что сопротивленіе (грунта) слабѣе напора (воды).

³⁾ Значительной высоты лѣвый берегъ на всемъ протяженіи отъ Н.-Новгорода до Астрахани достигаетъ лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльных мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ Жигуляхъ—въ Самарской луцѣ. У Перетятковича (Поволжье: въ XV и XVI вѣкахъ. Москва 1877 г. стр. 16; высота береговъ отъ Н.-Новгорода показывается только до 15) футовъ; это совершенно невѣрно: у Н.-Новгорода и Георіевской башни отмѣтка въ 37 слишкомъ сажень является не самой высокой. Отмѣтки нѣкоторыхъ точекъ какъ напримѣръ, у Печерскаго монастыря въ Нижнемъ, у Симбирска, у Услона (противъ Казани) и проч. значительно выше.

¹⁾ См. морской сборникъ т. XXVII 1857 г. стр. 110—126. Морской сборникъ т. XXXV 1858 г., стр. 83—104.

Гипотеза Бэра въ теченіе второй половины XIX в. получила большое распространеніе и, повидимому, какъ увидимъ ниже, пользуется признаніемъ среди нѣкоторыхъ ученыхъ и до нашего времени.

Увлеченіе ею было до такой степени велико, что нѣкоторые ученые, какъ наприм., Э. Реклю въ его, цитированномъ уже нами, сочиненіи „Земля“, допускалъ вліяніе вращенія земли на движеніе поѣздовъ по путямъ меридіанальнаго направленія.

Будто бы это вліяніе наблюдается на перемѣщеніи даже рельсъ и, именно, подобно правому берегу рѣки въ сѣверномъ полушаріи перемѣщается замѣтнѣе и соотвѣтственный рельсъ.

Что касается приложенія гипотезы Бэра къ рѣкамъ, то признаніе ея въ полной мѣрѣ встрѣтило также адепта въ лицѣ проф. Перетятковича ¹⁾. Гринимаетъ ее, повидимому, также и В. О. Ключевскій, хотя и говоритъ о ней лако-нически и осторожно ²⁾.

Между тѣмъ среди нѣкоторыхъ специалистовъ теорія Бэра встрѣтила серьезныя сомнѣнія и не только теперь, а не одинъ десятокъ лѣтъ назадъ, такъ наприм., извѣстный нашъ геологъ В. Докучаевъ, говоря о различныхъ гипотезахъ, высказанныхъ русскими учеными относительно строенія долинъ нашихъ рѣкъ, въ томъ числѣ и о затронутой вами теоріи Бэра „почему у нашихъ рѣкъ текущихъ въ меридіональномъ направленіи на сѣверъ или на югъ правый берегъ высокъ, а лѣвый низмень“, „еще въ 1878 году высказался совершенно опредѣленно въ отрицательномъ смыслѣ. „Несостоятельность всѣхъ этихъ гипотезъ, говоритъ онъ, въ настоящее время настолько очевидна, что ихъ достаточно только процитировать“. „Но такова ужъ, продолжаетъ онъ, послѣ разбора гипотезы Бэра, сила старыхъ традицій и вкоренившихся взглядовъ“ ³⁾... И онъ, и

¹⁾ Говолжье въ XV и XVI в.в., стр. 9—14.

²⁾ „Курсъ“, часть I, стр. 62.

³⁾ В. Докучаевъ. „Способы образованія рѣчныхъ долинъ Ев. Россіи“. Спб. 1878, примѣчаніе 5, къ стр. 3.

еще ранѣе его проф. Леваковскій отрицають гипотезу Бэра какъ не подтверждающуюся фактомъ. „Никто, говоритъ г. Докучаевъ, болѣе проф. Леваковского не сдѣлалъ большаго, чтобы подорвать извѣстную гипотезу Бэра“... приведя „массу примѣровъ, когда рѣки или вовсе не имѣють различія въ высотѣ лѣваго и праваго берега, или даже когда рѣчные берега имѣють форму, какъ разъ противоположную гипотезѣ Бэра“¹⁾. Говоря въ частности о рѣкѣ Днѣпрѣ, проф. Докучаевъ положительно утверждаетъ, что гипотеза Бэра относительно большей высоты праваго берега сравнительно съ лѣвымъ, вовсе не примѣнима къ Днѣпру на всемъ его протяженіи отъ истоковъ и до Семениховой. Тутъ Днѣпръ безразлично размываетъ, то правый, то лѣвый берегъ“²⁾. Тѣ же противорѣчіе знаменитой гипотезы мы можемъ выставить и относительно Волги, но объ этомъ виже. Другой изслѣдователь, хотя и не геологъ, но инженеръ и проф. Максимовичъ въ своемъ трудѣ, напечатанномъ въ 1901 году³⁾, категорически высказался противъ гипотезы Бэра и привелъ этому доводы, которые на нашъ взглядъ заслуживаютъ вниманія.

Соображенія, высказанныя этими учеными, заставляютъ сильно задуматься—не ничтожно ли совершенно практически это вліяніе вращенія земли на рѣки мерид. напрavl. и не должно ли оно быть учитываемо лишь какъ теоретическое и совершенно незначительное при существованіи другихъ причинъ, неизмѣримо болѣе могущественно дѣйствующихъ при размывѣ береговъ и обвалахъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если по подсчету названнаго автора даже при такмъ стремительномъ перемѣщеніи тѣла по меридіану какъ въ 1 секунду на 1 версту разниа въ скоростяхъ между конечной и начальной точкахъ будетъ всего 0,027 саж., то при скоростяхъ частицъ воды нашихъ боль-

²⁾ Докучаевъ, *op. cit.*, стр. 79.

³⁾ Докучаевъ, *op. cit.*, стр. 147.

⁴⁾ Н. И. Максимовичъ, инж. пут. сообщ. „Днѣпръ и его бассейнъ“ Кіевъ 1901 г., стр. 199—204.

шихъ рѣкъ въ среднемъ равняющихся нѣсколькимъ футамъ въ секунду (около 3) разница эта явится совершенно ничтожной¹⁾ и хотя дѣйствіе вращенія земли вѣковое, но что значать эти совершенно неощутимыя цифры разницы скоростей при подмывахъ и обвалахъ по сравненію съ такими могущественными факторами какимъ является напр., теченіе рѣки. Но, конечно, принципъ остается. Проф. Максимовичъ, какъ и вышеназванные Леваковскій и Докучаевъ, утверждаетъ что гипотеза Бэра далеко не рѣдко не подтверждается дѣйствительностью и даже, пожалуй чаще...

Такимъ образомъ и онъ, отрицаетъ самый фактъ, не снѣша, однако, счастливую гипотезу, господствовавшую уже болѣе полувѣка въ умахъ очень многихъ ученыхъ, замѣнить своей теоріей. Однако по его словамъ²⁾, „уже несомнѣнно гораздо болѣе сильнымъ факторомъ при подмывѣ береговъ, чѣмъ вліяніе вращенія земли, является дѣйствіе господствующаго въ данной мѣстности вѣтра. Въ особенности это вліяніе даетъ себя чувствовать при ледоходѣ, когда движущіяся массы льда, относимыя и прижимаемыя вѣтромъ къ одному изъ береговъ, *выпихиваютъ*³⁾ подошву берега и тѣмъ способствуютъ обвалу въ рѣку верхнихъ частей береговыхъ откосовъ, а слѣдовательно береговая линія постепенно врѣзается въглубь, давая возможность и руслу постепенно перемѣщаться въ сторону навѣтренаго берега“.

Намъ кажется, что съ этимъ объясненіемъ какъ главнымъ едва-ли можно вполне согласиться. Конечно, и эта причина—въ особенности при ледоходѣ—оказываетъ вліяніе на подмывъ; но эти явленія временнаго характера да и наблюдается иногда такъ, что несмотря на господствующее направленіе вѣтровъ и ледохода въ данномъ мѣстѣ подмыва не происходитъ⁴⁾. Существуютъ иные факторы

¹⁾ Op. cit, стр. 203.

²⁾ Op. cit, стр. 200.

³⁾ Курсивъ Н. И. Максимовича.

⁴⁾ Напримѣръ у Сормовскаго затона. Направленіе ледохода, судя по постройкѣ защитительныхъ ледорѣзовъ отъ р. Линды падъ значительнымъ угломъ на затонъ, а между тѣмъ песчаная коса у послѣдняго не срѣзается и не убываетъ нисколько, что случилось бы вѣроятно и въ другомъ мѣстѣ при пологомъ берегѣ.

подмыва въ опредѣленныхъ мѣстахъ постоянного или во всякомъ случаѣ длительного и могущественнаго характера, — это теченіе рѣки, дѣйствіе котораго при вогнутомъ очертаніи характеризуется обвалами, а при выпукломъ наоборотъ отложеніями.

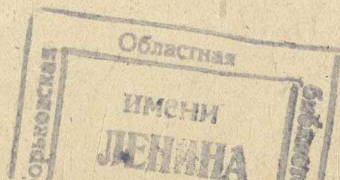
Въ теченіе многихъ лѣтъ благодаря дѣйствію теченія происходятъ ежегодные обвалы. При чемъ подмываются какъ западный, такъ и восточный берега Волги, и укрѣплять приходится какъ правый, такъ и лѣвый берегъ ея.

Обвалы, наконецъ, могутъ происходить, конечно, и отъ причинъ совершенно самостоятельныхъ, зависящихъ не отъ дѣйствія рѣки, а отъ геологическаго строенія береговъ (ключи и родники какъ наприм. берегъ у обваливашагося въ XVI столѣтіи Печерскаго монастыря у Н. Новгорода).

Впрочемъ г. Максимовичъ въ другомъ мѣстѣ, затрагивая вопросъ о томъ почему перемѣстилась Волга къ западу у Казани, у г. Черный Яръ (и надо добавить у древняго „великаго града Булгаръ“) совершенно правильно говорить, что „въ этихъ перемѣнахъ причину надо искать не въ вліяніи бокового вращенія земли, а въ орографическомъ характерѣ мѣстности и въ гидравлическихъ условіяхъ движенія водъ р. Волги.. Возможно, что съ постепеннымъ измѣненіемъ этихъ условій, рѣка вновь вернется къ первому изъ нихъ и уйдетъ отъ второго. Такіе случаи вовсе нерѣдки и повторяются въ большіе или меньшіе промежутки времени ¹⁾.

Съ своей стороны мы можемъ указать на Сызрань и Саратовъ гдѣ Волга стремится вопреки гипотезъ Бэра не къ западу, а къ востоку и не мало уже было затрачено усилий и средствъ на то чтобы какъ говорятъ спеціалисты— „привести Волгу къ Саратову“, а она все имѣетъ тенденцію удалиться отъ города, угрожая совсѣмъ отрѣзать его отъ Волги, почти такъ же, какъ Казань и Булгары отрѣзаны ею отъ лѣваго берега (въ согласіи съ гипотезой академика).

¹⁾ Ор. cit. стр. 204.

Итакъ, едва-ли возможно отнестись къ „закону“ Бэра ¹⁾ съ такимъ же полнымъ довѣріемъ какъ это сдѣлалъ напримѣръ, историкъ Поволжья проф. Перетятковичъ. Въ называвшемся уже нами его изслѣдованіи ²⁾ онъ всецѣло идетъ за Бэромъ, и извѣстные нашимъ лѣтописямъ грандіозные обвалы материковаго берега у Н.-Новгорода и проч. пунктовъ объясняетъ въ концѣ концовъ тѣмъ же вліяніемъ лишь вращенія земли, и почти словами Бэра.

Между тѣмъ какъ разъ у Н.-Новгорода мѣстность, гдѣ произошли „историческіе“ обвалы у Благовѣщенскаго и Печерскаго монастырей (на прежнемъ его мѣстѣ, гдѣ нынѣ церковь слоб. Подновья несомнѣнно изобилуетъ ключами, родниками.

Впрочемъ по отношенію къ проф. Перетятковичу можетъ быть нужно принять во вниманіе и объяснить полную вѣру его въ гипотезу Бэра, независимо отъ другихъ причинъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что изслѣдованіе его появилось въ печати еще въ 1877 году, тогда какъ изъ основательныхъ работъ, отрицающихъ названную гипотезу, какъ наприм., цитированная нами диссертация проф. Докучаева вышла изъ печати лишь въ слѣдующемъ 1878 году.

Что касается В. О. Ключевского, то первая часть его „курса“ исторіи, гдѣ онъ упоминаетъ о теоріи Бэра ³⁾, была напечатана въ 1904 году, книга же — кромѣ цитированной нами работы проф. Докучаева — г. Максимовича въ 1901 году.

Однако и проф. Перетятковичу могла быть извѣстна упоминавшаяся нами работа другого отрицателя знамени-

¹⁾ За исключеніемъ правильности принципа вліянія вращенія земли вообще на берегъ рѣки меридіанальнаго направленія.

²⁾ „Поволжье“ въ XV и XVI в., стр. 9—14.

³⁾ Проф. Ключевскій „Курсъ“, ч. I, стр. 62. Впрочемъ Засилій Осиповичъ ограничивается всего лишь нѣсколькими строчками и при томъ не высказывая вполнѣ опредѣленнымъ образомъ своего отношенія къ затронутому вопросу. „Вамъ“ (слушателямъ лекцій) говоритъ онъ, „уже извѣстно, что около половины, прошлаго вѣка, русскій академикъ Бэръ объяснялъ это явленіе суточнымъ обращеніемъ земли вокругъ своей оси“.

той гипотезы, появившаяся еще за 6 лѣтъ до диссертациі почтеннаго историка.

Мы говоримъ о трудѣ проф. Леваковскаго „о причинахъ различія въ формѣ склоновъ рѣчныхъ долинъ“, напечатанномъ имъ въ 1871 году въ III-мъ томѣ Трудовъ Общества испытателей природы при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

Приведя длинный рядъ сторонниковъ гипотезы Бэра, проф. Леваковскій указалъ и такихъ, которые считаютъ силу вращенія земли совершенно неощутительной и среди нихъ, напр., Комба, который утверждалъ (и не безъ основанія скажемъ мы), что самый слабый вѣтеръ и самый незначительный изгибъ рѣки производитъ болѣе ощутительное и важное вліяніе на теченіе воды, чѣмъ сила вращенія земли.

Это свое мнѣніе и неправильность объясненія подмывовъ исключительно гипотезой Бэра Комбъ подкрѣплялъ еще тѣмъ, что въ вычисленія ученаго (Бабинэ), обосновавшаго знаменитую гипотезу, математическими выкладками, вкралась ошибка.

Рядомъ многочисленныхъ примѣровъ (мы ихъ здѣсь приводить не находимъ возможнымъ) профессоръ Леваковскій убѣждается въ томъ, что „наблюдающаяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крутизна праваго берега нашихъ рѣкъ и отлогость лѣваго зависать... лишь... отъ различія высоты и формы поверхности прилегающихъ площадей. Если же это послѣднее условіе отсутствуетъ, то оба берега оказываются одинаково круглыми и высокими или одинаково низменными и отлогими ¹⁾).

Переходя къ фактической повѣркѣ теоріи Бэра (и Бабинэ), проф. Леваковскій не находитъ подтвержденія ея и встрѣчаетъ наоборотъ многочисленныя случаи какъ разъ противоположныхъ явленій.

Такъ напримѣръ, прослѣдивъ теченіе Днѣпра, онъ

¹⁾ Леваковскій, *op. cit.*, стр. 27.

приходить къ тому заключенію, что все говоритъ за отклоненіе Днѣпра отъ правой окраины, а не приближеніи его къ ней ¹⁾.

Идя далѣе, почтенный ученый приходитъ къ категорическому выводу, что „въ настоящее время рѣки совершенно не представляютъ постояннаго стремленія къ размыванію правыхъ своихъ береговъ, или это стремленіе такъ слабо и ничтожно, что оно совершенно парализуется какими-то другими вліяніями“ ²⁾. Дальнѣйшія выкладки приводятъ проф. Леваковскаго къ окончательному выводу „что замѣчаемое нынѣ различіе въ формѣ склоновъ рѣчныхъ долинъ произведено условіями, существовавшими при самомъ началѣ ихъ образованія“ ³⁾. Мы не будемъ продолжать дальше цитату, ибо въ ней не трудно уловить въ общемъ отраженіе идей знаменитаго Мурчисона, о которомъ проф. Леваковскій, впрочемъ и самъ нѣсколько ниже упоминаетъ ⁴⁾.

Мы остановились долго на гипотезѣ Бэра во 1-хъ потому, что какъ бы то ни было, но преобладаніе въ высотѣ праваго берега Волги ниже Н. Новгорода до Саратова вообще наблюдается.

Затѣмъ и потому что для историка вопросъ о строеніи береговъ важенъ, такъ какъ преобладаніе высотъ влечетъ за собой болѣе плотную населенность, нежели низменнаго берега. Въ древнее же неспокойное время колонизація нашими предками Поволжья передовые форпосты, какими въ свое время являлись Н.-Новгородъ, Васильсурскъ Свѣяжскъ и др., строились по стратегическимъ соображеніямъ на высотахъ ⁵⁾.

Чтобы покончить съ затронутымъ вопросомъ скажемъ: если ужъ необходимо объясненіе почему у Волги правый берегъ преобладаетъ въ высотѣ надъ лѣвымъ, то, можетъ

¹⁾ Ор. с т, стр. 30.

²⁾ *Icco cit.*

³⁾ Ор. cit., стр. 37.

⁴⁾ Ор. с т, стр. 38.

⁵⁾ а также у устья впадающихъ въ Волгу рѣкъ, или противъ этихъ устьевъ.

быть наиболѣе заслуживаетъ вниманія предположеніе Мурчисона, сводящееся, какъ извѣстно, къ тому, что правый берегъ названной части Волги (отъ Н.-Новгорода внизъ) являлся нѣкогда берегомъ Арало-Каспійскаго моря, дно котораго поднялось и позднѣе Волга проложила себѣ путь у подошвы обрывовъ прежняго берега материка.

Проф. Докучаевъ въ цитированной нами книгѣ (стр. 15) не довольствуется предположеніемъ этого *одного поднятія* (курсивъ его) и даетъ свое объясненіе, связанное съ вопросомъ объ оврагахъ и балкахъ и несоотвѣтствіемъ рѣчного потока живому сѣченію рѣки.

Болѣе подробно послѣднее объясненіе здѣсь приводить мы не считаемъ возможнымъ, ибо на знаменитой гипотезѣ мы остановились и такъ достаточно. При этомъ нашей цѣлью было лишь подчеркнуть степень увлеченія стасливой гипотезой, доходящаго до того, что нѣкоторые изъ представителей науки, въ частности исторической (Проф. Перетятковичъ) касаясь „закона Бэра, не считаютъ нужнымъ приводить взгляды на данный вопросъ ученыхъ отрицателей его.

Для описываемой части Волги отъ Рыбинска до Н.-Новгорода, направленіе котораго впрочемъ приближается (но зато почти совершенно) къ меридіональному лишь въ небольшомъ участкѣ отъ г. Юрьевца почти до с. Городца, законъ Бэра не оправдывается и въ особенности рѣзко около послѣдняго села, гдѣ высокимъ является какъ разъ лѣвый, а не правый берегъ. У с. Василево, с. Кресты и нѣсколько выше посада Пучежъ ¹⁾ и, наконецъ, у Юрьевца, хотя и не такъ характерно (по крутизнѣ), правый берегъ, дѣйствительно, высокъ. Но выше Юрьевца до устья р. Елнати ²⁾, тамъ, гдѣ Волга принимаетъ направленіе уже почти *не перпендикулярное* меридіональному, *правый берегъ* вопреки гипотезѣ Бэра *остается* высокимъ и крутымъ. На этомъ мы и окончимъ съ „закономъ“ почтеннаго академика отказавшись объяснить имъ

¹⁾ Такъ назыв. „Пучежскія горы“.

²⁾ Почти 20 верстъ.

подмывъ и обвалы береговъ рѣкъ¹⁾ и оставивъ здѣсь открытымъ вопросъ о причинѣ преобладанія въ высотѣ правыхъ береговъ рѣкъ нашего полушарія, текущихъ въ меридіональномъ направленіи (объясненіе этого, являющееся задачей специальной науки, не можетъ найти здѣсь мѣста).

Что касается полного увлеченія проф. Перетятковича гипотезой Бэра, то намъ, кажется, это возможно объяснить, предположивъ что историкъ, можетъ быть, не былъ непосредственно знакомъ съ географическими условіями Волги, а также и съ противоядіями противъ обьятельной гипотезы (по крайней мѣрѣ при тщательныхъ поискахъ въ диссертациі о „Поволжьи“ ссылки на Леваковского мы найти не могли. Г. Перетятковичъ всюду ссылается лишь на Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften von K. Baer'аже).

Весеннія воды, поднимаясь надъ низкимъ лѣтнимъ (меженнымъ) горизонтомъ до громадной высоты 5 (въ Рыбинскѣ, Нижнемъ) и даже до 6 саж. (Богородскъ—у устья Камы—и Самара), опредѣляютъ условія заселенія низкихъ и пологихъ береговъ, отодвигая въ такихъ мѣстахъ села и деревни (отъ меженныхъ береговъ Волги) на десятки верстъ и не оказывая на это заселеніе никакого вліянія у береговъ высокихъ и крутыхъ.

Такимъ въ краткихъ чертахъ представляется наиболѣе важное изъ общей характеристики рѣки Волги.

Плещь ея отъ устья Шексны до устья Оки при болѣе близкомъ разсмотрѣніи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Весь этотъ участокъ рѣзко различается по своему характеру на двѣ части: отъ устья р. Шексны до устья р. Унжи и 2) отъ послѣдн. до устья р. Оки.

¹⁾ Что размывается безразлично то правый, то лѣвый берегъ рѣки и что гипотеза Бэра встрѣчаетъ въ дѣйствительности столько же подтвержденій, сколько и исключеній хорошо извѣстно инженерамъ, близко знакомымъ съ водными путями. Такъ высказывался, на примѣръ, еще въ 1870-хъ годахъ извѣстный нашъ гидротехникъ В. М. Локтинъ. (см. его „Оѣха Аму и ея древнее соединеніе съ Каспійскимъ моремъ“. С. 1Б. 1879).

Первый участок отъ устья Шексны до устья Унжи рѣзко отличается отъ остальной низовой Волги тѣмъ, что меженіе берега здѣсь почти всюду совпадаютъ съ весенними и долина рѣки большею частью не широка, доходя только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 3—4 верстъ.

Берега и русло здѣсь часто каменисты и каменные гряды, напримѣръ „Косыя“, „Винныя“ нормируютъ глубину транзита. На берегахъ и въ руслѣ, въ особенности выше Костромы, далеко не рѣдкость камни одинцы (валуны).

Острова и осередки на этомъ участкѣ не многочисленны и не достигаютъ такихъ значительныхъ размѣровъ, какъ въ ниже-лежащемъ участкѣ. *Теченіе Волги* здѣсь тихое, паденіе и уклонъ не значительны: почти въ 4 раза менѣе головного участка Волги и почти въ 2 раза менѣе средняго для всей Волги уклона.

Второй участок отъ устья Унжи до устья Оки по характеру своего ложа и ширинѣ долины болѣе или менѣе походить на всю нижележащую Волгу до самаго ея устья; такъ долина здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно широка отъ 3 до 6 вер. Острова многочисленны и достигаютъ значительныхъ размѣровъ (до 10 верстъ длины). Берега и ложе рѣки въ этомъ участкѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ уже не каменисты.

Строеніе рѣчной долины въ особенности отъ г. Плеса до г. Кинешмы невольно обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь селенія и деревни придвинуты къ Волгѣ на томъ и другомъ берегу ея совершенно вплотную, совсѣмъ не такъ, какъ въ нижележащихъ частяхъ Волги, гдѣ пойма широка, гдѣ села и деревни сплошь и рядомъ благодаря этому находятся очень далеко отъ рѣки и не оживляютъ ее.

На участкѣ же выше г. Кинешмы эти придвинувшіяся селенія украшаютъ и безъ того прекрасные здѣсь берега Волги, и оживляютъ ихъ настолько, что—(въ особенности когда приходится на пароходѣ проѣзжать въ праздничные дни, когда пестрая толпа гуляетъ по берегу и въ деревнѣ, селѣ)—кажется, это не русская обычная дѣйствительность а нѣчто бутафорическое.

Ширина русла въ межень здѣсь колеблется отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{3}{4}$ версты.

Притоки на этомъ участкѣ: *Шексна* (л) Черемха (п) Ить (л) Которость (п) Рыбинка (л) Черная (п) Кельнать (л) Сезема (л) Ворожь (л) Колокша (л) Кострома (л) Кубань (л) Фокушка (л) Кешка (п) Яблонка (п) Сумжа (п) Кистега (л) *Кинешемка* (п) *Мера*¹⁾ (л) Желвать (л) Елнать (п) Немда (л) и Унжа (л). Изъ нихъ по р.р. Костромѣ и Унжѣ совершается въ довольно значительныхъ размѣрахъ сплавъ и даже рейсируютъ двухъ-этажные товаро-пассажирскіе пароходы американскаго типа.

Ширина рѣки на участкѣ отъ устья Унжи до устья Оки достигаетъ 1 версты. Притоки этого участка: Узола (л) Шишма (л) Ячменка (п) Моча (л) Унжа (л) Линда; и, наконецъ, *Ока*. Изъ нихъ послѣдняя въ виду значительности своей длины могла-бы поспорить за первенство съ Волгой, прошедшей до Н.-Новгорода меньшее количество верстъ; но Волга все же значительно превосходитъ Оку богатствомъ воды и সু-доходными качествами

Вотъ въ самыхъ краткихъ чертахъ наиболѣе характерныя географическія черты Волги отъ Рыбинска до Н.-Новгорода. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ верхне-Поволжскаго края.

Онъ и по настоящее время, хотя и не въ той же мѣрѣ какъ въ древности, характерно отличается отъ природныхъ условій южной Россіи и въ частности при-Днѣпровья.

Главнѣйшія изъ этихъ отличій выражаются въ почвенныхъ условіяхъ, гидрографіи и климатѣ. Какъ въ Днѣпровской Россіи преобладаетъ черноземъ, такъ въ Поволжьѣ—суглинки; какъ первомъ почти сплошь поле, такъ во второмъ еще и до сихъ поръ—по крайней мѣрѣ въ Заволжьѣ—изобиліе лѣсовъ и, наконецъ, за Поволжскимъ краемъ по прежнему, конечно, остается первенство въ гидрографическомъ отношеніи, а также, конечно, и климатъ остался все же несравненно болѣе суровымъ нежели въ южной Россіи на высотѣ Кіева.

¹⁾ Въ названіи этой рѣчки уцѣлѣло прямое названіе древнихъ насельниковъ края-племени „Меря“.

Глубокій отпечатокъ, положенный на хозяйственный, племенной бытъ и характеръ великоросса, и Поволжанина (столь талантливо очерченный В. О. Ключевскимъ ¹⁾) и является результатомъ вліянія этихъ условій.

Особенности великорусскаго и верхне-поволжскаго хозяйства историкъ сводитъ къ разбросанности населенія и незначительности запашки, а также къ развитію какъ мелкихъ сельскихъ промысловъ, такъ и въ особенности лѣсныхъ и рѣчныхъ, а отличительную черту характера видитъ въ выносливости.

Природа научила великоросса и поволжанина наблюдательности и хозяйственно климатическимъ примѣтамъ. „Въ нихъ, говоритъ В. О. Ключевскій, (стр. 384) его метеорологія и его хозяйственный учебникъ, и его бытовая автобіографія; въ нихъ отлился весь онъ съ своимъ бытомъ и кругозоромъ, съ своимъ умомъ и сердцемъ; въ нихъ онъ размышляетъ и радуется, и горюетъ, и самъ же подсмѣивается и надъ своими горями, и надъ своими радостями“.

Природа если не сдѣлала великоросса жизнерадостнымъ, то зато она же развила въ немъ ту энергію, которую онъ на протяженіи исторіи имѣлъ случай проявить не одинъ разъ изумляя ея міръ. Она же, приучивъ великоросса къ необходимости постоянно какъ-нибудь изворачиваться, сдѣлала характеръ его какъ бы двоедушнымъ и колеблющимся, но однако способнымъ иногда, не считывая и не взвѣсивая по обыкновенію, а на одно русское авось, поставить все на карту ¹⁾. Если техническія завоеванія послѣдняго времени и все болѣе развивающаяся промышленность положили, скажемъ мы, печать на характеръ великоросса и поволжанина, если *Ярославцы и нижегородцы* давно уже стали людьми торговли и промышленности а *семеновцы* завоевали славу кустарей; если въ настоящее время Ярославская и часть Костром-

¹⁾ В. Ключевскій. „Курсъ“ ч. I. Лекція XVII—Вліяніе природы верхняго Поволжья на народное хозяйство Реликороссіи и на племенной характеръ великоросса. Стр. 378—386.

¹⁾ Ор. cit. 385—387.

ской губернии являются характерно - выраженными промышленными районами и насчитывают до 20% мужского населения отвлекаемого на отхожие промыслы, а Нижегородская губерния представляет собою район крупной промышленности мукомольной и др. (въ особенности механической и судостроительной)—то, конечно, придется отмѣтить рѣшительное измѣненіе характера современнаго населенія верхняго Поволжья. Но все же основныя, столь разнородныя и даже противорѣчивыя черты этого характера сохранились, въ значительной мѣрѣ и до сихъ поръ, ибо къ этому вѣками вели его природа ¹⁾ и исторія, къ изложенію главнѣйшихъ чертъ которой мы и переходимъ.

¹⁾ Къ приведеннымъ выше столь художественнымъ и во многомъ отвѣчающимъ по нашему мнѣнію дѣйствительному положенію вещей—строкамъ В. О. Ключевского и списку ученыхъ (примѣч. къ стр. 1), ставящихъ характеръ человѣка въ зависимость отъ природы и географическаго положенія страны, мы могли бы еще приписать, напримѣръ, Кэтле, Спенсера, Бокля и другихъ, а изъ нашихъ—С. М. Соловьева „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. I, гл. I, Бэра „О вліяніи внѣшней природы на социальныя отношенія“ и друг. и вообще умножить списокъ до размѣровъ очень внушительныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, мы должны будемъ упомянуть и о другомъ теченіи, соответствующемъ старому описанію исторіи, отводящему главную въ ней роль дѣйствию воли человѣка и моменту случайности. Сообразно этому послѣднему пониманію (особенно ярко выраженному Ваиз'емъ) характеръ, настроеніе духа народа и даже свойства употребляемой имъ пищи не стоятъ ни въ какомъ прямомъ и постоянномъ соотношеніи къ климату и вообще вліяніе природы имѣетъ далеко не безусловное, а очень относительное вліяніе. Проф В. И. Сергѣевъ („Государство и право въ исторіи“) за бездѣйствіемъ, воли и случая допускаетъ и дѣйствіе независящихъ отъ нихъ общихъ законовъ, допускаетъ вліяніе природы на человѣка на первыхъ ступеняхъ его развитія въ особенности. „Исторія человѣка, говоритъ онъ, (стр. 41) есть исторія его побѣдъ надъ природой“... Съ этимъ, хотя и не безусловно готовы съ своей стороны согласиться и мы. Но что касается дальнѣйшихъ оговорокъ почтеннаго ученаго и приводимыхъ имъ воззрѣній Ваиз'а, то мы полагаемъ, что они далеко не безусловно убѣдительны, что ближе къ истинѣ мнѣніе первой группы, утверждающей, что вліяніе природы на человѣка могущественно и зависимость его отъ нея и климата прямое и постоянное.

Очеркъ первый.

ВЕРХНЕПОВОЛЖСКІЙ КРАЙ

отъ начальныхъ свѣдѣній до удѣльнаго періода.

Данныя доисторической археологіи. Историческія свѣдѣнія иностранныхъ источниковъ о долѣтописномъ нашемъ періодѣ. Свѣдѣнія начальной лѣтописи о до-удѣльномъ періодѣ. Начало колонизаціи при-Ролжской Ростовской земли и окончательное выступленіе славянъ на Волгу (основаніе перваго здѣсь города—Ярославля). Вопросъ о колонизаціи Поволжья въ русской исторіи.

Современное знаніе съ помощью доисторической археологіи сдѣлало блистательныя попытки пролить свѣтъ на самыя отдаленныя эпохи жизни народовъ какъ исчезнувшихъ, такъ и живущихъ.

И если наше отечество не можетъ похвалиться столь-же блестящими успѣхами, какіе достигнуты Западной Европой, то все же и наша археологія, начиная со второй половины минувшаго столѣтія, достигла настолько значительныхъ результатовъ, что съ помощью ея въ настоящее время представляется возможнымъ до извѣстной степени ознакомиться съ вопросомъ о древнихъ обитателяхъ нынѣшней Россіи за долго до Р. X.

Раскопки „городищъ“ и кургановъ, данныя нумизматики и краніологіи и проч. вспомогательныя средства историческаго знанія помогли возстановить въ извѣстныхъ границахъ не только картину расселенія, но и доисторическій бытъ и степень культуры древнихъ насельниковъ верхне-Поволжскаго края.

Въ самомъ сжатомъ видѣ свѣдѣнія о нихъ представляются слѣдующими чертами:

Съ помощью раскопокъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Ярославской и Костромской многочисленныхъ кургановъ ¹⁾ было установлено, что здѣсь създавна обиталъ народецъ финскаго племени *меря*.

Съ помощью этихъ же раскопокъ было установлено, что Меряне принадлежали къ племени воинственному, что религіозными ихъ вѣрованіями было идолопоклонство, что, живя въ мѣстности изобилующей лѣсомъ, однимъ изъ главныхъ своихъ занятій они имѣли звѣроловство, что, наконецъ, благодаря удобному Волжскому пути Меряне задолго до славянской ассимиляціи находились въ торговыхъ сношеніяхъ (черезъ болгаръ) съ востокомъ и (черезъ норманновъ) съ западомъ, при чемъ наиболѣе оживленный обмѣнъ происходилъ съ первымъ.

Ассимиляція Мери Славянами совершилась окончательно уже къ нашему историческому періоду. Эта ассимиляція по отношенію къ другому финскому народу Веси, жившему къ сѣверу-западу отъ Мери—по Бѣлоозеру, совершилась быстрѣе и слѣдовъ отъ нихъ осталось менѣе чѣмъ отъ Мери.

Однако о Веси, хотя и поверхностно, знали арабы и память объ исчезнувшемъ народцѣ сохранилась въ названіяхъ мѣстъ и поселеній его, напр., существующій нынѣ *Весь-ионскъ* Тверской губ.

Дольше другихъ народцевъ сохранилась существующая и понынѣ Мордва, създавна населявшая нынѣшнюю Нижегородскую губернію.

Что касается историческихъ свѣдѣній долѣтописнаго нашего періода, то по иностраннымъ источникамъ устанавливается присутствіе Славянъ въ Европѣ съ начала II вѣка по Р. Х. Нашествіе Готовъ въ III вѣкѣ по Р. Х. поработило народы нынѣшней Россіи. Въ IV в. вождю ихъ Германариху удалось собрать завоеванные народы въ одно

¹⁾ Граф. Уваровымъ, Кузинскимъ, Савельевымъ и друг. Первымъ написанъ замѣчательный трудъ: „*Меря и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ*“.

царство, въ составъ котораго, судя по названіямъ, входили Моря, Мордва и др.

Главнымъ центромъ поселенія славянъ съ II по VII в.в. считаютъ, слѣдуя за Тацитомъ, Карпаты, откуда въ VII в. Славяне начинаютъ расселяться постепенно по нынѣшней русской равнинѣ къ сѣверу и сѣверо-востоку.

Отраженіе этого расселенія видно уже и въ нашей *начальн ѣ* лѣтописи. Другіе—прародиной славянъ считаютъ сѣверо-западъ Россіи, а, именно, бассейнъ ворховьевъ Нѣмана и Западную Двину; при чемъ нѣкоторыми дѣлается предположеніе и далѣе о томъ, что „повидимому, она простиралась до Ильменскаго озера и Волхова ¹⁾“. Существуютъ кромѣ этихъ главныхъ и другіе варианты, о которыхъ мы здѣсь говорить не находимъ возможнымъ. Но если, какъ это дѣлаетъ В. О. Ключевскій ²⁾, держаться первой версіи, то выйдетъ, что славяне, медленно, съ пятивѣковой остановкой на Карпатахъ, передвинулись на сѣверо-востокъ съ Дуная, гдѣ они появились во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. Что касается признаковъ видоваго различія, то историческая наука подмѣчаетъ это не ранѣе VII в., съ какого времени различаетъ и восточныхъ славянъ, придвигавшихся все болѣе и болѣе къ Волгѣ въ верхнемъ ея теченіи. Проф. Д. Я. Сомовъ ³⁾ на основаніи археологическихъ, лингвистическихъ и лѣтописныхъ данныхъ считаетъ прародиной славянъ область „древней Скитіи“, лежавшей между Дунаемъ и Днѣпромъ; прародиной же Славяно-русовъ по его словамъ была область Сарматіи, въ нынѣшнихъ Полтавской и Кіевской губерніяхъ и частей Харьковской, Курской и Черниговской губерній.

Ограничиваясь на этихъ самыхъ краткихъ свѣдѣніяхъ, заглянемъ въ исторію верхняго Поволжья по нашимъ лѣтописямъ

¹⁾ Академикъ А. А. Шахматовъ „Къ вопросу о древнѣйшихъ славяно-кельтійскихъ отношеніяхъ“. Казань 1912 г. стр. 1.

²⁾ „Курсъ“, ч. I, стр. 120—129.

³⁾ „Курсъ исторіи русскаго права“. Изд. 3-е. М. 1908, стр. XX—XXII и Дополненія къ курсу лекцій №№ I—IV.

Начальная лѣтопись не помнитъ не только о выходѣ славянъ изъ общей колыбели народовъ Азіи, но и того времени, когда наши предки, двигаясь съ юга нынѣшней Россіи, расселились по Днѣпру, Волхову и верховьямъ Волги; не помнитъ когда были основаны города Смоленскъ, Новгородъ и, возникшій въ землѣ Мери, вѣроятно, не безъ вліянія Волжской торговли, Ростовъ. Всѣ эти факты произошли задолго до того времени, когда въ начальной лѣтописи съ тщательностью и любовью стали записываться важнѣйшія изъ событій нашей исторіи. Свѣдѣнія о Волгѣ наши предки имѣли также задолго до начала лѣтописнаго періода: въ общемъ очеркѣ о расселеніи славянскихъ племенъ и другихъ народностей лѣтописецъ описываетъ, какъ уже издавна извѣстное, все теченіе Волги отъ верховьевъ до устьевъ ея ¹⁾.

„Потече Волга на вѣстокъ и вѣтечетъ семьюдесять жерель въ море Хвалиское. Тѣмже и изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалиссы, на вѣстокъ дойти въ жребій Симовъ ²⁾.“

Изъ начальной лѣтописи видно, что вначалѣ Славяне Кригичи заселили только самыя верховья Волги.

Самыми ближайшими пограничными сосѣдями ихъ являлись, не существующіе нынѣ народы финскаго племени, Веси и Мери.

„На Бѣлѣозерѣ, говоритъ лѣтопись, сѣдять Веси, а на Ростовскомъ озерѣ Мери, а на Клещинѣ (Переяславскомъ) озерѣ—Мери же ³⁾.“

Въ монографіяхъ по данному вопросу изслѣдователи приходятъ къ выводу, что Мери жили въ нынѣшнихъ

¹⁾ Правда свѣдѣнія эти еще и позднѣе были не полны и сбивчивы: считалось за вѣрное, что Волга у устья имѣетъ два рукава изъ которыхъ одинъ впадаетъ въ Каспійское море, другой въ Черное (Азовское) Такое заблужденіе имѣло основаніемъ древніе походы славянъ на судахъ по маршруту: Волга—волокъ къ Дону, къ древнему Саркелу (Бѣлая Вѣжа), Донъ, Азовское и Черное море или обратно.

²⁾ Лаврентьевская лѣтопись, изд. Археогр. комиссіи, Спб. 1846, стр. 3.

³⁾ Ibid, 5.

губерніяхъ: Ярославской, Костромской, Владимирской (до Клязьмы) и сѣверной части Московской губерніи ¹⁾.

Разселеніе другихъ народцевъ, населявшихъ въ древности берега Волги, представляется въ слѣдующихъ чертахъ: по Окѣ жилъ народецъ „Мурома“; у устья Оки и по правому берегу Волги до р. Свіаги—„Мордва“ и по лѣвому берегу Волги внизъ отъ устья р. Оки—„Черемисы“.

Перечисленные сосѣди а также Чудь и другіе древніе народцы насельники Восточнаго побережья Балтійскаго моря платили славянамъ кривичамъ дань ²⁾ и являлись для нихъ сосѣдями не столь грозными какъ Варяги, которымъ, эту дань должны были платить наоборотъ Кривичи со всѣми перечисленными народцами ³⁾.

Касаясь названнаго вопроса о западныхъ сосѣдяхъ Славянъ, необходимо упомянуть о Кельтахъ, жившихъ нѣкогда, какъ это проф. Будде считаетъ доказаннымъ академикомъ Шахматовымъ,—въ области Вислы, а позднѣе на Восточномъ берегу Балтійскаго моря. Славяне должны были подчиниться жившимъ въ непосредственномъ съ ними со-сѣдствѣ Кельтамъ⁴⁾.

Впрочемъ наши воинственные предки скоро и, повидимому, безъ особеннаго труда освободились отъ этой зависимости⁵⁾. Наоборотъ, для нихъ значительно болѣе трудностей представляло урегулированіе внутренней жизни. Здѣсь непоряки достигали крайнихъ степеней—включительно до междоусобной войны⁶⁾.

Отраженіе внутренней жизни Славянъ, конечно, должно было сказываться и на данникахъ ихъ Мерѣ и Веси. Эти племена къ историческому періоду мало по малу должны

¹⁾ Д. А. Корсаковъ. „Меря и Ростовское княжество“. Казань. 1872, стр. 12.

²⁾ Лаврент., стр. 5.

³⁾ *ibid* 8

⁴⁾ См. на стр. 54 цитированной работы академика А. А. Шахматова приписку проф. Е. Будде.

⁵⁾ Лѣтопись относитъ это событіе къ 862 году; „Изгнаша Варяги за море и не даша имъ дани и начаша сами въ себѣ володѣти.“ (Лаврент. 8).

⁶⁾ «И не бѣ въ нихъ правды», повѣствуетъ лѣтописецъ, «и вѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся». (*ibid*).

были начать жить съ ними общей жизнью: такъ, по смерти Синеуса и Трувора, Рюрикъ раздаетъ своимъ дружинникамъ города: „овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро“.¹⁾

„Первые варяги“, говоритъ Ходаковский, „не удовольствовались областями, призвавшими ихъ. Владѣя Бѣлымъ озеромъ или началомъ р. Шексны... и всѣми вѣтвями оной они пошли за указаніемъ воды искать новыхъ пріобрѣтеній. Спустившись на Волгу до устья р. Меры, покорили область“, носящую названіе по этой рѣкѣ. Вслѣдъ за этимъ „Варяги вошли въ Оку и завоевали Мурому“²⁾.

Воинственныя Славяне: предприимчивые Новгородцы и суровые, поставленные въ довольно тяжелыя природныя условія, Кривичи създавна начали искать выхода къ берегамъ такой рѣки, какъ Волга, берега которой не могли не поразить ихъ своей красотой и превосходствомъ надъ болотистой мѣстностью, гдѣ они осѣли; кромѣ того Волга являлась для нихъ желанной вообще и потому, что расселеніе — какъ уже упоминалось — въ древности совершалось почти исключительно по рѣкамъ — этимъ даровымъ удобнымъ путямъ сообщеніямъ. И вотъ наши предки устремляютъ свои взоры на водныя артеріи Мери, на мощную Волгу, ведущую въ Болгарію и до самаго моря Хвалыскаго. „По этимъ то артеріямъ говоритъ, изслѣдователь края³⁾. Волгѣ, Тверцѣ, Мологѣ, Шекснѣ, Костромѣ, Унжѣ, съ значительнымъ числомъ малыхъ рѣкъ и рѣчекъ впадающихъ въ нихъ създавна сновали ушкуи и уструги славянскіе“.

Създавна славяне начали «просачиваться» на территорію Мерянъ, колонизировать и заселять Волгу. Этотъ фактъ нашей исторіи, по вѣрному утвержденію В. О. Ключевского,⁴⁾ сталъ основнымъ.

1). Паврент. 9.

2). Ходаковский „Пути сообщенія въ древней Россіи“. Рус. ист. сб. т. I. М. 1837 г. стр. 23.

3). Д. А. Корсаковъ „Меря и Р.—Сузд. кн.“ стр. 50.

4). В. О. Ключевскій Курсъ рус. ист., часть I М. 1904 стр. 25

„Исторія Россіи“, говоритъ почтенный ученый, „исторія страны, которая колонизируется...¹⁾“

Такое положеніе, по отношенію къ восточной части нашего отечества, къ судьбамъ Волги, колонизація которой, путемъ непрерывной и упорной борьбы, совершалась почти семь столѣтій, не подлежитъ никакому сомнѣнію

Обладаніе великой артеріей, великолѣпнѣйшимъ путемъ въ богатые сказочныя страны далекаго Востока всегда казалось нашимъ предкамъ настолько заманчивымъ и политически необходимымъ, что они готовы были для этого принести какія угодно жертвы, не останавливаясь ни передъ кровавыми битвами, ни передъ невзгодами безконечныхъ походовъ.

Начало такихъ походовъ по Волгѣ относится къ самой глубокой древности: такъ въ 944 году, по утверженію историка нашихъ древнихъ путей, „славены или руссы приходили на судахъ черезъ Каспійское море въ нынѣшнюю Грузію“²⁾.

Воинственный Святославъ, какъ только возмужалъ, тотчасъ устремилъ свои взоры на Волгу. Въ 964 году онъ отправляется въ походъ на Вятичей, жившихъ по Окѣ и по правому берегу части Волги. Въ слѣдующемъ году онъ идетъ на Хозарь, а въ 966 г. опять на Вятичей³⁾.

Въ 985 году Владимиръ съ своимъ дядей Добрынею и съ Новгородцами идетъ Волгою на Камскихъ болгаръ. Повидимому, сборнымъ пунктомъ было устье р. Тверцы или Мологи. Походъ былъ удаченъ—Болгары были побѣждены. На этомъ и кончаются лаконическія свѣдѣнія о походѣ; сохранились еще лишь нѣсколько, но очень характерныхъ, строкъ о болѣе высокой степени культуры и благосостоянія Камскихъ болгаръ: „Рече Добрыня Володимеру: Съглядохъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не

1) *ibid.*, 24.

2) Ходаковский. „Пути сообщенія въ древней Россіи“ стр. 3. Русский историческій сборникъ т. 1. М. 1837 г.

3) Лаврент. 27.

даяти, пойдемъ искать лапотниковъ. И створи миръ Володимеръ съ Болгары“¹⁾. Миръ заключался прочный („оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонуту“), и не только по видимости, ибо послѣ этого въ лѣтописяхъ, дѣйствительно, не встрѣтимъ долго никакихъ записей относительно походовъ на Волгу.

Не учелъ ли политичный князь Владимиръ возможности извлечь пользу изъ Болгаръ путемъ мирнымъ, развивъ Волжскую торговлю. И не былъ ли спрашивается, заключенный въ 985 году, миръ показателемъ замѣтнаго развитія ея, вызвавш. въ недалекомъ будущемъ специальную регламентацію, если повѣрить утвержденію Татищева — въ его „Исторіи Россійской—о томъ, что въ 1006 году Болгары заключили съ Владимиромъ Св. торговый договоръ на безпрепятственную торговлю имъ на Окѣ и Волгѣ, а русскимъ въ Болгаріи²⁾.

Во всякомъ случаѣ по вопросу о Волжской торговлѣ можно сказать³⁾, что она здѣсь существовала уже въ IX и X в.в. и что съ самыхъ древнихъ временъ и по меньшей мѣрѣ не позднѣе начала XI в. заслужила Волга свое, сохранившееся за ней до настоящаго времени, названіе „кормилицы“.

„Бѣ мятежъ и голодъ по всей той (Суздальской) странѣ; идоша по Волзѣ всѣ людье въ Болгары и привезоша жито и тако ожиша“⁴⁾ повѣствуетъ лѣтопись о 1024-мъ годѣ.

¹⁾ Лаврентьевская, стр. 36. Ходаковский, стр. 11—12.

²⁾ Татищевъ. „Исторія Россійская“, книга вторая, стр. 88—89. „Прислали Болгары (Вольскіе) пословъ съ дары многими, дабы Владимиръ позволилъ имъ въ городахъ по Волгѣ и Окѣ торговать безъ опасенія на что имъ Владимиръ охотно соизволилъ и далъ имъ во всѣ града печати, дабы они вездѣ и всѣмъ вольно торговали, и русскіе купцы съ печатями отъ намѣстниковъ въ Болгары съ торгомъ ѣздили безъ опасенія. А Болгарамъ всѣ ихъ товары—продавать въ городахъ купцамъ, и отъ нихъ купить что потребно, а по селамъ не ѣздить тиуномъ, вирникомъ, огневщинѣ и смердинѣ продавать и отъ нихъ не купить“.

³⁾ Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ русскихъ съ половины VII в. до конца X в. по Р. Х., собр. А. Я. Гаркави. Спб. 1870.

⁴⁾ Лаврентьевская, стр. 64.

Торговныя операціи русскихъ по историческимъ даннымъ и изслѣдованіямъ и тогда распространялись до самыхъ устьевъ Волги. Русскіе въ IX в. уже обычно спускались до столицы Хозарскаго царства Итиля; платили здѣсь положенную за торговлю десятину. Вообще надо сказать, что Волжская мѣна и торговля столь же древни, какъ и торговля славянъ по великому пути „изъ Варягъ въ Греки“¹⁾. Что касается колонизаціи Поволжья, то къ XI вѣку, славяне уже несомнѣнно начали заселять Волгу. Ею къ началу XI в., князья начали пользоваться уже для походовъ на Кіевъ. Для этого они (какъ, напримѣръ, Муромскій князь Глѣбъ Владимировичъ въ 1015 году) спускались Окой на Волгу и поднимались послѣдней вверхъ до Вазузы, а изъ нея переволакивались въ Днѣпръ²⁾.

Въ виду приведеннаго выше о всемъ этомъ времени можно сказать, что Славяне уже прочно укрѣпились въ считавшемся княжеской волостью, Ростовѣ; что, по крайней мѣрѣ къ половинѣ XI вѣка, они вышли на самую Волгу, основавъ здѣсь городъ Ярославль³⁾; что къ этому времени они имѣли уже замѣтную торговлю на Волгѣ съ Болгарами и Востокомъ. что, наконецъ, къ этому же времени начали они постепенно упрочивать свои владѣнія и со стороны Окскаго бассейна и основывать въ этомъ краю, въ сердцѣ будущаго сильнаго Ростово Суздальскаго княжества, другіе форпосты.

Ограничивая на этомъ изложеніе главнѣйшихъ чертъ первоначальной исторіи верхняго Поволжья, и въ связи съ слѣдующимъ очеркомъ о дальнѣйшемъ ходѣ колонизаціи

¹⁾ См. объ этомъ у Костомарова, Аристовъ, Н. Н. Фирсова, Загоскина и друг.

²⁾ Ходаковскій, 24.

³⁾ Упоминается въ лѣтописи въ первый разъ подъ 1071 г. по поводу голода, случившагося въ Ростовской области. (Лаврентьевская, стр. 75).

его, остановимся на этомъ послѣднемъ вопросѣ, имѣя цѣлью лучшее уясненіе причинъ этого явленія, которое, какъ извѣстно, оказало столь большое вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ исторіи нашего государства.

Относительно величайшей важности колонизаціоннаго значенія сѣверо-восточной нашей окраины въ наукѣ, не смотря на различныя отправныя точки зрѣнія, существуетъ большое единодушіе; такъ проф. В. О. Ключевскій называетъ, въ зависимости отъ колонизированія славянами Поволжья, даже цѣлый періодъ нашей исторіи *верхне-волжскимъ* ¹⁾.

Отчужденіе отъ Кіева и пренебреженіе къ нему и даже самый удѣльный порядокъ почтенный ученый считаетъ однимъ изъ политическихъ слѣдствій этого же явленія ²⁾. Профессоръ Н. П. Загоскинъ въ колонизаціи славянъ на сѣверо-востокѣ видитъ зародышъ исторіи нашей государственности ³⁾. Такимъ же важнымъ считалъ это явленіе и С. М. Соловьевъ ⁴⁾. Профессоръ Д. А. Корсаковъ считаетъ, что наше поступательное движеніе на Востокъ представляется однимъ изъ первенствующихъ явленій не только исторіи нашей, но и современности ⁵⁾. Такую же важность вопросу о значеніи колонизаціи сѣверо-востока Руси и въ частности Поволжья придавали и проф. Перетятковичъ и друг. Литература по этому вопросу начала развиваться съ 30 хъ годовъ минувшаго столѣтія. Надеждинъ, затѣмъ кромѣ упомянутаго уже нами С. М. Соловьева, Щаповъ, Шпилевскій, Ешевскій, Бѣляевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Н. А. Өирсовъ, Забѣлинъ, Готье и Довнаръ-Запольскій и многіе друг., перечисляютъ которыхъ дальше мы не находимъ возможнымъ — всѣ они обраща-

¹⁾ „Курсъ“, ч. 1, стр. 28.

²⁾ *Op. cit.*, стр. 411 и 435.

³⁾ „Курсъ исторіи русскаго права“ (Ученыя записки Казанскаго Университета за 1906 годъ), стр. 104.

⁴⁾ „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. 1, глава 1.

⁵⁾ „Объ историческомъ значеніи поступательнаго движенія великорусскаго племени на востокъ“, Казань 1889, стр. 3.

лись къ изслѣдованію вопроса о нашей колонизаціи вообще и въ частности Поволжья. проф. же Перетятковичъ избралъ послѣднее темой для своей диссертациі.

Итакъ то положеніе, что вопросъ о колонизаціи и заселеніи верхняго Поволжья въ нашей исторіи есть одинъ изъ кардинальныхъ вопросовъ, представляется несомнѣннымъ; и не съ этой стороны интересно подойти къ нему а съ той, гдѣ въ наукѣ наблюдается вовсе не единодушіе, а значительное разногласіе, именно по вопросу о *причинахъ колонизаціи. Каковы ближайшія причины, вызвавшія колонизацію нашими предками верхняго Поволжья и условія благопріятствовавшія успѣхамъ ея—вотъ въ общихъ чертахъ* вопросы, которые представляется интереснымъ разсмотрѣть.

Профессоръ Перетятковичъ обусловливаетъ движеніе славянъ въ область Поволжья силою, такъ сказать, *стихійною*, независящей отъ какой либъ отдѣльной исторической личности; это движеніе шло непрерывно вплоть до тѣхъ поръ, пока новая стихійная сила въ лицѣ монголовъ на время не остановила этого движенія ¹⁾. Н. Г. Серпуховскій ²⁾ примыкая къ мнѣнію предшествующихъ писателей, полагаетъ, что причину переселенческихъ движеній въ древней Руси надо искать главнымъ образомъ въ коренномъ свойствѣ и наклонности русскаго человѣка къ передвиженіямъ. хотя бы и отдаленнымъ, но лишь бы они происходили въ сообществѣ земляковъ. Профессоръ Д. А. Корсаковъ полагаетъ, что славяне двинулись въ Поволжье, какъ въ сторону наименьшаго сопротивленія, не выдержавъ напора германскихъ племенъ съ Запада ³⁾. Большинство же ученыхъ объясняютъ это явленіе закономъ расселенія въ древности въ зависимости отъ гидрографіи страны и вообще благопріятными физическими условіями ея, изъ которыхъ на одномъ изъ первыхъ мѣстъ стоитъ рельефъ.

¹⁾ Ор. cit. стр. 322—323.

²⁾ „Переселенія въ Россіи въ древнее и новое время и ихъ значеніе въ хозяйствѣ страны“. („Еременникъ Демидовскаго Юридич. Лицея 1885 г., кн 36, стр. 2).

³⁾ Ор. cit. стр. 8—9.

Г. Н. Рожковъ, причисляя къ этому еще равномерность климата, оговаривается однако, что физическіе факторы оказываютъ лишь *пассивное* вліяніе; активную же силу, двигавшую процессъ колонизаціи, надо по его мѣнію искать въ изученіи процесса хозяйственныхъ отношеній ¹⁾. С. М. Соловьевъ полагаетъ, что въ основаніе колонизаціи В. Поволжья, во всякомъ случаѣ не легъ фактъ завоеванія въ томъ смыслѣ какъ это обыкновенно понимается въ исторіи, ибо, говоритъ онъ, „въ началѣ нашей исторіи мы видимъ, что славяне и финны дѣйствуютъ заодно“ ²⁾. Другіе ученые наоборотъ полагаютъ, что здѣсь имѣло мѣсто насильственное занятіе земель Мери ³⁾.

Ограничивая на этомъ приведеніе взглядовъ различныхъ ученыхъ, рассмотримъ въ первую очередь воззрѣніе на данный вопросъ автора фундаментальной „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Если, дѣйствительно, согласно лѣтописнымъ даннымъ начала нашей исторіи мы и видимъ славянъ какъ бы вкрапленными въ племена Мери, въ Ростовской области и живущими съ ними бокъ-о-бокъ и, повидимому, мирно, то всѣ дальнѣйшіе успѣхи колонизаціи Поволжья несомнѣнно были связаны съ безконечными походами и борьбой съ Мордвой и ирочими народцами, съ Булгарами, а позднѣе и Татарами.

Если и не сохранилось лѣтописныхъ данныхъ о борьбѣ съ Мерей, то сомнительно, чтобы какой-либо народъ подчинился другому добровольно. Отсутствіе данныхъ не исключать предположенія, что исчезшій безслѣдно народъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы устоять противъ напора славянъ, слишкомъ мало носилъ въ себѣ и духовныхъ силъ, чтобы не быть ассимилированнымъ, но только не безъ сопротивле-

¹⁾ Н. Рожковъ, „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“, ч. I, Спб. 1903, стр. 15.

²⁾ *Op. cit.*, стр. 11.

³⁾ Проф. Сергѣевичъ „Русскія юридич. древности“, т. I. Спб. 1902 г. стр. II. Вестужевъ-Рюминъ „Р. Исторія“, т. I, Спб. 1872 г. Изд. Кожанчикова „Княжество Суздальское“, стр. 187. Готье и Довнаръ-Запольскій. „Колонизація славянами Восточно-Европейской равнины до половины XIII в.“ стр. 80—81. (Въ очеркахъ и статьяхъ русской исторіи, т. I, изд. 2-е).

нія. Намъ кажется въ данномъ случаѣ будутъ болѣе справедливыми положенія тѣхъ ученыхъ, которые образованіе государствъ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшія времена, видятъ въ завоеваніи. Такъ, авторъ съ именемъ котораго связана спеціальная теорія ¹⁾ въ многомъ правъ говоря, что нельзя притти къ какому либо иному заключенію о происхожденіи и расширеніи границъ государства, какъ посредствомъ завоеванія, насильственного подчиненія и покоренія болѣе сильнымъ племенемъ болѣе слабого; что въ этомъ случаѣ нельзя пожаловаться на недостатокъ историческихъ источниковъ, какъ разъ наоборотъ: Китай, Индія, Персія, Египетъ, Евреи, Римъ и проч. тому примѣры. Даже средневѣковыя государства въ главныхъ основаніяхъ создаются такъ-же, какъ и восточныя государства древности, продолжаетъ тотъ же ученый; покоренные обращаются отчасти въ состояніе несвободы, а завоеватели образуютъ классъ наслѣдственной аристократіи. И эти основныя черты естественнаго процесса повсюду наблюдаются ²⁾. Намъ кажется относительно (во всякомъ случаѣ) конца средневѣковья необходимо оговорить слѣдующее: въ это время побѣжденные едва ли въ видѣ общаго правила обращались въ состояніе несвободы. Но однако это можетъ быть отнесено развѣ лишь къ Западной Европѣ. Что касается Восточной половины ея, то здѣсь жизнь побѣжденного населенія и въ это время и даже позднѣе всецѣло зависѣла отъ воли побѣдителя.

Никакого исключенія Поволжскія страны въ этомъ отношеніи не представляли. Наоборотъ плѣнные здѣсь являлись предметомъ торговли и довольно развитой. И это занятіе представлялось настолько выгоднымъ, что торговали не только людьми чуждой народности, но и своей. Хорошо извѣстенъ, на примѣръ, набѣгъ Новгородскихъ ушкуйниковъ на В. Поволжскіе города (Кострому, Н.-Новгородъ и проч.) во 2-й половинѣ XIV в., когда они, разграбивъ и захвативъ съ собою своихъ же одноплеменниковъ, продали ихъ въ рабство Булгарамъ. Сами ушкуй-

1) Gumpłowicz „Der Passenkampf“, S. 355.

2) Ср. ibidem S. 362.

пики сложили въ бою свои отчаянныя головы въ низовьяхъ Волги.

Вообще надо сказать, что состояніе войны для Поволжья является въ древнее время обычнымъ, продолжающимся вплоть до покоренія Казани и Астрахани.

Но почему же сюда, именно, были направлены по преимуществу колонизаціонныя усилія русскихъ? Объясненія этому надо искать конечно, прежде всего, какъ полагаютъ, проф. Ключевскій, Загоскинъ и друг., въ благоприятныхъ гидрографическихъ условіяхъ. Ими и географическо-политическими условіями можно объяснить и причины успѣха нашего поступательнаго движенія на Востокъ ¹⁾.

Развивая эту мысль далѣе, мы должны сказать, что слабость сосѣдей способствовала интенсивности этой колонизаціи; наоборотъ встрѣча съ сильнымъ противникомъ въ видѣ, напримѣръ, грозныхъ ордъ Монголовъ и укрѣпленіе ихъ для постоянного жительства на берегахъ, средней и низовой Волги надолго задерживаетъ успѣхи ея.

Проф. Перетятковичъ, какъ мы видѣли, нашествіе монголовъ противопоставлялъ въ качествѣ стихійной силы стихійной же силѣ движенія славянъ въ область Поволжья. Намъ, кажется, что здѣсь эти слова надо понять не въ значеніи *vis major*а, а образнаго выраженія, ибо сепаратизмъ и политическая раздробленность заставили позднѣе и татаръ уступить напору русскихъ; слова эти не отражаютъ вполне точнѣ причинъ стремленія русскихъ къ завладѣнію теченіемъ Волги, да и вообще, пожалуй, мало уясняютъ суть дѣла, такъ какъ выраженіе стихійное движеніе употребить ли его какъ неудержимое или понять какъ безотчетное движеніе одинаково не отличается точностью. Также

¹⁾ Н. П. Загоскинъ. Ор. сіѣ, стр. 104. „Если мы взглянемъ на карту, говоритъ ученый, и примемъ въ соображеніе географо-гидрографическія условія восточной Европы передъ эпохой движенія сюда славянъ отъ странъ Придунайскихъ и Карпатскихъ, то поймемъ причины успѣшности славянской колонизаціи въ этомъ направленіи“.

мало проявляющимъ суть вопроса намъ кажется и мнѣніе г. Н. Г. Серповскаго: склонность къ какому-то своеобразному кочевничеству и переселеніямъ, хотя бы и въ сообществѣ съ дорогими земляками, могутъ быть пріятными далеко не всегда и не тогда ужъ, конечно, когда за это приходится платиться кровью, что мы несомнѣнно видимъ при колонизаціи и заселеніи Поволжья, по крайней мѣрѣ въ части отъ Н.-Новгорода внизъ. Впрочемъ у Бестужева-Рюмина мы найдемъ болѣе развитое и болѣе правдоподобное чѣмъ у г. Серповскаго мнѣніе, а, именно, что поселенцы, которыхъ впослѣдствіи называли бродниками и ушкуйцами, должны были сначала покрять туземцевъ, и бой быть можетъ былъ очень жестокой ¹⁾... (Намъ думается, несомнѣнно такъ, а не иначе обстояло дѣло. Для мирнаго же заселенія время наступило только потомъ, да и то, думается, — заселенія относительно лишь мирнаго).

Что касается того мнѣнія, котораго придерживается проф. Д. А. Корсаковъ, то оно представляется очень правдоподобнымъ: законъ стремленія въ сторону наименьшаго сопротивленія примѣнимъ и при распиреніи земель древнерусской народности ²⁾, при чемъ слабѣе было, конечно, не плотно населенный воинственными германскими племенами Западъ, а Востокъ. Къ тому же и гидрографическія условія были лучше тоже на этой границѣ.

Намъ, кажется, только, что успѣхи поступательнаго движенія славянъ на Востокъ объясняются просто благоприятной политической конъюнктурой, а не особой исторической миссіей которая была и будетъ всегда и исключительно присущей нашему государству ³⁾.

Своеобразнымъ, представляется мнѣніе г. Рожкова. Активную силу, говоритъ онъ, двигавшую процессъ колонизаціи, нужно искать въ хозяйственныхъ отношеніи.

¹⁾ Бестужевъ—Рюминъ. „Русская исторія“, т. I. Спб. 1872. „Княжество Суздальское“ стр. 187.

²⁾ Ср. Wieser. „Recht und Macht“ L. 1910. S. 48. Исторія, говоритъ W., движется по линіи великихъ силъ и наименьшихъ сопротивленій.

³⁾ См. напр., Еллинекъ „Общее ученіе о государствѣ“, изд. второе исправл. и дополненное С. I. Гессеномъ, Спб. 1908 г., стр. 169.

яхъ.. Конечно они были причиною, но не единственною. ибо, спросимъ мы: развѣ, на примѣръ, Юрій Долгорукій ушелъ изъ Кіева въ Суздальскую землю исключительно по хозяйственнымъ мотивамъ? И, пожалуй, еще болѣе того—развѣ Ермакъ съ оружіемъ въ рукахъ пробился до далекихъ береговъ Иртыша тоже исключительно по мотивамъ хозяйственнымъ?

Намъ кажется приведенные историческіе примѣры. (а ихъ возможно умножить до безконечности) произошли не по этой одной причинѣ, но и въ значительной мѣрѣ подѣ влияніемъ мотивовъ политическихъ (въ первомъ нашемъ примѣрѣ) и соціально-правовыхъ (во второмъ).¹⁾

Итакъ, изъ вышеприведенныхъ мнѣній объ общихъ причинахъ направленія колонизаціонныхъ усилій славянъ по преимуществу на сѣверо-восточную нашу окраину и Поволжье, намъ думается болѣе правильны тѣ выводы, въ которыхъ причина и успѣшность конолизаціи объясняются благоприятными какъ гидрографическими и физико-географическими условіями вообще, такъ и политическими. При чемъ въ какомъ бы смыслѣ не понимать завоеваніе, оно здѣсь, при началѣ колонизаціи по нашему мнѣнію имѣло мѣсто; овладѣніе же всѣмъ теченіемъ Волги совершилось благодаря непрерывной въ теченіе вѣсколькихъ столѣтій борьбѣ.

Относительно Мерянъ по нашему мнѣнію трудно допустить то, что они добровольно уступили свои земли славянамъ, что они безъ всякаго сопротивленія были стерты съ лица земли, тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ раскопокъ ихъ могилъ, они вовсе не чуждались оружія.

Конечно, въ виду отсутствія достаточныхъ данныхъ здѣсь возможно строить лишь предположенія. Но при такихъ условіяхъ можно, конечно, строить предположенія различныя и тѣмъ болѣе тѣ, которыя вытекаютъ логически, въ силу самой сути вещей. Намъ думается, что только при

¹⁾ Впрочемъ и г. Рожковъ не исключаетъ влияния политическихъ условій, но совершенно обезцѣливаетъ ихъ.

полученіи большаго количества данныхъ, будетъ вскрыта настоящая природа отношеній между древними славянами и Мерянами¹⁾...

Однако какія же ближайшія причины заставляли Славянъ обращать свои взоры на берега Волги? Можно ли сказать вмѣстѣ съ нѣкоторыми изслѣдователями, что не въ поискахъ свободной для запашки земли стремились сюда наши предки, а ради рыболовной сѣти и судна купца? Или же нужно допустить, что приманкой было лишь это послѣднее да надежда на богатства края пушнымъ товаромъ²⁾? Намъ думается болѣе правильнымъ будетъ то заключеніе, что вся совокупность перечисленныхъ богатствъ края влекла сюда Славянъ; во всякомъ случаѣ невозможно совершенно исключить поисковъ пахотной земли уже въ виду того обстоятельства, что своего хлѣба славянамъ нерѣдко не доставало; въ голодные годы, которые,—какъ видно по лѣтописнымъ нашимъ сводамъ,—разражались довольно нерѣдко, хлѣбъ получался именно съ Волги³⁾.

Что касается рыбы и пушного товара, то Волга и Поволжскій, край конечно, были ими богаты. Но озерами, рѣками, хотя и не столь большими какъ Волга, а также и лѣсомъ страна сѣверо-восточныхъ слагянъ была тогда вообще богата, а слѣдовательно и рыба, и пушнина не являлись единственными приманками.

Однако торговля послѣдней, конечно, могла служить одной изъ причинъ. Торговля, вѣрнѣе обмѣнъ (вначалѣ по

¹⁾ Много еще неразъясненнаго въ нашей исторіи. Однако есть, конечно, основаніе предполагать, что многое для насъ темное будетъ нашимъ потомкамъ уже яснымъ. А. Савельевъ въ своей статьѣ: „Нѣсколько неразрѣшенныхъ историко-географическихъ вопросовъ“ (Истор. Вѣстникъ 1889 г. т. XXXVII, стр. 161—167), приводитъ нѣсколько вещественныхъ доказательствъ дающихъ, возможность положительно установить фактъ общенія съ самыхъ древнѣйшихъ временъ нашего сѣверо-востока съ Китаемъ и Индіей и друг. странами. Доказательствомъ сношенія съ первымъ могутъ служить находимыя въ этихъ мѣстахъ китайскихъ „зюanze“ (зеркала), „най-зы“,—(жеремьекъ или дощечка для почты или передачи приказаній), „гонго“ (подсѣбѣ нашего била) торгъ и проч. (см. стр. 162—3 и 166). Лѣтописныя же данныя наши объ этомъ общеніи не знаютъ ничего.

²⁾ Борзаковский „Исторія Тверскаго княжества“. Спб. 1876 г., стр. 10.

³⁾ См. Лаврент. сводъ, подъ 1024 годомъ.

крайней мѣрѣ). великолѣпнымъ передаточнымъ факторомъ для чего являлась Волга, конечно, влекли сюда славянъ; желаніе завладѣть всѣми мѣстными богатствами края и теченіемъ Волги—вотъ надо полагать импульсы толкавшіе нашихъ предковъ на многолѣтнюю борьбу. Болѣе ясно это будетъ видно, если мы перечислимъ продукты и товары Волжскаго транзита древняго времени. Въ періоды хазарскій, болгарскій и татарскій ими были большею частью сырые продукты и между прочимъ *хлѣбъ*. Позднѣе въ XVI и XVII вв. съ низовьевъ Волги стали получать такъ называемые восточные товары: *пряности*, фрукты, соки растений и разныя травы (мускусъ, алоэ, камфора, корица); *дорогіе* камни, а также *жемчугъ*, *бисеръ*, золотыя и серебряныя вещи, оружіе, шелковыя *ткани* разныхъ цвѣтовъ и проч. ¹⁾ Если вышеприведенный перечень пополнить тѣмъ, что съ теченіемъ времени русскіе начали привозить соль ²⁾, а изъ Булгаріи, изъ Волжскихъ прибрежныхъ горъ, въ качествѣ строительнаго матеріала, камень, и известь, то получится въ главныхъ чертахъ кругъ товаровъ и продуктовъ, направлявшихся съ устьевъ Волги къ верховьямъ ея. Этому со стороны Руси соответствовалъ обмѣнъ по преимуществу сырыхъ продуктовъ, среди которыхъ однимъ изъ главныхъ являлись драгоценныя мѣха: собольи, бобровые, горностаевые, куны и чернобурыхъ лисицъ. Затѣмъ сверху Волги шелъ медъ, воскъ, такъ называемый „рыбій зубъ“ (мѣржовые клыки), льняныя ткани и юфть. Въ общемъ, если принять во вниманіе замѣчаніе проф. Н. Н. Фирсова, что хазарскій и болгарскій періоды характеризуются торговымъ господствомъ на Волгѣ инородцевъ, а не славянъ ³⁾, то становятся понятными какъ зависимость благосостоянія нашихъ предковъ отъ обладанія Поволжьемъ, такъ и ближайшія кромѣ поли-

¹⁾ Н. Н. Костомаровъ. „Очеркъ торговли Московскаго государства“ въ XVI и XVII в.в., кн. 8, Спб. 1906, т. XX, стр. 233 и 392.

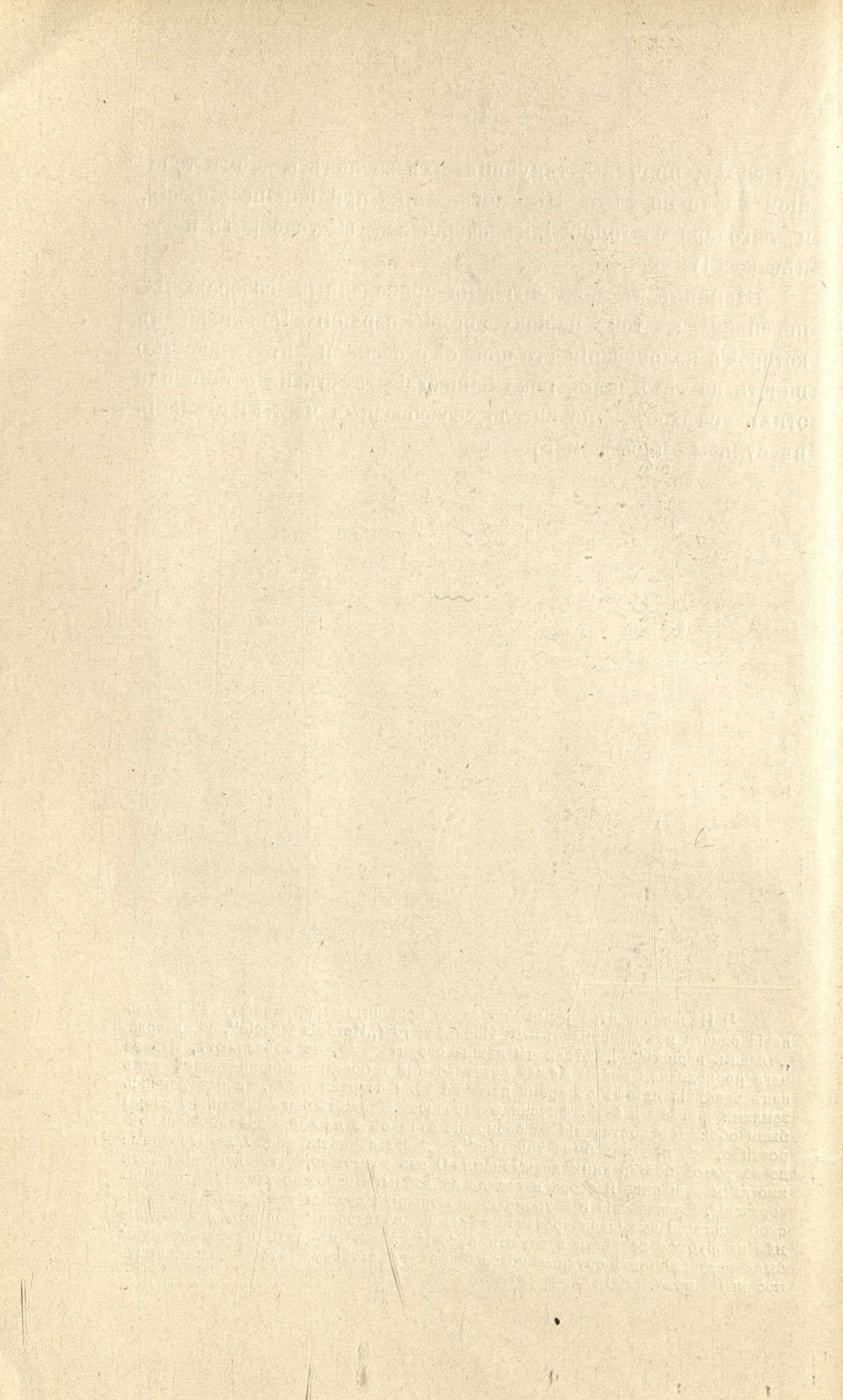
²⁾ Аристовъ. „Промышленность древней Руси“. Спб. 1863 г., стр. 197.

³⁾ Проф. Н. Н. Фирсовъ. „Нѣкоторыя черты изъ исторіи торгово-промышленной жизни Поволжья съ древнѣйшихъ временъ до осмотра этого края Императрицей Екатериной II-ой“. Казань, 1898 г., стр. 5—6.

тическихъ, причины, тянувшія ихъ завладѣть всѣмъ теченіемъ великой рѣки. Въ этомъ они, при помощи оружія, и благодаря благопріятіямъ физическимъ условіямъ и успѣваютъ ¹⁾

Принявъ къ свѣдѣнію вышеприведенныя соображенія, перейдемъ къ тому періоду исторіи верхняго Поволжья, въ которомъ колонизація его шла съ особенной интенсивностью вплоть до тѣхъ поръ, пока нашествіе татаръ не остановило этихъ успѣховъ и не внесло своеобразныя черты измѣненія въ судьбы описываемаго края,

¹⁾ Нѣсколько странными по своей нерѣшительности кажутся размышленія одного изъ историковъ—Д. Иловайскаго („Исторія Россіи“, ч. вторая, „Владим. періодъ“. „Пѣтописцы наши говорятъ онъ, не объясняютъ, изъ чего происходили войны между суздальскими и болгарскими князьями; такъ какъ владѣнія ихъ въ то время даже не были пограничными, а раздѣлялись землями Мордвы и друг. финскихъ народцевъ. Можетъ быть причиною ссоры были обоюдныя притязанія на собираніе дани съ этихъ народцевъ. А еще вѣроятнѣе, что причина была торговая“... „Князья наши заключали торговые договоры съ болгарскими державцами. О. очень возможно, что договоры эти иногда нарушались и ссора доходила до войны. Возможно также, что Новгородскіе, Суздальскіе и Муромскіе повольники своими грабежами въ Камской Болгаріи вызывали кровавое возмездіе со стороны Болгаръ и нападеніе ихъ на русскіе предѣлы; а затѣмъ русскіе князья въ свою очередь должны были предпринимать трудные походы въ ту сторону, чтобы возстановить прочный миръ“. (206).

Очеркъ второй.

Верхнее Поволжье

отъ Ярославля до Н.-Новгорода

во время удѣльныхъ распрей и владычества надъ Русью Монголовъ.

Поволжье отъ основанія г. Ярославля до основанія Н.-Новгорода—завершеніе колонизаціи всего теченія Волги отъ устья р. Шексны до устья р. Оки (половина XI—начало XIII в.в.). К.-Поволжскій край въ XIII—XV в.в. Наибольшее развитіе политическаго могущества и значенія Ростово-Суздальскаго княжества въ Руси Монгольскаго владычества.

Удѣльныя распри въ Ростовскомъ княжествѣ и Приволжскомъ краѣ разгорались въ той же мѣрѣ, что и въ южной Руси: какъ въ послѣдней эти споры квязья разрѣшаютъ оружіемъ по одиночкѣ или коалиціонно — „сложишася“. какъ выражается лѣтопись, —такъ и въ Приволжскомъ краю то и дѣло раздается звонъ оружія враждующихъ князей

Какъ въ южной Руси то и дѣло „складываются“ и „встаютъ на рать“, то Ольговичи съ Давыдовичами, то идутъ „Ярополкъ, Гюрги, Андрей на Ольговичей“ и проч., такъ и въ Ростовской области: то Ростовцы идутъ на Новгородцевъ то Новгородцы готовятся къ походу; то Ростовцы возвращаются „съ побѣдою великою“, то наоборотъ ¹⁾.

¹⁾ Продолж. Лаарент. лѣтописи см. подъ 1135 г.

Такая картина обрисовывается ясно уже въ первой половинѣ XII в. Въ дальнѣйшемъ, какъ извѣстно, вражда князей не только улеглась, но наоборотъ проявлялась все интенсивнѣе, а въ Приволжскомъ краю достигала (позднѣе) крайнихъ уродливыхъ формъ. Однимъ словомъ, время это для колонизаціи Поволжья и расширенія славянскихъ владѣній представлялось крайне неблагопріятнымъ. Однако, какъ увидимъ ниже, до первой половины XIII в., до нашествия татаръ эта колонизація принимаетъ значительные размѣры, что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ что въ XII вѣкѣ центръ государственной жизни началъ изъ Кіевской Руси, съ береговъ Днѣпра перемѣщаться къ берегамъ Волги. Потерпѣвшіе неудачу князья, начинаютъ уходить сюда подъ защиту лѣсовъ с.-в. русской равнины. Такъ—Юрій Владиміровичъ Долгорукій, вытѣсненный изъ Кіевской земли, переехалъ на Волгу и основалъ здѣсь въ 1152 году въ Суздальскомъ княжествѣ рядъ городовъ, въ томъ числѣ Городецъ-Радилонъ, на Волгѣ въ 50 верстахъ выше устья Оки ¹⁾. Когда же появился въ Ростово-Суздальскомъ княжествѣ такой замѣчательный князь, какъ Андрей Боголюбскій, то дѣло колонизаціи новаго княжества и Поволжья начало двигаться довольно быстрыми шагами. Этотъ князь, какъ только утвердился въ созданномъ имъ Владиміро-Суздальскомъ гнѣздѣ, въ 1164 году отправился (съ сыномъ Изяславомъ, съ братомъ Ярославомъ и съ княземъ Муромскимъ Юріемъ) въ походъ на Болгаръ и взялъ у нихъ городъ Бряхимъ и еще 3 города сжегъ ²⁾. Этимъ походомъ предприимчивый Андрей Боголюбскій положилъ начало къ расширенію славянской колонизаціи далеко внизъ по р. Волгѣ. Походами слѣдующихъ годовъ князья русскіе преслѣдовали всю ту же политику укрѣпленія на берегахъ великой рѣки. Окрыленные успѣхами предыдущихъ походовъ,

¹⁾ Продолженіе Лаврент. лѣт. стр. 145—146

²⁾ Ibidem, стр. 151

молодые князья охотно отзываются на посылки ихъ старшими князьями въ рискованные походы; такъ, въ 1172 г. Андрей посылаетъ на Болгарь сына своего Мстислава; съ Мстиславомъ соединились сыновья князей Муромскаго и Рязанскаго.

Князья съѣхались въ Городцѣ, но подхода всей рати пришлось ждать на устьѣ р. Оки въ теченіи 2-хъ недѣль. Утомившись ожиданіемъ, князь Мстиславъ уговорилъ руководившаго всѣмъ воеводу Бориса Жидиславовича двинуться съ одной передовой дружиной. Неожиданнымъ вторженіемъ русскихъ болгары были захвачены врасплохъ и принуждены были отдать имъ шесть селъ и одинъ городъ. Мужчины при этомъ были перебиты; женщины и дѣти взяты въ плѣнъ. Узнавъ о томъ, что приходила очень малая дружина, и собравшись, наконецъ, болгары спѣшили догнать русскихъ и чуть было не настигли ихъ верстахъ въ 20 отъ устья Оки¹⁾. По смерти Андрея Боголюбскаго Суздальская усобица въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ держитъ край въ тяжеломъ напряженіи; но лишь только внутреннія дѣла были улажены, какъ, ставшій въ 1184 году великимъ княземъ, Всеволодъ III предпринимаетъ новый походъ на Камскихъ Болгарь къ „Великому“ ихъ городу. Съ нимъ отправились и постоянные участники Волжскихъ походовъ князья Рязанскіе и Муромскіе. Войско двинулось на этотъ разъ водою „на ладьяхъ“.

Походъ былъ удаченъ. Болгары были разбиты²⁾ и принуждены просить мира³⁾.

Съ заложеніемъ въ 1191 году⁴⁾ „рубленаго“ города Суздаля политическій ростъ и могущество Ростово-Суздальскаго княжества упрочивались окончательно. Укрѣпленіе этого новаго центра сѣверо-восточной Руси было прелюдіей къ возникновенію впослѣдствіи еще болѣе могуще-

¹⁾ Лаврент., 155.

²⁾ Изъ лѣтописи видно, что бой происходилъ на Волгѣ на судахъ.

³⁾ Лаврент., 164—5.

⁴⁾ Лаврент., 172.

ственного центра—Великаго княжества Московскаго. Всеволодь украшаетъ главный городъ своего княжества храмами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, закладываетъ новые города, (напримѣръ, въ 1195 году—Переяславль ¹⁾).

Къ началу XIII вѣка Ростово-Суздальское княжество представляло собою уже настолькоъ значительное княжество, и имѣло настолькоъ значительные населенные центры, что, напримѣръ, въ городѣ Ростовѣ насчитывалось не менѣе 15 церквей ²⁾, въ Ярославлѣ—17 ти. По смерти великаго князя Всеволода могущество Суздальскаго княжества было настолькоъ значительно, что оно являлось грозной силой для всего Поволжья до устья Камы включительно. Черемисы, Мордва и Камскіе Болгары избѣгали съ великими князьями Суздальскими, столкновеній, такъ какъ они кончались для нихъ почти всякій разъ пораженіями и побѣдами для русскихъ. Такъ въ 1220 г. сынъ Всеволода великій князь Георгій посылаетъ своего брата Святослава на Болгарь.

Такъ же какъ и въ 1184 году войско было отправлено водою и такъ же бой происходилъ частью на Волгѣ. Результатомъ похода было взятіе города Ошела ³⁾ (у устья Камы). Этотъ походъ, вмѣстѣ съ совершеннымъ уже самимъ великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ походомъ 1221 года, далъ возможность русской колонизаціи переброситься за рубежъ черемисо-мордовской земли и твердо стать на Волгѣ по ту сторону устья Оки. Конкретно это вылилось въ томъ, что въ 1221 году великій князь Георгій Всеволодовичъ заложилъ здѣсь, городъ Н. Новгородъ—желанная цѣль которой давно добивались русскіе князья. Прекрасныя стратегическія условія мѣстности, гдѣ былъ основанъ новый городъ столь же выгодное въ торговомъ отношеніи географическое положеніе обѣщали Новгороду „Низовской земли“ то лучшее будущее, котораго достигъ онъ къ новѣйшему времени; но въ началѣ ему долго пришлось быть стражемъ русской колонизаціи среди враждебныхъ инородцевъ.

¹⁾ Лаврент. 173.

²⁾ *ibid.* 184 и 189. „Въ лѣто 6719 (1211 г.) загорѣся градъ Ростовъ и погорѣ мало не весь и церквей изгорѣ 15. Тоже въ Ярославлѣ въ 1221 году... „церквей 17“.

³⁾ *ibid.*, стр. 188.

Основаніемъ Костромы, Нижняго Новгорода и Юрьевца—Поволжскаго (въ 1225 г.) дѣло русской колонизаціи и заселенія нижней части верхняго поволжья отъ устья Шексны до устья Оки было завершено въ первой четверти XIII вѣка, и съ этого времени напоръ русскихъ неудержимымъ потокомъ распространялся все ниже по теченію Волги. Ихъ владѣнія и сфера вліянія распро-странялись все далѣе и далѣе, и къ этому времени не было уже на всемъ теченіи Волги и во всей восточной половинѣ Европы силы способной противостоятъ этому напору.

Въ такихъ чертахъ представляется политическая сторона верхне-Поволжской жизни отъ половины XI до начала XIII вѣка. Но не одно бряцаніе оружія раздавалось за это время на Волгѣ и не одними этими лишь успѣхами могли удовлетворяться наши предки. Цѣль стояла впереди—это, независимо отъ расширенія территоріи—использовать Волгу какъ транзитъ, развить здѣсь торговлю. И не одно, и не два, а десятки и сотни судовъ носила въ то время на себѣ Волга къ Болгарамъ и отъ нихъ.

Если припомнить и повѣрить въ упоминавшійся уже выше торговый договоръ 1006 года, заключенный между Владиміромъ Св. и Болгарами, то приходится признать, что торговые отношенія на Волгѣ и тогда уже имѣли извѣстную давность и значеніе—разъ требовали регламентаціи. Въ XII и началѣ XIII в.в. несмотря на непрерывныя стычки, обоюдная выгодность для славянъ и Болгаръ Волжской торговли сознавалась совершенно ясно. Болѣе того несоблюденіе торговыхъ обычаевъ вело за собой вооруженныя схватки и даже нѣкоторыя изъ тѣхъ походовъ, которыми такъ богатъ этотъ періодъ Поволжской жизни. Русскіе ѣзды въ Болгары и живутъ тамъ. (Извѣстенъ случай убійства у нихъ русскаго „гостя“ Абрама въ 1230 году. 1). Русскіе разѣзжаются по Волгѣ „юстешбу“ дѣя по градамъ „болгарскимъ“ 2).

1) Лаврент., 192.

2) Loco cit.

Такимъ образомъ къ началу XIII в. славяне широко пользовались Волжскимъ транзитомъ; къ этому времени они являлись хозяевами въ сущности большей частью великой рѣки и во всякомъ случаѣ прочно укрѣпились на всей верхней Волгѣ до устья Оки. Но здѣсь неожиданный и непредвидѣнный ударъ, на нѣсколько вѣковъ остановилъ не только дѣло колонизаціи Поволжья, но чуть было не уничтожилъ и самую самостоятельность нашего отечества.

Этотъ ударъ былъ нанесенъ Руси безчисленными ордами татаръ, нахлынувшими изъ Азіи со стороны степей Низовой Волги.

Верхне-Поволжскій край въ XIII—XV в.в.

Монгольское иго. Развитие политическаго могущества и значенія Ростово-Суздальскаго княжества за счетъ княжества Кіевскаго ¹⁾).

Страшною, почти стихійной силою явились для русскихъ безчисленныя орды нахлынувшихъ монголовъ; страшною по своей неожиданности..

Несплоченность князей, болѣе того вѣковая рознь ихъ и удѣльныя распри совершенно распатали государственн-ный организмъ, и только благодаря отдѣльнымъ выдаю-щимся личностямъ нѣкоторыхъ князей и главнымъ обра-зомъ благодаря благопріятной политической конъюнктурѣ въ видѣ сравнительной слабости сосѣдей нашей восточной границы можно объяснить успѣхи колонизаціоннаго движе-нія древне русскаго населенія на востокъ въ XI—XII в.в.

Къ началу XIII в. удѣльная система сдѣлала свое дѣло и въ княжествахъ расположенныхъ и тяготящихся къ верхнему Поволжью: идея политическаго объединенія и здѣсь, какъ и въ остальной Руси, не пользовалась призна-ніемъ, а это приводило княжества къ почти постоянной усобицѣ и внутренней слабости. Однако въ періодъ XIII—

¹⁾ Литературу см.: «Указатель по исторіи русскаго права» профес. Н. П. Загоскина. Тоже.—*О. И. Леонтовича, В. Тизенгаузенъ. „Сборникъ матеріаловъ относящихся къ исторіи Золотой орды“, т. I. Спб. 1884, „Предисловіе“.* Также см у *С. М. Соловьева* *Исторія Россіи съ древнѣй-шихъ временъ* том. III—V. (въ особенности т. III-й), *Татищева, Карам-зина, Бестужева-Рюмина, Арцыбашева* и другихъ историковъ.

Изъ позднѣйшихъ см.: указан. литературы у *И. Катаева. «Татары и поработеніе ими Руси»* въ сборникъ *«Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ»*, подъ редакціей профес. *Довнаръ-Запольскаго*, т. I. Тамъ же.—*Шамбокаго. „Русское общество и татарское иго“* и проч.

Кромѣ „Сборника матеріаловъ“ *В. Тизенгаузена* см. *А. В. Экземплярскій. „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ Татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г.“* СПБ. 1889—1891 г.г., т. т. I—II.

XV в.в. въ политическомъ отношеніи описываемый край достигаетъ наибольшаго своего значенія. такъ какъ въ это время центръ тяжести нашей государственной жизни изъ Киевской Руси перемѣщается въ Ростово-Суздальское княжество, въ верхне-Поволжскій край.

Такое явленіе, давшее историкамъ основаніе окрестить періодъ XIII—XV в.в. *верхне-волжскимъ*¹⁾, совершилось при непосредственномъ ближайшемъ участіи Монголовъ и владычествъ ихъ въ это время надъ Русью.

Слухи о нашествіи татаръ, о пораженіи ими южныхъ кочевниковъ и, наконецъ несчастной для русскихъ битвѣ на р. Калкѣ (1223 г.) не могли, конечно, не дойти до Суздальскаго княжества, и лѣтописецъ отмѣтилъ это послѣднее событіе; но запись его не носила еще характера тревожнаго²⁾. Спокойное настроеніе видно въ этихъ записяхъ и въ послѣдующее время, и даже не далѣе какъ за годъ до страшнаго бѣдствія, постигшаго Русь, лѣтописецъ спокойно вписываетъ: „мирно бысть“³⁾.

Русскіе князья продолжаютъ по прежнему ссориться между собою; продолжаютъ отстаивать каждый только лишь интересы свои,—своего княжества даже и послѣ того какъ татары въ 1236 году разгромили Камскихъ булгаръ.

Вотъ почему азіатскія орды такъ легко, въ такое короткое время разгромили всю сѣверо-восточную Русь, а затѣмъ и юго-западную. Вотъ почему всего въ три года вся Русь была раззорена и обращена въ груды пепла. И по той же причинѣ воинственные и высокаго личнаго мужества русскіе князья не могли одержать ни одной побѣды надъ дикими и нестройными, но сплоченными полчищами

1) В. О. Ключевскій Курсъ русской исторіи, ч. I. М. 1904, стр. 25—26

2) Лаврентьевская, стр. 189

3) Ibidem, подъ 6744 г (1237 г.). „Судя по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, говорится въ одной изъ позднѣйшихъ работъ (Шамбинаго „Русское общество и татарское иго“) „представленіе о татарахъ было неясное. Ими какъ то и не заинтересовались. Послѣ перваго набѣга никто не постарался узнать, что это за народъ, можетъ ли онъ опять прійти и, если придетъ, какъ лучше и удобнѣе бороться съ нимъ“... „все тогдашнее общество... не имѣло стремленія поближе узнать своихъ поработителей“. (См. въ „Русской исторіи“ въ очеркахъ и статьяхъ подъ редакціей проф. Довнар-Запольскаго. т. I, стр. 576—577).

татаръ, руководимыхъ единой волей. Наслѣдіемъ удѣльныхъ распрей было то, что въ борьбѣ съ татарами русскимъ не могли уже помочь самыя героическія усилія нѣкоторыхъ князей, хотя бы они, какъ великій князь Георгій Всеволодовичъ и другіе князья, гибли въ бою, кидаясь въ самый огонь съчи и стремясь воодушевить свое войско. Ничто не могло уже теперь сплотить русскихъ въ ту силу, которая могла бы остановить натискъ татаръ. Своевременно же вся опасность азіатскихъ ордъ князьями русскими въ должной мѣрѣ опѣнена не была, такъ какъ, напримѣръ, князья Суздальскіе съ основанія Н-Новгорода (1221 г.) и вплоть до того времени, когда наконецъ и на нихъ нагрянули татары все свое вниманіе обращаютъ лишь на мелкія стычки въ устьѣ Оки съ Мордвой. Такъ, еще въ 1236 году великій князь Георгій посылаетъ сына своего Всеволода на ту же Мордву и, какъ мы видѣли выше, даже не далѣе какъ за годъ до страшнаго бѣдствія постигшаго Русь, лѣтописецъ зафиксировалъ спокойствіе и безпечность, въ которыхъ пребывали князья и общество.

Но уже въ слѣдующемъ году зловѣщіе слухи о приближеніи страшныхъ ордъ начали волновать населеніе. Признаки всеобщей растерянности, обычно выражавшіеся въ тѣ времена появленіемъ самыхъ невѣроятныхъ и суевѣрныхъ разсказовъ о различныхъ знаменіяхъ, повторились и на этотъ разъ. Тревожное настроеніе тотчасъ же сказалось и на записи лѣтописца. „Въ лѣто 6743 г. бысть знаменье въ солнци“... пишетъ лѣтописецъ, и тотчасъ безъ всякаго перехода добавляетъ: „Тое же осени приидоша отъ вѣсточныхъ страны въ Болгарскую землю безбожнии татары и взяша славный Великий городъ Болгарьскый и избиша оружіемъ отъ старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товара множество, а городъ ихъ пожгоша огнемъ, и всю землю ихъ плѣниша ¹⁾“.

На слѣдующій годъ орды нагрянули и на Русь.

Зимой 1237 г. татары пришли, говорить лѣтописецъ

¹⁾ Лаврент., стр. 196, подъ 6744 г.

„лѣсомъ“ и обрушились сначала на Рязанское княжество; далѣе черезъ Коломну они направились къ Москвѣ и взяли ее; жителей отъ мала до велика перебили, городокъ, тогда еще только развивавшійся, разграбили а затѣмъ зажгли. Благодаря полной несогласованности дѣйствій русскихъ князей, татары двигались впередъ такъ быстро, что застигли врагъ сплехъ и княжество Владимиро-Суздальское.

Повидимому не рассчитывавшій на такую быстроту ¹⁾, великій князь Владимиро-Суздальскій Юрій предполагалъ успѣть вернуться съ Волги съ войскомъ. Оставивъ во Владимірѣ сыновей своихъ Всеволода и Мстислава, съ другими своими сыновьями Василькомъ, Всеволодомъ и Владимиромъ и съ небольшою дружиною Юрій выѣхалъ въ Поволжье, гдѣ привыкъ чувствовать себя хозяиномъ и гдѣ надѣялся собрать для рѣшительнаго боя войско, закаленное въ непрерывныхъ походахъ на Мордву.

Остановившись на берегахъ р. Сити и поджидая братьевъ своихъ Ярослава и Святослава съ дружинами ихъ, Юрій собиралъ рать ²⁾.

Между тѣмъ татары 3 февраля подошли къ Владимиру и прежде всего справились—въ городѣ ли великій князь ³⁾. Узнавъ, что онъ ушелъ на Волгу, татары направились по его пятамъ. Съ этою цѣлью они раздѣлились на отряды: одни отправились на Ростовъ, другіе на Ярославль, третьи наконецъ, на Городецъ на Волгу, до сихъ поръ не пострадавшую еще отъ Монголовъ. Пробилъ и ея часъ.

„И поплѣниша все по Волзѣ“, говоритъ лѣтописецъ, „даже и до Галича Мерьскаго“ ⁴⁾. Побывали страшныя орды и на верхнемъ теченіи Волги у Торжка.

Вся Суздальская земля была разгромлена. Не осталось ни клочка не завоеванной земли. Какъ грозный бичъ,

¹⁾ Погодинъ. „Нашествіе татаръ“, Журн. М. ва Народ. Просвѣщ. 1869 г., ч. СХІІ, стр. 111.

²⁾ Лаврент., стр. 196, подъ 6745 г.

³⁾ „Начаша просити князя великаго Юрья, есть-ли во градъ“—*ibidem*

⁴⁾ Лаврент., 198.

какъ страшный ураганъ пронеслись дикія орды по Суздальскому княжеству и верхнему Поволжью, разгромивъ въ одинъ февраль мѣсяць только однихъ городовъ („опричь погостовъ и сель“) 14¹⁾.

4 го марта на р. Сити татары настигли великаго князя Юрья, смущеннаго гибелью во Владимирѣ своей семьи и разгромомъ своего княжества.

Великій князь съ братомъ своимъ Святославомъ и сыновьями Василькомъ, Всеволодомъ и Владимиромъ рѣшили оказать энергичное сопротивленіе, смутно надѣясь однако на побѣду.

Русскіе бились съ энергіей отчаянья: самъ великій князь нашелъ себѣ въ бою смерть. Но слишкомъ неравны были силы. Побѣда осталась за татарами²⁾. Битва на р. Сити рѣшила участь сѣверо-восточной Руси.

Покончивъ съ великимъ княземъ Юріемъ, татары двинулись на Тверское и Новгородское княжества.

Орды разгромили Тверь и пригородъ Новгородскій Торжокъ, но за наступившей распутицей до Новгорода не дошли и быстро пошли къ югу³⁾.

Къ слѣдующему году въ Суздальскомъ княжествѣ татаръ хотя уже не было, но радоваться было преждевременно: татары продолжали свой, залитый кровью и заревомъ пожаровъ, путь. Выйдя, какъ будто, наконецъ, изъ предѣловъ Руси, татарскія орды зимой того же года снова появляются въ при-Волжскомъ краю: завоевываютъ Мордовскую землю, жгутъ Муромъ и Гроховецъ, предають все огню и мечу по р. Клязьмѣ.

1) loco cit.

2) Доблестный, прекрасными чертами обрисованный лѣтописцемъ, юный красавецъ князь Василько попалъ въ плѣнъ и былъ подвергнутъ татарами жестокимъ пыткамъ въ цѣляхъ заставить его перейти на ихъ сторону. Оставшись непреклоннымъ князь былъ убитъ. Въ послѣднихъ словахъ, Василько по свидѣтельству лѣтописца, благодарилъ Бога за то, что Онъ даетъ ему силу мужественно перенести мученія и безтрепетно принять смерть: что съ нею только „молодая его память желѣзомъ погибаетъ и тонкое его тѣло увядаетъ“... Лаврент., стр. 199.

3) Ср. П. Катаевъ, op. cit., стр. 573

„Тогда же бѣ пополохъ золѣ по всей земли“, говорить о томъ времени лѣтописецъ, „и сами не вѣдяху и гдѣ хто бѣжитъ“¹⁾.

Большая часть Руси была разгромлена. Трепетъ былъ всеобщій...

При такомъ положеніи въ слѣдующемъ 1240 году Батый безъ труда справился съ Кіевскимъ княжествомъ, а въ 1241 году завоевалъ и остальную юго-западную часть Руси—Русь Волинскую и Галицкую, Разгромъ былъ полный.

Вся Русь притихла...

Съ 1243 года князья русскіе начинаютъ ѣздить въ Орду на поклонъ. Первымъ отправился, сѣвшій, на мѣсто погибшаго брата своего великаго князя Юрія, князь Ярославъ. Онъ былъ принятъ съ „великой честью и утверждень въ великомъ княженіи“²⁾. Съ этого времени начинаютъ поѣздки князей въ татары, каждого про свою отчину“ и въ борьбѣ за великокняжескій столъ.

Очень скоро отношенія полной зависимости Руси отъ татаръ осредѣлились совершенно: побѣдители сдѣлали перепись³⁾ русскаго населенія и прежде другихъ Суздальскаго княжества. Поставивъ своихъ десятниковъ и темниковъ, монголы хозяйничали въ побѣжденной странѣ по своему усмотрѣнію⁴⁾.

1) Лаврент., стр. 201, подъ 6747 (1239 г.).

2) Лаврент., стр. 201, подъ 6751.

3) Въ нее не было включено лишь духовенство. См. „Ханскіе ярлыки духовенству“ (Собр. Госуд. Грам. и Договор., т. 2. наприм., грамота 2-я: „Ярлыкъ, данный отъ Кипчакскаго Царя Менгу Тимура Россійскимъ митрополитамъ и священно-служителямъ: объ освобожденіи ихъ отъ всякой дани и налоговъ объ уваженіи богослуженія ихъ и объ удержаніи Татарскихъ чиновниковъ отъ обидъ имъ и утѣсенія съ угроженіемъ за нарушеніе сихъ правъ смертною казнью“ (писанъ между 1270 и 1276 годами)

Тоже грамота 6: Ярлыкъ... отъ „царя Узбека къ Петру митрополиту всея Россіи“ (писанъ около 1313 г.). Тоже грамота 9-я: „Ярлыкъ, данный отъ Царицы Тайдулы, супруги „Кипчакскаго“ Царя Джанибека, митрополиту всея Россіи Ѳеогносту: объ освобожденіи его и всѣхъ священно-служителей по силѣ прежнихъ жалованныхъ грамотъ отъ всякой дани.—Писанъ около 1333 года“.

4) Также и „Поѣздки князей въ Орду, какъ говоритъ проф. Саблуковъ. („Очеркъ внутренняго состоянія Кипчакскаго царства“, изд. 2, азанъ 1895, стр. 23) дѣлались чаще, когда ханы извѣдавъ удовольствіе роскоши искали обильныхъ источниковъ для оной и по видамъ корыстолюбія чаще вызывали къ себѣ князей русскіхъ“, не смѣвшихъ являться въ Орду съ пустыми руками.

Сборъ дани былъ отдавъ откупщикамъ, которые совершали его съ наложеніемъ большихъ процентовъ—рѣзы. Насилія алчныхъ откупщиковъ вызывали вспышки гнѣва со стороны угнетеннаго населенія: откупщиковъ, какъ это имѣло мѣсто въ 1262 г. въ Ростовѣ, Владимирѣ, Суздаль и Ярославлѣ, прогоняли и даже убивали ¹⁾. Нерѣдко происходилъ возмущенія и противъ татарскихъ чиновниковъ; но вслѣдъ за этимъ немедленно наступало кровавое, мщеніе, иногда ужасное ²⁾, и для умиловленія грозныхъ властителей лучшимъ князьямъ того времени приходилось ѣздить въ Орду заступниками и печальниками Русской земли. Къ нимъ, наприм., прежде всего надо отнести самаго выдающагося князя XIII вѣка св. Александра Невского, скончавшагося на возвратномъ отъ татаръ пути, въ Городцѣ на Волгѣ.

Въ это тяжелое время политическая и экономическая жизнь юго-западной Руси совершенно замерла, и только при-Волжскій край показывалъ признаки жизни: въ политическомъ отношеніи—страстной борьбой княжествъ Тверского, Ярославскаго, Суздальскаго и Нижегородскаго за великокняженіе; въ экономическомъ—оживленіемъ Волжской торговли и транзита. Здѣсь на Волгѣ, на этомъ великолѣпномъ передаточномъ факторѣ должна была развиваться своеобразная и новая жизнь; должно было усилиться судходное движеніе, и даже царить оживленье, хотя бы уже въ связи съ приобрѣтеніемъ новаго рынка въ виду многочислѣннѣйшихъ ордъ завоевателей, осѣвшихъ по среднему и нижнему теченію Волги ³⁾.

¹⁾ Какъ наприм., въ Ярославлѣ—откупщина Изосиму,—см. Лавр. стр. 204, подъ 6770.

²⁾ Лаврент., стр. 206. Въ житіи Александра Невского лѣтописецъ приводитъ отрывочный, не совсѣмъ ясный, но мрачный отрывокъ объ одномъ изъ такихъ ужасныхъ мщеній.

³⁾ „Монголы, говоритъ проф. Г. С. Саблуковъ („Очеркъ внутренняго состоянія Кипчакскаго царства“. Казань 1895, изд. 2-е, стр. 25—26) пронесли... опустошительною грозю, покрывъ пепломъ города... Булгаріи, Россіи, остановили тутъ на нѣсколько времени торговую дѣятельность; но она скоро возобновилась, когда военная гроза стихла, когда монголы, полюбившій нѣгу, искали источниковъ для своей грубой роскоши и находили

Другое дѣло промышленность: она въ страхѣ, разгромленной до основанія, съ наполовину перебитымъ и перепуганнымъ населеніемъ, должна была упасть до minimum'a; но торговля на Волгѣ продолжалась по прежнему и даже получила развитіе, въ то время какъ въ юго-западной Руси дѣйствительно, замерла всякая жизнь ¹⁾.

Что торговое движеніе на Волгѣ во время татарскаго владычества надъ Русью не только замерла, но развилась, представляется очень многимъ историкамъ несомнѣннымъ фактомъ ²⁾.

Страшные завоеватели не только не препятствовали плаванію русскихъ купцовъ по Волгѣ, но даже содѣйствовали торговлѣ, допустивъ ихъ къ постоянному жительству въ своей столицѣ Сарай. Ханами была учреждена отдѣльная Сарайская (Сарская) епархія ³⁾. Такую покровительст-

ихъ въ покровительствѣ купечеству. Большіе караваны озяты стали перевозить дары природы и промышленности черезъ владѣнія хана: Болгары и Сарай сдѣлались перепутьемъ ихъ. Разнообразныя произведенія природы и промышленности пополняли базары татарскихъ городовъ: среди мелочныхъ вещей, нужныхъ для домашняго употребленія бѣднаго челоуѣка, отличались предметы, коихъ искала роскошь богачей: мѣха соболей, куньи, бѣлья доставляемы были Россію, мордовскою землею“...

¹⁾ Аристовъ. („Промышленность древ. Руси“, стр. 189) говоритъ, что даже въ Кіевѣ, въ этомъ наибогатѣйшемъ изъ городовъ до—удѣльной Руси, въ XIII в. насчитывалось не болѣе 200 домовъ и иностранные купцы заѣзжали сюда лишь по старой памяти.

²⁾ См., наприм., Аристовъ *op. cit.*, стр. 193—4. Проф. Н. П. Загоскинъ, „Русскіе водные пути и судовое дѣло въ до-Петровской Россіи“. Казань. 1910 г. стр. 266 В. Борзаконскій: „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876 г. стр. 63 и слѣд.; далѣе, напр., проф. Саблуковъ и друг.

³⁾ Аристовъ, *op. cit.*, стр. 194.

См. также В. Тизен аугенъ. „Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды“, т. I, извлеченія изъ сочиненій арабскихъ Спб. 1884. По свидѣтельству арабскихъ писателей городъ Сарай представляется центромъ не только торговли, но и культуры. Такъ, по словамъ Эломари Ханъ Узбекъ построилъ въ немъ медресе (229). Тотъ же Эломари говоритъ далѣе: городъ Сарай, расположенный на берегу рѣки Итиля (Волги), является резиденціей Хана Въ дворцѣ Сарая зимнія помѣщенія хана. По Волгѣ плаваютъ „большія суда“ и ѣздятъ къ Русскимъ и Славянамъ (?) ... „Сарай, говоритъ Эломари, городъ великій, заключающій въ себѣ рынки, бани ...—мѣсто куда направляются товары“...

Въ лѣтописи Ибн-ар-Рашида говорится слѣдующее. ... „Сарай сдѣлался средоточіемъ науки... въ короткое время въ немъ набралась добрая и здоровая доля ученыхъ и знаменитостей, словесниковъ и искусниковъ“... „Сарай былъ одинъ изъ величайшихъ городовъ по положенію своему и населеннѣйшій по количеству народа... Онъ лежитъ на берегу рѣки отдѣлившейся отъ рѣки Итиль, относительно которой путники, лѣтописцы.. согласны, что больше ея нѣтъ (ни одной) въ числѣ рѣкъ проточныхъ и водъ прѣсныхъ, нарастающихъ (?). Выходитъ она изъ земли Русскихъ и нѣтъ отъ нея другой пользы кромѣ той, что она радуетъ души...“ (стр. 463—464).

венную политику хановъ, независимо отъ прочихъ причинъ, легко объяснить хотя бы уже тѣмъ, что они были заинтересованы въ размѣрахъ Волжскихъ торговыхъ оборотовъ въ виду пошлинъ, собираемыхъ съ русскихъ товаровъ

Къ XIV вѣку Волжская торговля достигла значительнаго развитія: производилась по прежнему торговля съ Булгарами ¹⁾, да и сами татары къ этому времени приходили на Русь не только съ убійствами и грабежами, но и какъ купцы для торговли ²⁾

Къ началу же XV в., когда Московское государство начало крѣпнуть все болѣе, татары даже сами начинаютъ пенять на мелкія обиды отъ русскихъ. „...Не право у тебя чинится въ городѣхъ,—пишетъ въ 1409 году Едигей Московскому князю Василию Дмитріевичу,—послы Царевы и гости на орды къ вамъ прѣзжать и вы пословъ и гостей на смѣхъ подымаютъ, да еще велика обида, истома имъ отъ васъ чинитца: ино то не добро. А *прежъ сего... пословъ Царевыхъ чтили и гостей держали безъ истомы и безъ обиды.* И тыбъ спросилъ старцевъ старыхъ, какъ ся дѣяло *прежъ сего*“ ³⁾...

Что касается послѣдующихъ лѣтъ XV столѣтія, то Волжская торговля, продолжая идти по старому направленію развитія, расширялась все болѣе и болѣе и въ экстенсивномъ отношеніи. Къ этому времени относится замѣчательное путешествіе въ Индію Тверского купца Афанасія Никитина, отправившагося изъ Твери отъ „Спаса Златоверхаго“ на низъ Волги въ Астрахань, а затѣмъ и въ Каспій“ ⁴⁾.

¹⁾ И въ такихъ размѣрахъ, что татары выражали свое сильное неудовольствіе какъ противъ—конкурентовъ ихъ въ торговлѣ съ русскими—булгаръ, такъ и противъ самихъ русскихъ купцовъ—извѣстенъ случай убійства послѣднихъ именно въ связи съ торговлей ихъ съ Булгарами.

²⁾ Ор. cit, 194—5.

³⁾ Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. II, Грамота № 15 „ордынскаго князя Эдигея къ великому князю Василию Дмитріевичу о вѣспослѣдовавшемъ нашествіи татаръ на Россію, за оказываемую Великимъ Княземъ *непокорность* къ Царямъ. Большія орды, и за неисправленіе передъ Царемъ Булатъ Султаномъ многихъ повинностей по старинѣ. Писана 1409 года“.

⁴⁾ Софійская 2-я, прибавленіе, стр. 330 и слѣд.

Знаменитое „хождение“, подробно описанное Афанасіемъ Никитинымъ, сообщаетъ много любопытнаго не только о Волгѣ и Каспіи, но и о сказочной Индіи, куда онъ попалъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ до открытія ея Васко-де-Гамо'и.

Вообще надо сказать, что въ періодъ наиболѣе устойчиваго владычества татаръ верхнее Поволжье Ростово-Суздальское княжество достигло такого значенія для Руси, какого оно не имѣло никогда ни до, ни послѣ того времени. Но въ этотъ періодъ наивысшаго расцвѣта и политическаго значенія Суздальскаго княжества и верхне-Поволжскаго края незамѣтно и не видно, но уже развивалось въ тиши будущее могущественное княжество Московское. Князья Московскіе округляютъ свои владѣнія, примѣняя новыя для того времени приемы. Не силою только оружія, не однимъ лишь измѣнчивымъ счастьемъ сраженій, какъ извѣстно, приобрѣтали они новыя земли, но и мирнымъ путемъ покупки по добровольной сдѣлкѣ съ князьями-владѣльцами и, наконецъ, пользуясь всякими другими средствами, включительно до частыхъ визитовъ въ Орду и щедрыхъ подарковъ татарскимъ владыкамъ.

Выдерживая упорную борьбу съ своими соперниками другими князьями сѣверо-восточной Руси, князьями верхняго Поволжья и усыпляя вниманіе хановъ внѣшними признаками покорности, Московскіе князья занимаютъ постепенно первенствующее положеніе, объединяютъ около себя прочія Поволжскія княжества и къ XIV столѣтію достигаютъ настолько значительной силы что, разбивъ въ 1301 году Рязанскую рать, осмѣливается бить и татаръ ¹⁾,

¹⁾ Лавр. стр. 209.

В. Рагозинъ („Еолга“ т. I) является горячимъ сторонникомъ Тверскихъ князей: на стр. 180 онъ говоритъ: „Мы далеки отъ того, чтобы идеализировать Тверскихъ князей, но не можемъ не сказать, что они были гораздо благороднѣе и гуманнѣе московскихъ. Не уступая послѣднимъ по уму, они быть можетъ явились бы еще лучшими объединителями Руси, еслибъ не князья Московскіе, въ глазахъ которыхъ цѣль оправдывала средства— принципъ не встрѣчавшій достаточно сочувствія въ Тверскихъ князьяхъ. Прибавимъ, что не только сила (?) но и право, въ борьбѣ за первенство было на сторонѣ Твери, а не Москвы“. Такое утвержденіе едва ли можетъ быть оставлено безъ возраженія какъ относительно абсо-

а въ концѣ этого же вѣка рѣшаются принять бой со всѣми силами татаръ на Куликовомъ полѣ. Однако въ то время какъ политическій центр тяжести постепенно перемѣщался изъ Суздальскаго княжества въ Московское, Волжскій транзитъ, продолжалъ быть оживленнымъ и Волжскіе товары *не разъ* привлекали къ себѣ охотниковъ поживиться чужимъ добромъ Новгородскихъ ушкуйниковъ.

Хорошо извѣстенъ и особенно памятенъ для Поволжья набѣгъ ихъ 1375 года, когда удалыцы на 70 ушкуняхъ, въ количествѣ около 2000 человекъ—разграбили Кострому, Нижний и попутныя селенія. Многихъ жителей, преимущественно женщинъ и дѣтей, увезли съ собою и продали въ рабство Камскимъ Булгарамъ ¹⁾.

И вотъ въ то время какъ какіе-нибудь 2000 человекъ, хотя и неожиданно нагрянувшихъ, ушкуйниковъ, могли хозяйничать по всему Поволжью, могущество Московскихъ князей разрастается настолько, что въ концѣ XIV вѣка князю Московскому Дмитрію Ивановичу въ 1378 г. удается выдержать съ татарами бой на р. Вожа, а въ 1380 году нанести имъ поражение на берегахъ Непрядвы въ Куликовской битвѣ. Если политическое значеніе даже послѣдней битвы является относительнымъ, то психологическое значеніе ея для русскихъ было необычайнымъ: побѣда вселила въ нихъ вѣру въ себя и сбросила съ татаръ ореолъ непобѣдимости.

плотной чистоты тенденцій Тверскихъ князей, такъ и наоборотъ полной неразборчивости въ средствахъ Московскихъ князей. Послѣднее въ эпоху междоусобицъ и борьбы за великокняженіе было, такъ сказать, знаменіемъ времени; и Московскимъ князьямъ также приходилось испытывать на себѣ всѣ ужасы междоусобной борьбы.

Что касается *права* на первенство, то въ этотъ жестокой вѣкъ, едва ли возможно говорить о правѣ: всюду главенствовали интрига и сила. Далѣе—если побѣда осталась за Москвой, слѣдовательно сила едва ли была на сторонѣ Твери. Въ общемъ же давно признано, что—не что иное, какъ, партикуляризмъ князей—вергъ Русь въ татарскую неволю и держалъ въ ней насъ такъ долго. Только объединеніе помогло Руси сбросить съ себя это иго. Роль эта выпала на долю Москвы и выполнена ею блистательно. Поэтому съ точки зрѣнія величія *единой* Руси отстаиваніе идеи главенства того или иного княжества Тверскаго ли, Ярославскаго, Нижегородскаго—все равно и Московскаго,—само по себѣ, а не въ связи и не ради общихъ интересовъ, является едва ли правильнымъ.

¹⁾ Новгородская, стр. 111, 231. Работоторговля на Волгѣ въ то время практиковалась въ довольно широкихъ размѣрахъ.

Это событіе, какъ хорошо извѣстно, явилось прелюдией къ сверженію монгольскаго ига. Однако для осуществленія этого понадобилось еще цѣлое столѣтіе, и еще долго наши князья, не исключая и Дмитрія Донскаго, принуждены были уходить по прежнему въ излюбленное Поволжье, въ лѣсахъ котораго онъ могъ рассчитывать на спасеніе отъ татаръ ¹⁾. И даже въ XV вѣкѣ, какъ, напримѣръ, въ 1409 г., татары съ княземъ Едигеемъ приходятъ наказать „улусъ“ свой—Русь: разоряютъ Москву и Приволжскій край—Ростовъ, Юрьевъ; грабятъ, жгутъ убиваютъ „по всѣмъ погостамъ и селамъ ²⁾“. Въ 1428 году, застигнувъ русскихъ врасплохъ, татары берутъ города: Кострому и Плесъ. Въ 1459 году они повторяютъ набѣгъ на верхнее Поволжье, но на этотъ разъ неудачно: въ томъ же Плесѣ воевода Несвижскій отбивается отъ нихъ.

Могущество прежнихъ страшныхъ и непобѣдимыхъ завоевателей разлагалось; и скоро Московскій князь уже швырнетъ къ ногамъ разорванную басму...

Скоро дѣло русской колонизаціи въ среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ, задержанное монголами болѣе чѣмъ на два вѣка, пойдетъ снова и неуклонно впередъ. За время же монгольскаго ига развился особый видъ колонизаціи Поволжья, именно, такъ называемой *подневольной* колонизаціи: татары расселяли на пустопорожнихъ земляхъ средняго и нижняго Поволжья русскихъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ.

Княжеско-военная колонизація въ Поволжьѣ въ періодъ монгольскаго владычества замираетъ, но за то въ эту эпоху необычайнаго одичанія и огрубѣнія нравовъ и столь

¹⁾ Троицкая полъ 6890 стр. 233. „Князь Дмитрій Ивановичъ не ста на бой противу (Тохтамыша), и поѣха въ свой градъ Кострому“.

„Единственное убѣжище, говоритъ Погодинъ, („Нашествіе татаръ“ Ж. М. Н. Пр. 1869 г. Ч. CXLI, стр. 113) для народа были лѣса“.

Такими дремучими лѣсами была покрыта эта страна (Верхне-Приволжскій край). Современные арабскіе лѣтописатели говорятъ, что въ нихъ „и змѣѣ не было прохода. Татары должны были въ иныхъ мѣстахъ прорубать себѣ дорогу, и они прорубали такую, чтобы четыремъ телѣгамъ можно было проѣхать рядомъ“.

²⁾ Троицкая полъ 6917, стр. 234.

же необычайнаго развитія религіознаго чувства развивается еще новый видъ колонизаціи *монастырской* ¹⁾.

Къ началу XVI вѣка русскіе переходятъ въ рѣшительное наступленіе; городъ Плесъ становится сборнымъ пунктомъ для походовъ на татаръ. Однако еще въ 1539 году Казанскіе татары пытались было взять Кострому, но вышедшіе на встрѣчу войска разбили ихъ на лѣвомъ, противъ города Плеса, берегу Волги.

Въ дальнѣйшемъ дѣло колонизаціи Поволжья, несмотря на отчаянное сопротивленіе, оказанное Казанскимъ царствомъ, подъ эгидой Москвы пойдетъ быстро, такъ что XVI в. характеризуется рѣшительнымъ наступленіемъ Руси на „низовыя“ земли до самыхъ устьевъ Волги.

И еще начиная съ второй половины XV столѣтія далеко впередъ за Н.Новгородъ выдвигаются сторожевые пункты—крѣпости: Васильсурскъ и, наконецъ, уже почти подъ Казанью—Свіяжскъ.

Падаютъ, наконецъ, и самая Казань главный оплотъ татарскаго могущества, а затѣмъ и Астрахань. По всему теченію Волги между столицами недавно грозныхъ Ордъ въ концѣ XVI в. русскими основываются рядъ стратегическихъ пунктовъ: Самара Саратовъ, Царицынъ...

Почти семь вѣковъ такимъ образомъ понадобилось нашимъ предкамъ на то, чтобы овладѣть, наконецъ, всѣмъ теченіемъ великой рѣки, чтобы пробиться къ Каспійскому морю, къ сказочнымъ странамъ востока; но въ это время къ концу XVI в. можно считать, что владычеству русскихъ на Волгѣ было положено прочное основаніе, т. к. число городовъ и селеній на ней, въ особенности по теченію ея вы-

¹⁾ Ср. Проф. Д. А. Корсаковъ. „Объ историческомъ значеніи поступательнаго движенія великорусскаго племени на востокъ“. Его же „Меря и Ростовское княжество“.

Тоже—Шамбинаго, „Русское общество и татарское иго“ въ Русской исторіи въ очеркахъ и статьяхъ подъ редакціей проф. Довнаръ-Запольскаго (стр. 583 и 586). „Суровое время, говоритъ г. Шамбинаго, съ одной стороны, развитіе религіознаго міросозерцанія съ другой, заставляли многихъ уходить спасаться въ непроходимыя дебри, куда „мірскаго чаді не входно“. Этими отшельниками въ малозаселенномъ дикомъ краю по сю и по ту сто-

ше устья Оки, достигало, какъ видно изъ источника эпохи ¹⁾, значительнаго размѣровъ.

Покореніе Сибири явилось ключемъ къ распространенію русскихъ на безграничныя пространства сосѣдняго материка.

Будущее сулило Руси величіе.

Но здѣсь новая бѣда, именуемая въ нашей исторіи „Смутнымъ временемъ“, встала на пути побѣднаго движенія Руси и чуть было не погубила ее совсѣмъ...

рону верхней Волги стали созидаться основанія будущихъ чтимыхъ монастырей сѣверо-восточной Руси“...

„Эти монастыри, по словамъ названнаго писателя, были основнымъ факторомъ въ колонизаціи междурѣчья Оки и Волги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они уже такъ или иначе поддерживали гаснущую литературу разсматриваемаго періода и, что особенно нужно отмѣтить, явились очагомъ зарожденія на Руси національной литературы“.

¹⁾ „Книга Большого Чертежу“

Очеркъ третій.

ВЕРХНЕ-ПОВОЛЖСКИЙ КРАЙ

отъ Ярославля до Н.-Новгорода

въ

Смутное время¹⁾.

Волненія и слухи смутнаго времени въ верхнемъ Поволжьѣ. Появленіе на немъ „воровскихъ“ людей и ихъ операціи (1608 и 1609 г.г.). Верхне-Поволжскій край въ эпоху междоусобицъ (1610—1613 годы). Участіе Е. Поволжья въ первомъ „освободительномъ“ ополченіи. 1612-й годъ и второе „освободительное“ ополченіе: Нижегородское движеніе. Путь ополченія отъ Нижняго до Ярославля и остановка въ послѣднемъ. Освобожденіе Москвы и конецъ смуты.

Глухо заволновалось Поволжье разнесшимся слухомъ, будто въ Угличѣ убитъ не царевичъ Дмитрій Ивановичъ, а кто-то другой; будто Рюриковичъ проживаетъ гдѣ-то въ нуждѣ и неизвѣстности, въ то время какъ на престолѣ сидитъ потомокъ татарскаго чета Мурзы.

Заволновалось Поволжье еще болѣе, услышавъ о цѣломъ рядѣ ссылокъ и репрессій противъ первыхъ бояръ

¹⁾ Указанія относительно богатой литературы и многочисленныхъ источниковъ эпохи Смутнаго времени см. въ большихъ работахъ по исторіи Смуты, наприм. въ лучш. изъ нихъ, принадлежащ. перу проф. С., Е. Платонова; тоже и въ работахъ другихъ историковъ Смуты — Костомарова Иловайскаго, Забѣлина, Бутурлина и друг. (Важнѣйшей эпохи нашей исторіи касались конечно, и всѣ наши историки, — см., наприм. С. М. Соловьевъ, Бестужевъ — Рюминъ, В. О. Ключевскій. Послѣдній даетъ очень цѣнную характеристику и попытку уясненія общихъ причинъ возникновенія Смуты).

Изъ болѣе позднихъ изслѣдователей см. работы, наприм., проф. Маркевича, Цвѣтаева и друг. Указанія на главное изъ *новой* литературы даетъ: А. М. Гигазушевъ „Новые труды по исторіи Смутнаго времени“ (Научный

государства: сосланъ въ одинъ изъ Волжскихъ городовъ бывший опекунъ царевича Дмитрія — Богданъ Бѣльскій; сосланъ и его пріятель Зиновьевъ.

Вся фамилія, популярныхъ среди населенія и состоявшихъ въ родствѣ съ умершимъ Федоромъ Ивановичемъ, Романовыхъ были разсланы по дикимъ суровымъ мѣстамъ: кто въ Пелымъ, кто въ Ныробъ¹⁾, кто въ Яранскъ...

Наиболѣе выдающагося изъ Романовыхъ умнаго, острогаго, любезнаго и привѣтливаго Федора Никитича²⁾ постригли насильно въ Сійскомъ Антоніевскомъ монастырѣ и, окруживъ строгимъ надзоромъ, слѣдили за каждымъ его шагомъ и словомъ. Постригли и жену его Ксенію, разлучивъ съ дѣтьми — малолѣтнимъ сыномъ Михайломъ и дочерью, которыхъ съ теткой ихъ, дѣвицей Анастасіей Романовой, сослали на Бѣлоозеро³⁾. Ссланы въ Сибирь, Пушкины и проч.

Глухая молва въ народѣ о „преступленіи“ Бориса... и о появленіи въ предѣлахъ Россіи чудесно спасаго будто царевича, гоненія, казни и пытки подозреваемыхъ въ измѣнѣ боярь, пришедшимъ въ отчаяніе Борисомъ и, наконецъ, неожиданная подозрительная смерть его, а затѣмъ всего

Историческій журналъ, изд. подъ ред. Н. И. Карѣва, 1914 г., № 2, стр. 81—98).

См. *Онъ-же*. „Новыя изданія матеріаловъ, касающихся смутнаго времени“. (Тамъ же, № 3, стр. 41—56).

Въ нашемъ краткомъ очеркѣ будутъ указаны лишь использованные нами источники и литература. Здѣсь же мы считаемъ нужнымъ указать нѣкоторые изъ *новыхъ* же работъ, неотмѣченныхъ А. М. Гнѣвушевымъ. Наприм., — проф. *Е. Щепкинъ*. „Лжедмитрій I-й“. (Въ „Русской исторіи въ очеркахъ и статьяхъ“ подъ редакціей проф. Довнаръ Запольскаго, т. II-й, стр. 265—365).

И. Катаевъ. „Смута“. (Тамъ-же, стр. 224—264).

А. Яковлевъ. „Безумное молчаніе“. „Причины Смуты по взглядамъ современниковъ ея“. (Въ сборникѣ посвящ. В. И. Ключевскому, стр. 651—678).

Проф. *Трифилевъ*. „Избраніе М. Ѳ. Романова на царство“. Рѣчь — въ Новороссійскомъ университетѣ 21 февраля 1913 г. Одесса 1914 г. (16 стр.) и друг.

1) С. Ныробъ, Чердынскаго уѣзда.

2) Обвинявшагося, между прочимъ, въ расположеніи къ сосланному Бѣльскому.

3) Костомаровъ. „Смутное время“ т. I стр. 45—49.

черезъ два мѣсяца, трагическая смерть его жены и сына — все это докатывалось до окраинъ и до В. Поволжья въ преуменьшенномъ видѣ и волновало и безъ того тревожно настроенное населеніе...

Вступленіе называвшаго себя Дмитріемъ въ Москву и блескъ Московскихъ торжествъ, рассказы объ умилительномъ и трогательномъ свиданіи царицы Марѣи съ своимъ чудесно спасшимся сыномъ (?), возвращеніе изъ заточенія семействъ боярѣ, сосланныхъ Борисомъ, снова — и на этотъ разъ радостно — волновали населеніе Московскаго государства и Верхняго Поволжья.

Возвращены Нагіе; возвращены уцѣлѣвшіе изъ Романовыхъ. Ксенія Романова (въ иночествѣ Марѣи) соединена съ сыномъ Михаиломъ; Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, постриженный подъ именемъ Филарета, посвященъ въ санъ митрополита Ростовскаго, а Ивану Никитичу Романову сказано было боярство¹⁾... все это, въ связи съ желаніемъ новаго Царя дать населенію льготы, какъ будто вселяло надежду на наступленіе, наконецъ, хорошаго мирнаго времени.

Но очень скоро событія снова покатались съ головокружительной быстротой: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ населеніе услышало, что Дмитрій былъ Самозванецъ и уже убить.. На престолъ восходитъ виновникъ послѣдняго переворота Василій Шуйскій

Неудержимая волна событій приводила въ волненіе населеніе всей страны и болѣе всего, конечно, на мѣстахъ этихъ событій „Цѣлую недѣлю“, говоритъ историкъ эпохи, жители столицы были въ какомъ-то чаду, такъ же точно, какъ и вся Московская земля, получивши вѣсть о переворотѣ. Очень многіе не могли притти въ себя и разсудить, — что это за дивныя дѣла дѣлаются, и что это такое творять бояре съ землею?“²⁾... Недавно радовались спасенію Дмитрія, сейчасъ громятъ анафемой „проклятаго разстригу“; недавно Шуйскій былъ на плахѣ, сейчасъ на тронѣ...

¹⁾ Ibid. 237 и С. Ѳ. Платоновъ. „Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ“, изд. 3-е, Спб. 1910, стр. 275.

²⁾ Костомаровъ, *op. cit.*, т. II, стр. 14.

Волненіе Москвы передавалось и другимъ городамъ и, естественно, скорѣе всего ближайшимъ, городамъ Замосковнымъ, въ томъ числѣ, и Верхне-Поволжскому краю: скоро, и онъ будетъ захваченъ въ потокъ событій

Новый Царь отсылаетъ Марину Мнишекъ съ ея тяжело больнымъ отцомъ и свитой въ Ярославль ¹⁾. Прибывшіе иноземные гости привозятъ съ собой новости одна другой разительнѣе, распространяютъ безпокойные слухи. Волнуемое всѣмъ этимъ и приходящими со стороны другими слухами, населеніе слабо укрѣпленнаго ²⁾ Ярославля стало, къ веснѣ 1607 г., поджидать прихода новыхъ незваныхъ, гостей—„воровскихъ“ людей. Но пока въ Ярославль и В.-Поволжскомъ краю все ограничивалось лишь слухами ³⁾ и волненіями. Не наступало успокоенія и во всей странѣ; наоборотъ и противъ новаго Царя повелась агитація... Начали распространять слухи о томъ, что убить вовсе не Дмитрій, а какой-то похожій на него нѣмецъ.. Услышавъ о томъ, что „многіе города измѣнили и во многихъ людяхъ учинилась

¹⁾ Маржереттъ. („Сказаніе современниковъ о 2-мъ самозванцѣ“ ч. III стр. 96), въ своихъ запискахъ говоритъ, что Марина была отправлена въ Угличъ. Это не вѣрно: Марина съ отцомъ и свитой была сослана въ Ярославль, гдѣ для нихъ были отведены 4 д. ма. См. „Дневникъ Марины Мнишекъ и пословъ Польскихъ“ часть IV, стр. 81

^{4-го} числа (сентября 1606 г.), говорится въ немъ, мы переправились черезъ р. Которостль Для господъ нашихъ назначено четыре лова: три вмѣстѣ и одинъ отдѣльный. Въ одномъ остановился панъ воевода; подлѣ него царица; въ третьемъ... старосты Луховскій и Салокскій и въ четвертомъ отдѣльномъ—староста Красносельскій, съ прислугой.

²⁾ „Въ Ярославль есть крѣпость довольно обширная, но слабая Каменныхъ зданій нѣтъ; кромѣ одного монастыря, обнесеннаго каменною же стѣною, ограда его обвалилась“. (Дневникъ Марины Мнишекъ, стр. 81—82).

³⁾ Въ цитированномъ „Дневникъ Маріи Мнишекъ и пословъ польскихъ“ записано: „Въ сей день (1-го апрѣля 1607 г.) мы узнали, что какіе то люди идутъ на Ярославль. Гордѣ спѣшили привести въ оборонительное положеніе; разставили пушки; множество бояръ съѣхалось для защиты онаго“. „Такая предосторожность продолжалась около недѣли; потомъ оныя всѣ разѣхались“ (88).

„30 июля (1607 г.) получены въ городѣ подметныя письма, съ увѣщаніемъ народу отъ имени войска не печалиться, а ожидать вскорѣ новаго царя и съ нимъ спокойствія. Подозрѣваемый въ семъ поступкѣ холопъ былъ замученъ“ (96).

„28 мы узнали, что Шуйскій 22(?) разѣ приступалъ къ Тулѣ и потерялъ 20,000 войска“ (97).

„2 августа насъ увѣдомили о переправѣ черезъ Волгу нѣсколькихъ тысячъ ратниковъ, возвратившихся изъ арміи“ (98).

шалость“ и желая успокоить страну, Василий Шуйский велѣлъ принести изъ Углича мощи убитаго царевича Дмитрія¹⁾. О принесеніи въ Москву мощей и о чудесахъ при этомъ происшедшихъ были посланы по всѣмъ городамъ грамоты²⁾; но успокоенія въ странѣ все же не наступало.

Начали появляться новые самозванцы...

Тогда Царь Шуйскій, усматривая въ этомъ интриги бояръ и забывъ ограничительную записъ, принялся за ссылки—прежде всего тѣхъ изъ нихъ, которые не принимали прямого участія въ сверженіи Лжедмитрія I-го. Богданъ Бѣльскій, возвращенный изъ ссылки Ѳеодоромъ Борисовичемъ Годуновымъ во время кратковременнаго его царствованія, былъ отправленъ въ Казань; Афанасій Власьевъ въ Уфу и проч. Но эти средства были неѣфьствительны.

Смута росла...

„Съ каждымъ днемъ“, говоритъ историкъ, „приносили извѣстія, что Московское государство радуется спасенію Дмитрія³⁾“. Выступленіе на этомъ фонѣ Молчанова и Болотникова съ своей вольницей замутили всю страну. Заволновались и города верховьевъ Волги. Смута перекинулась и въ Нижегородскую землю⁴⁾. Здѣсь боярскіе холопы и крестьяне, возмущившись противъ господъ, пришли виѣсть съ Мордвой подъ Нижній-Новгородъ и осадили его⁵⁾. Мятежъ стремился разлиться, по всему государству. Отовсюду къ Болотникову стекались шайки; и войска правительства не считывали одержать надъ ними побѣду. Городъ за городомъ ставались Болотникову. Положеніе Шуйскаго становилось затруднительнымъ. Однако, испугавшись соціального призрака, высшіе и состоятельные классы населенія оказа-

1) Лѣт. о многихъ мятеж, 105.

2) Никон. лѣт., т. VIII, стр. 79.

3) Костомаровъ, *op. cit.*, т. II, стр. 48.

4) С. Ѳ. Платоновъ. „Очерки по исторіи Смуты“, Спб. 1910, стр. 309—11 и Г. М. Любимировъ. „Очерки исторіи Нижегородскаго ополченія 1611—1613 г.г.“ въ Ж. М. Н. Пр., 1913 г., февр., стр. 321—2.

5) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 110.

ли вольницѣ Болотникова рѣшительный отпоръ. Богатые торговые города какъ, напр., Нижній и Ярославль не только не передались Болотникову, но начали выступать противъ него активно ¹⁾.

Вѣрные Шуйскому люди отражаютъ новаго самозванца Петра (Илейку изъ Муромѣ), пришедшаго въ центральную область на судахъ съ низовцевъ Волги съ Терскими и Волжскими казаками ²⁾. Вслѣдъ за Петромъ Илейкой, появились и другіе Самозванцы разныхъ именъ, называвшіе себя сыновьями царя Ѳедора Іоанновича; они у казаковъ появлялись во множествѣ, хотя впрочемъ также быстро и исчезали. И не они были страшны Шуйскому. Опаснѣе былъ Болотниковъ. Но и съ нимъ, наконецъ, благодаря отложенію отъ него Істомы Пашкова, Царю удалось справиться. Съ бѣгствомъ Болотникова, казалось, должно было бы наступить относительное спокойствіе, но воскресшій снова призракъ Дмитрія разбилъ всѣ иллюзіи, показавъ, что Смута пустила глубокіе корни въ русской Землѣ...

1608 годъ. Лжедмитрій 2-й, названный современниками воромъ“ появился еще въ августѣ, въ то время, когда правительство боролось съ людьми Болотникова подъ Тулой ³⁾.

Новый Самозванецъ не выдавался личными качествами и въ этомъ отношеніи не представлялся опаснымъ; но съ нимъ пришли значительные польскіе отряды въ качествѣ

¹⁾ Ср. Платоновъ, *op. cit.*, стр. 319—32, Костомаровъ, *op. cit.* т. II, стр. 63.

²⁾ Акты Археограф. Экспедиціи, т. II, Спб. 1856, № 81.

³⁾ Происхождение и прошлое его точно неизвѣстно. Изъ современниковъ одни считали его Богданомъ, другіе Иваномъ; Костомаровъ, (*op. cit.*, II стр. 101), основываясь на одномъ изъ западно-русскихъ хронографовъ считаетъ его выходцемъ изъ Бѣлоруссіи, учителемъ по профессіи. Платоновъ, (*op. cit.*, стр. 333), проводя параллель между Лжедмитріемъ I и „воромъ“, говорить, что разница между ними была велика: какъ первый былъ выпущенъ на русскій рубежъ изъ королевскаго дворца и папскихъ замковъ, такъ второй „вышелъ на свое дѣло изъ Пропойской тюрьмы и объявилъ себя царемъ на Стародубской площади подъ страхомъ побоевъ и пытки“.

мстителей ¹⁾ за погибшихъ въ Москвѣ съ Лжедмитріемъ I-мъ. Смута вступала въ новую фазу...

Польскія силы прибывали. Страна заволновалась съ новою силою. Войско Самозванца двинулось къ Москвѣ. Успѣхи этого движенія окрылили поляковъ и новаго Дмитрія: скоро царикъ Тушинскій былъ уже не только царемъ черни, но въ его лагерь Тушино начали переходить и представители высшаго класса: князья—Дмитріѣ Трубецкой, Алексѣй Сицкій, Засѣкины и друг. Съ каждымъ днемъ войско „вора“ увеличивалось и новыми польскими выходцами. Дѣло Тушинскаго царика принимало благопріятный оборотъ; наоборотъ Царь Шуйскій чувствовалъ себя въ серьезной опасности и полагалъ, что заключеніемъ мира съ Польшей онъ можетъ избавиться отъ соперника.

Долгіе переговоры,—въ которыхъ поляки настаивали на выдачѣ плѣнныхъ и особенно, проживавшихъ въ ссылкѣ въ Ярославлѣ, Марины Мнишекъ съ ея отцомъ—разрѣшились перемиріемъ на четыре года (до 20 іюня 1612 года).

Воевода съ дочерью и свитой были перевезены въ Москву; при чемъ Марину отпускали въ Польшу съ условіемъ, чтобы она отказалась отъ титула царицы Московской; что касается поляковъ, приставшихъ къ Тушинскому царіку, то они по условію должны были отойти отъ него и не принимать участія въ новыхъ авантюрахъ ²⁾. Этимъ договоромъ русскія дѣла разрѣшались удовлетворительно. Однако признаніе Мариною Тушинскаго вора за своего мужа сразу разбило всѣ комбинаціи Василия Шуйскаго. Обстоятельства для него стали настолько серьезными, что царь для одолженія Вора рѣшилъ обратиться за иноземною помощію къ шведамъ. Дѣла же послѣдняго шли все лучше и войско его увеличивалось съ каждымъ днемъ все новыми пришельцами ³⁾. Слухи о шумной, разгульной жиз-

¹⁾ Между пришедшими иностранцами были и такіе, которые не руководились ничѣмъ инымъ кромѣ авантюры.

²⁾ Костомаровъ, *op. cit.*, II, 117, 127 и 137.

³⁾ Правда войско это являлось чрезвычайно пестрымъ и неоднороднымъ по составу; при этомъ оно не только не отличалось дисциплиною, но, наобо-

ни въ Тушинскомъ лагерѣ и о полной безпомощности Москвы не могли, конечно не доходить до Верхняго Поволжья, тѣмъ болѣе, что Троице-Сергіева лавра присылала свои грамоты прежде другихъ городовъ, именно, сюда, какъ въ край ближайшій и еще не захваченный польскими отрядами.

Значеніе этой послѣдней не исчерпывалось однимъ лишь моральнымъ вліяніемъ: укрѣпленный монастырь являлся твердыней и ключемъ къ богатому, еще не разоренному Верхнему Поволжью, которое доставляло Москвѣ очень многіе жизненные припасы.

Все это было, хорошо извѣстно въ Тушинѣ... Взять укрѣпленный монастырь имъ представлялось также совершенно необходимымъ и въ связи съ мыслью объ успѣхѣ обходнаго движенія на Москву. Но это оказалось не такъ легко, какъ можно было ожидать, почему Сапѣга, осадивъ обитель, разослалъ по краю своихъ полковниковъ „повелѣ вся города прельщати“¹⁾... Первыми признали царика Суздальцы, за ними Переяславцы, направившіеся вмѣстѣ съ Тушинцами къ неукрѣпленному²⁾ Ростову³⁾. Въ разоренный при участіи Пе-

ротъ, носило въ себѣ уже задатки разложения въ видѣ погони за грубыми наслажденіями и насилій надъ окрестнымъ населеніемъ. Въ Тушинскомъ лагерѣ проводили время праздно, шумно и весело—за игрой, въ пивкой и съ женщинами, которыхъ въ лагерѣ было громаднсе количество, какъ пришедшихъ добровольно съ западной границы, такъ и взятыхъ насильно изъ туземнаго населенія.

1) Лѣтоп. о многихъ мятеж. 137—138.

2) Ibidem, 139. „Вѣдяху бо что въ Ростовѣ города нѣтъ“.

3) Услышавъ объ этомъ, Ростовцы, по свидѣтельству лѣтописца, обратились всѣмъ городомъ къ митрополиту Филарету съ просьбою итти въ соудный Ярославль.

Но митрополитъ не ссглашался, не желая разстаться съ многочисленными святынями древнѣйшаго изъ городовъ сѣверо-восточной Руси. Многіе изъ Ростовцевъ въ ланикѣ бѣжали въ Ярославль. Митрополитъ же Филаретъ съ частью народа затворился въ Успенскомъ соборѣ. Прийдя въ Ростовъ, Тушинцы съ Переяславцами прежде всего перебили тѣхъ изъ Ростовцевъ, которые не бѣжали въ Ярославль и не затворились въ храмѣ: скоро очередь дошла и до послѣднихъ. Митрополитъ Филаретъ пытался уговорить Переяславцевъ отстать отъ „литовс ихъ людей“, но безуспѣшно. Двери храма были выбиты и затгорившіеся были подвергнуты безпощадному избиенію. (ъ митрополита ободрали облаченіе, одѣли его въ рваныя одежды, затѣмъ, продолжая издѣваться, посадили на одинъ возокъ „съ женкою“ и, съ приставомъ отправили въ Тушино. Городъ и церкви, въ томъ числѣ и Успенскій соборъ, не исключая и находившихся въ немъ мощей св. Леонтія, были преданы разграбленію при дѣятельномъ участіи Переяславцевъ (А. А. Э., т. II № 88).

реяславцевъ городъ Сапѣга прислалъ воеводой Матвѣя Плещеева, который, стоя въ Ростовѣ, продолжалъ разореніе окрестного края ¹⁾.

Смута подкатывалась къ самому Поволжью.

Узнавъ о разореніи сосѣдняго Ростова, населеніе Ярославля побросало дома свои и разбѣжалось; оставшаяся жевъ городѣ, чернь, съ княземъ Федоромъ Бярятинскимъ во главѣ присягнула Самозванцу, обѣщая службою загладить передъ нимъ свою прежнюю вину.

Соблазнъ росъ...

Одинъ за другимъ В-Поволжскіе города и селенія начали цѣловать крестъ Вору. (Рыбная Слобода (Рыбинскъ), Кострома, Галичъ, Юрьевецъ-Поволжскій, Тверь и друг. ²⁾). Смута прокатилась по Поволжью...

Услышавъ объ этомъ Василій Шуйскій призывалъ измѣнчившіе города на защиту отечества и православной вѣры. Царь приказывалъ, чтобы всѣ вѣрные ему люди собирались у Ярославля ³⁾ и соединялись съ, посланнымъ на выручку Ярославля, отрядомъ Михаила Скопина — Шуйскаго.

Царь извѣщалъ, что послѣдній съ Шведами уже движется къ Москвѣ, что туда же направляется изъ Нижняго съ Понизовою ратью Шереметевъ ⁴⁾. Въ это время (въ концѣ ноября 1608 года) изъ всѣхъ городовъ Верхняго Поволжья вѣрнымъ Шуйскому оставался только Нижній ⁵⁾, призывавшій къ тому же и другихъ, на примѣръ, сосѣднихъ Балахнинцевъ ⁶⁾. Однако Балахна слушаться не пожелала. Тогда воевода Нижегородскій Алябьевъ съ разнородными

¹⁾ А. А. Э. т. II, № 88 и А. И. т. II, № 101. Къ первой половинѣ ноября 1608 г. князь Бярятинскій уже пишетъ Сапѣгѣ о томъ, чтобы онъ выслалъ ему боевыхъ припасовъ: желѣза, свинца, смолы и сѣры (А. И. т. II № 104).

²⁾ А. А. Э., т. II, № 88.

³⁾ *ibidem*, т. II, № 90.

⁴⁾ *ibidem*, т. II, № 93.

⁵⁾ „С. О. Платоновъ, *op. cit.*, стр. 351—35, говоритъ, что и всѣ города, лежавшіе по дорожѣ отъ Москвы къ Бѣлому морю цѣловали крестъ „Вору“; также завоевано было Тушинцами все пространство между р.р. Клязьмой и Волгой отъ Владимира до Балахны и Кинешмы“.

⁶⁾ А. И., т. II, № 107. Нижегородцы увѣряли, что истинный царевичъ Дмитрій былъ убитъ по приказанію Бориса въ Угличѣ.

войсками Нижегородцевъ и жившихъ въ немъ плѣнныхъ, а также и съ помощью посланнаго Шереметевымъ отряда, принудилъ ихъ присягнуть Шуйскому¹⁾. Разбилъ Алябьевъ и часть, отложившейся отъ Нижняго-Новгорода. Нижегородской голытьбы, подступившей къ городу вмѣстѣ съ Арзамасцами, татарами и черемисами. Разбилъ энергичный воевода „воровъ“ въ селѣ Павловѣ. О всемъ этомъ Нижегородцы извѣстили Муромцевъ и угрожали поступить и съ ними также, если они не станутъ вмѣстѣ съ ними противъ Самозванца. Успѣхи Алябьева оказали на ходъ дѣла на столько сильное вліяніе, что одинъ за другимъ города и селенія, не только Нижегородскаго и Муромскаго края, но и всего Говолжья до Ярославля т. е. большинство Замосковныхъ городовъ въ декабрѣ 1608 года начали дружно откладываться отъ Самозванца (Муромъ, Павловъ, Гороховецъ, Балахна, Кострома и Галичъ)²⁾; въ то же время и отряды заволжскаго Замосковья (Вологодскіе) и Поморья двигались къ Ярославлю и Ипатьевскому монастырю, находившимся въ рукахъ „воровскихъ“ людей. Эту же задачу ставили себѣ Костромичи и Галичане; что касается группы Положскихъ селеній, расположенныхъ отъ Кинешмы до устья Оки (Рѣшма, Юрьевецъ, Городецъ и Балахна), то они своей задачей поставили освобожденіе Шуи. Здѣсь движеніе исходило отъ „*мужижковъ*“, имѣвшихъ выборныхъ предводителей какъ, наприм., Григорія Лапшу—въ Рѣшмѣ или губного старосту Бѣлая Ногавицына сотника Ѳедора Краснаго—въ Юрьевѣ. Отряды же городовъ Заволжскаго Замосковья и Поморья, а также и Костромичей состояли изъ тяглыхъ и служилыхъ людей. И тѣ и другіе отряды смѣло шли на регулярныя войска Тушинцевъ.

Однако при такомъ различіи возстаніе „мѣстныхъ мировъ“ едва ли имѣло бы успѣхъ, если бы не находило пи-

¹⁾ У П. П. Семечова („Географическо-статистическій словарь т. I „Балахна“, стр. 196) Алябьевъ названъ „*бунтовщикомъ*, разграбившимъ Балахну“, что, конечно, совершенно не соответствуетъ дѣйствительности.

²⁾ А. И., т. II, №№ 114 и 116.

таніе въ опорныхъ пунктахъ, „куда еще не хватала польская сабля и казачья пицаль“ ¹⁾. Такими опорными пунктами были Новгородъ и Вологда для городовъ, расположенныхъ по р. р. Мологъ и Шекснѣ: для Верхняго же Поволжья для Костромы, Галича и Поморья—В. Устюгъ и Тотма, а для нижней части описываемаго края—сильный Нижній-Новгородъ, все время Смуты неизмѣнно стоявшій на стражѣ правительства и сыгравшій исключительную роль въ ликвидаціи ея ²⁾.

1609 годъ. Съ весны 1609 г. въ В. Поволжѣ борьба разгорается все болѣе; при этомъ, несмотря на то, что значительная часть пунктовъ находится еще въ рукахъ Тушинцевъ или берется ими съ боя, чувствуется уже, что возстаніе принимаетъ все болѣе грозный характеръ, что съ нимъ польскіе и казацкіе отряды едва-ли въ концѣ концовъ справятся ³⁾. Однако все Замосковье между Клязьмой и Волгой и весь Поволжскій край, въ особенности по правому берегу Волги, жилъ въ это время безпокойной жизнью, ежеминутно опасаясь набѣга Тушинцевъ и истребленія всего отнемъ и мечемъ ⁴⁾. Но по заключеніи договора съ Швеціей

¹⁾ С. О. Платоновъ, *op cit*, стр. 363.

²⁾ „Въ то время, говоритъ С. О. Платоновъ, *op. cit*, стр. 363—4, какъ на Мологъ, Костромѣ и Клязьмѣ съ Тезою съ перемѣннымъ счастьемъ кипѣла кровавая борьба, на Волховѣ, Сухонѣ и низовьяхъ Оки шла организаціонная работа. Здѣсь изыскивались средства для борьбы, собирались люди, выработывался планъ дѣйствій, крѣпло національное чувство, осмыслились политическія и социальныя отношенія, словомъ, подготавливался подъемъ народныхъ силъ для борьбы съ Смутой. Отсюда и являлась дѣятельная поддержка возставшимъ поволжскимъ и сугдальскимъ мѣстамъ; отсюда же нѣсколько позднѣе пошли регулярныя войска на освобожденіе Москвы“...

³⁾ Такъ, въ началѣ марта 1609 года воевода Ярославля князь Барятинскій сообщилъ Сапѣгѣ, что г. Романовъ взятъ приверженцами Шуйскаго и что онъ ожидаетъ того же и по отношенію къ Ярославлю. (А. И., II, № 163). Одновременно съ этимъ и царикъ писалъ Сапѣгѣ, чтобы онъ отправилъ на помощь Ярославлю и Костромѣ Лисовскаго.

А ожидавшій у послѣдней въ Ипатьевскомъ монастырѣ воевода Вельяминовъ писалъ воеводѣ, что противъ ожидаемыхъ снизу Волги 10000 онъ отсидѣться не сможетъ, ибо въ монастырѣ у него людей немного „да и тѣ... „иные побиты и ранены и лошади у нихъ побиты“ (А. И. II, № 172).

⁴⁾ Такъ, въ первыхъ числахъ марта Тушинцы разграбили Суздаль и Холуй. А въ половинѣ марта Соли аличане пишутъ Царю Василю Шуйскому, что къ нимъ пришелъ Лисовскій и разорилъ и сжегъ ихъ городъ; забралъ лючей, „зеле и свинець, а дѣхъ, что не успѣли разѣжаться въ лѣса—перебилъ; что Ярославцы и Костромичи отступили отъ присяги емъ, а теперь, видя „великое разореніе, и женъ своихъ и дѣтей великій позоръ“, невольно присягнули и они (Солигаличане) Сам.званцу (А. И. II, № 177).

(въ апрѣлѣ 1609 года ¹⁾), когда извѣстіе о походѣ князя Скопина-Шуйскаго стало распространятися все дальше,—дѣла Тушинскаго царика и въ Поволжѣ начинаютъ приходить въ упадокъ. Нѣкоторые города, какъ, наприм., Ярославль, начинаютъ приносить Царю В. Шуйскому повинную, а Суздальскіе воеводы Плещеевъ и Просовѣцкій доносятъ Сапѣгѣ, что во Владимирѣ „засѣли на смерть“ люди Московскіе и бывшіе подъ Астраханью съ Шереметевымъ, затѣмъ Арзамасы, Нижегородцы и „Поволжскихъ городовъ многіе мужики“.

Къ отпавшему Ярославлю двинулся со всеѣми своими силами Лисовскій и осадилъ его. Въ то же время наоборотъ Ипатьевскій, монастырь, съ засѣвшимъ въ немъ отрядомъ Тушинцевъ, былъ осажденъ (1 мая) Костромскимъ воеводой Жеребцовымъ „съ многими людьми Костромичей, Галичанъ, Нижегородскихъ стрѣлковъ, Вологжанъ, Сибирскихъ стрѣлковъ, казаковъ, Унженцевъ и другихъ“ ²⁾.

Перейдя на судахъ р. Кострому, правительственныя войска около всего монастыря „отъ рѣки Костромы до рѣки Костромы же“ сдѣлали ровъ и, сѣвъ за нимъ, начали копать другой—ближе къ монастырю. Постоянными нападеніями днемъ и ночью они тревожили осажденныхъ, постепенно суживая кольца осады. Въ виду этого тушинцы отправили къ Сапѣгѣ гонца съ просьбою о выручкѣ. Между тѣмъ Лисовскій, подойдя къ отпавшему отъ Самозванца Ярославлю, уже на слѣдующій день взялъ большой острогъ. Тогда Ярославскіе воеводы князь Сила Гагаринъ, Никита Вышеславцевъ и Василій Пановъ засѣли въ среднемъ—и въ Спасскомъ монастырѣ. Воеводы твердо выдерживали осаду, рассчитывая на выручку Скопина-Шуйскаго и Вологжанъ, у которыхъ они просили помощи ³⁾. Первый уже извѣстилъ осажденныхъ, что идетъ къ нимъ „на спѣхъ“ ⁴⁾, а послѣдніе—что они собираютъ рать. И какъ не тѣснилъ

¹⁾ А. И., II, № 489.

²⁾ А. И., II, № 205.

³⁾ *ibidem* № 214 и 216.

⁴⁾ А. А. Э., № 121.

Лисовскій Ярославцевъ, заставляя выдерживать по два и по три приступа въ день, но, ободренные полученными извѣстіями, осажденные не сдавались. Простоявъ подъ Ярославлемъ 3 недѣли и отчаявшись, наконецъ, въ успѣхъ, Лисовскій снялъ осаду. Часть своихъ людей онъ двинулъ къ Ипатьевскому монастырю, а часть отодвинулъ къ селу Великому съ тѣмъ, чтобы ожидать здѣсь подкрѣпленій ¹⁾. Вслѣдъ за этимъ и Ярославцы двинули къ, осаждавшему Ипатьевскій монастырь, Костромскому воеводѣ Жеребцову „помочь со многими ратными людьми и съ огненнымъ боемъ“.

Къ Ипатьевскому же монастырю вслѣдъ за ними отправился и Лисовскій. Однако, за неимѣніемъ судовъ для переправы черезъ р. Волгу, не могъ броситься на выручку, засѣвшихъ въ монастырѣ, Тушинцевъ и остановился на правомъ берегу въ с. Селищахъ. Съ цѣлью добыть для переправы хотя бы небольшія лодки, Лисовскій отправилъ часть казаковъ вверхъ по правой сторонѣ Волги, самъ же продолжалъ стоять въ Селищахъ. (Между тѣмъ осаждавшій монастырь воевода Давыдъ Жеребцовъ, видимо, заблаговременно собралъ всѣ суда у Костромы. Это дало ему большое преимущество: переправляясь на нихъ онъ тревожилъ Лисовскаго неожиданными нападеніями, однако до рѣшительнаго боя дѣло не доводило. Несмотря на связанное положеніе Лисовскаго, приходъ его ободрилъ засѣвшихъ въ Монастырѣ. Желая пробиться къ своимъ, они дѣлали вылазки и днемъ, и ночью — однако безуспѣшно ²⁾ Лисовскій принужденъ былъ стоять за Волгой въ бездѣйствіи и скоро ушелъ, направившись внизъ по теченію. Что, именно, было причиной такого рѣшенія полковника — неизвѣстно. Отправился ли онъ въ надеждѣ дойти тамъ суда для переправы, или же — въ виду слуховъ, о томъ, что свизу надвигается новое ополченіе привержен-

¹⁾ А. И., II, № 228.

²⁾ А. А. Э. № 125.

цевъ Шуйскаго ¹⁾, но только онъ пошелъ по направленію къ Кинешмѣ и взялъ ее (26 мая). Воевода Кинешемскій Федоръ Бобарыкинъ палъ въ бою ²⁾. Въ это время къ Кинешмѣ изъ Юрьевца-Поволжскаго подошли правительственныя войска Понизовой земли, которыя и держали Лисовскаго въ осадѣ въ теченіи 10 дней. Однако ему удалось уйти вверхъ по Волгѣ на судахъ и берегомъ. Сторонники Шуйскаго преслѣдовали его (также на судахъ) въ теченіе 3-хъ дней, до самой Костромы. Но, понеся значительный уронъ ³⁾ и не имѣя по прежнему достаточнаго количества судовъ для переправы, Лисовскій простоялъ лишь нѣкоторое время противъ Ипатьевскаго монастыря и затѣмъ отступилъ, предоставивъ осажденныхъ самимъ себѣ.

Болѣе удачными оказались операціи другого Тушинца Просовѣцкаго, взявшаго Шую и Лухъ; но онъ, донося объ этомъ Сапѣгѣ, озабоченно добавлялъ о слухахъ относительно прихода въ Нижній воеводы Шереметева съ Понизовымъ ^{3 1/2} тысячнымъ отрядомъ ⁴⁾.

Къ этому времени, къ іюню 1609 года, положеніе въ Приволжскомъ краю представлялось въ слѣдующемъ видѣ: часть городовъ была за Самозванцемъ; въ рукахъ Сапѣги были города: Ростовъ, Переяславль, Суздаль... Большинство же городовъ: Угличъ, Ярославль, Кострома, Владимиръ и

¹⁾ Костомаровъ (op cit, II, стр. 231) выставляетъ одно лишь предположеніе—послѣднее, именно, слухи объ идущей снизу на помощь Жеребцову Понизовой рати.

Но думается не исключаво и первое предположеніе о томъ, что Лисовскій сдѣлалъ это въ надеждѣ достать суда для переправы черезъ Колгу, для чего и направился собственно не въ Кинешму, а въ Юрьевецъ. Можетъ быть полковникъ предполагалъ подойти къ Костромѣ снизу Волги, переправившись черезъ нее гдѣ-нибудь ниже.

²⁾ Въ память этого боя въ Кинешмѣ поставлена, существующая и нынѣ (на базарѣ), часовня съ надписью о событіи. И если часовня поставлена, дѣйствительно, на самомъ мѣстѣ боя, то оказывается—Лисовскій загналъ кинешемцевъ въ низину, гдѣ и перебилъ ихъ. На часовнѣ находится слѣдующая надпись: „въ 1609 году при воеводѣ Федорѣ Бобарыкинѣ Кинешма разорена была пол ками полъ начальствомъ Лисовскаго. Часовня сія устроена надъ избѣенными въ сраженіи гражданами и поселянами. Въ сей часовнѣ совершается панихида каждагодно по преданію предковъ 26 мая“.

³⁾ „...Раненыхъ изъ-подъ Кинешмы въ Кострому привели добръ много; а многихъ де—и Литовскихъ людей и сабель лѣтъ, а у казаковъ у многихъ пишалей нѣтъ“. (А. А. Э., т. II, № 125; ср. А. И. т. II, № 239).

⁴⁾ А. И., т. II, № 236.

друг.—за Царемъ ¹⁾). Дѣла Шуйскаго въ Поволжьѣ принимали благопріятный оборотъ. Въ концѣ іюня онъ плетъ стоявшимъ за него городамъ похвальныя грамоты и приказываетъ имъ соединившись съ Шереметевымъ итти на освобожденіе Троице-Сергіевой лавры и къ Москвѣ ²⁾. Въ концѣ іюля просьба—прислать ратныхъ людей на помощь монастырю Царемъ повторяется. Къ этому времени главной задачей для него оставалось справиться съ самимъ Сапѣгой и освободить твердыню сѣверо-восточной Руси. Въ остальныхъ пунктахъ дѣла Василя Шуйскаго шли удовлетворительно: мятежники поражены подъ самой Москвой на Ходынкѣ, разбиты подъ Торжкомъ. Спѣшно двигается съ сѣверо-запада Михаилъ Скопинъ - Шуйскій, который уже взялъ приступомъ Тверь ³⁾. Самозванецъ, по увѣренію Царя, думаетъ бѣжать на Литву ⁴⁾.

Состояніе же обители, куда Сапѣга стянулъ всѣ свои силы, къ этому времени было очень тяжелое: еще въ концѣ марта, жившая въ ней, царевна Ксенія Борисовна Годунова (въ ипочествѣ Ольга) писала: „у насъ въ осадѣ шатость и измѣна великая, да у насъ же за грѣхъ нашъ моровая повѣтря: всякихъ людей изняли скорби великія смертныя, на всякой день хоронятъ мертвыхъ челоувѣкъ по двадцати и по тридцати и болши; а которые люди посямѣсто ходятъ и тѣ соб ю не владѣють, всѣ обезножѣли“ ⁵⁾.

О тѣснотѣ и „нужѣ великой“ доносятъ царю и власти осажденнаго монастыря. Все же приступъ Сапѣги 28 іюня былъ отбитъ ⁶⁾, хотя среди защитниковъ обители начинаются раздоры и все также свирѣпствуютъ „болѣзни смертоносныя“... „Стрѣльцы и казаки всѣ лежатъ лоскомъ, цынга смертная, ноги пухнутъ да съ того и помирають“, писалъ Авраамію Палицыну воевода Князь Долгорукій.

¹⁾ А. А. Э., № 125.

²⁾ ibidem., № 127 и А. И. №№ 222—227.

³⁾ А. А. Э., № 130.

⁴⁾ А. И. II № 240.

⁵⁾ ibidem., № 182.

⁶⁾ ibid., № 241—242.

Въ половинѣ іюля Ростовцы, услышавъ, что къ нимъ могутъ придти Ярославцы, просятъ Сапѣгу прислать къ нимъ помощь; но Сапѣга едва ли могъ теперь сдѣлать это свободно¹⁾: съ взятіемъ Троице-Сергіевой лавры ему надо было спѣшить; для этого Сапѣга стянулъ къ монастырю остатки своихъ отрядовъ, еще недавно хозяйничавшихъ въ большей части Верхняго Поволжья. Но нѣсколько его прступовъ успѣхомъ не увѣнчались. Соединеніе въ Александровской слободѣ войскъ Шереметева и кн. Скопина-Шуйскаго и пораженіе, нанесенное послѣднимъ Сапѣгѣ у Дмитрова, заставили Тушинцевъ, снять осаду съ обители и отступить на прежнія позиціи подь Москвой, а затѣмъ, наконецъ, доставило правительственнымъ войскамъ и полную побѣду надъ польско-литовскими людьми, всякими авантюристами и мятежниками.

Такимъ образомъ жертвами и усиліями поморскихъ и главнымъ образомъ замосковныхъ „мужиковъ“ Поволжскаго края Тушинцы были изгнаны не только изъ Поволжья, но и изъ всего Замосковья и вся авантюра Вора была разрушена ими въ конецъ²⁾. Казалось, отечество могло вздохнуть свободнѣе...

Однако испытанія Руси и Москвы на этомъ не окончились. Наоборотъ начиналось особенно тяжелое время мѣтко названное современниками „лихолѣтьемъ“ и „Московскимъ разореньемъ“.

Верхне-Поволжскій край въ эпоху междоусобицы.

1610 годъ. Опасаясь все болѣе возрастающаго вліянія на массы населенія племянника своего Скопина-Шуйскаго, Царь Василій не могъ побороть своего чувства къ нему не-

¹⁾ *ibid*, II, № 248—9.

²⁾ „Побѣждаютъ Тушинцевъ, говоритъ С. О. Платоновъ, („ор сіт, стр. 389), главнымъ образомъ замосковные и поморскіе мужики. Ихъ силами крѣпокъ сталъ Скопинъ; ихъ деньгами содержались наемные шведскіе отряды ихъ сочувствіе доставило скорый и рѣшительный успѣхъ А. Алябеву и О. И. Шереметеву“.

пріязни. Неожиданная подозрительная ¹⁾ смерть юнаго героя, приписанная молвой Василию Шуйскому, окончательно подорвала популярность Царя... Дни Василия Шуйскаго были сочтены: его низвели съ престола. Наступило междуцарствіе со всѣми его ужасами.

Населеніе изнемогало отъ грабежей, безчинствъ и насилій казакоѡ и разнаго сброда. Для водворенія порядка чувствовалась полнѣйшая необходимость въ твердой государственной власти, каковой Московское правительство въ лицѣ „сѣдомочисленных“ боярѣ не обладало. Какъ это обстоятельство, такъ и идеологія похи заставляли всѣхъ видѣть спасеніе страны лишь въ избраніи царя.

Но въ отношеніи кандидата мнѣнія боярства и населенія расходились: духовенство, низшіе слои населенія и довольно значительная партія боярства стояли за выборъ царя изъ своихъ, но болѣе значительная и именитая часть боярства тянула къ кандидату иноземному, именно, польскому королевичу Владиславу.

Такія разногласія не могли, конечно, не волновать страну. Единственный пунктъ, въ которомъ какъ въ фокусѣ сходились всѣ мнѣнія, это - необходимость для будущаго русскаго царя принятія православной вѣры. Этотъ главный пунктъ считался какъ бы попразумѣвающимся самимъ собою. Готовность съ польской стороны къ оставленію въ неприкосновенности чистоты православія на Руси и позволило „Семибоярщинѣ“ такъ скоро рѣшиться заключить (въ августѣ 1610 г.) договоръ съ Жолкѣвскимъ и присягнуть королевичу Владиславу ²⁾. Рѣ томъ же мѣсяцѣ была

¹⁾ Лѣтопись о мятежахъ, 177, повѣствуетъ, что Скопина „испортила“ тетка его, жена князя Дмитрія Шуйскаго.

Въ рукописи Филарета. (См сбор. Муханова) говорится болѣе опредѣленно объ отравленіи героя на крестинномъ пиру: „Глаглютъ нѣции яко отравленъ гысть“.

Въ наукѣ этотъ вопросъ стоитъ спорно. Сторонниками за мнѣніе объ отравленіи являются: Иконниковъ, Костомаровъ и Соловьевъ; противъ — Воробьевъ; ни за, ни противъ С. Ф. Платоновъ и друг.

²⁾ Собраніе Государств. грам. и договор., т. II, № 199, стр. 393. Въ договорѣ по этому пункту было вписано чтобы ни одинъ костель не былъ возведенъ ни въ Москвѣ, ни вообще на русской территоріи, а королевичъ долженъ принять православную вѣру.

готова и крестоприводная запись. Присягнула Москва, а за нею и многие другие города ¹⁾. Однако всю вторую половину 1610 года до начала 1611 г. между „седмочисленными“ бодами и королемъ польскимъ Сигизмундомъ шелъ дѣятельный обмѣнъ грамотами (болѣе 20 съ той и другой стороны) ²⁾, при чемъ дѣло шло не только о выясненіи какихъ либо деталей, но вскрывались недоразумѣнія по кардинальнымъ вопросамъ. Королевичъ медлилъ цѣлѣмъ, и подозрѣнія относительно истинныхъ намѣреній Сигизмунда, направленныхъ къ полному подчиненію Руси, кажется, получали реальныя основанія. Захватъ Новгорода шведами, — поляками Смоленска и появленіе въ Псковѣ новаго Самозванца привело страну къ всеобщей разрухѣ. Всякая власть была утрачена... Московское правительство, — въ лицѣ Семибоярщины къ концу 1610 года, какъ таковое, перестало существовать: въ Москвѣ хозяйничали ввущенные ими поляки...

Однако послѣдніе не учли въ должной мѣрѣ всей силы власти надъ массами населенія религіозныхъ догматовъ.

Между тѣмъ боевой потрясающій кличъ „Сергіевъ“, долженъ былъ бы показать имъ, что здѣсь массы могутъ противостоять самымъ страшнымъ насиліямъ „За вѣру отцовъ, и за Русь православную“ — вѣтъ лозунгъ, который былъ брошенъ въ массы и теперь ³⁾, и съ которымъ народъ вышелъ побѣдителемъ изъ тяжелыхъ испытаній „лихолѣтя“.

¹⁾ П. Г. Любимировъ утверждаетъ, что присягнулъ и Н.-Новгородъ (ор. сѣт., февр., кн., стр. 332). Однако на основаніи приведенныхъ имъ данныхъ для категорическаго утвержденія, по нашему мнѣнію прочныхъ основаній не имѣется, — ибо въ „Памятникахъ обороны Смоленска“ („Чтенія... 1912 г. кн. I, стр. 130) говорится лишь, что и въ Н.-Новгородѣ „послали по кресту приводить“. Только *послали* еще. А затѣмъ говорится вообще, что во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ (куда посылали) присягнули охотно. Но точныхъ указаній не дается. Равнымъ образомъ и въ „Русск. историч. библ.“, т. I, стр. 684. прямыхъ указаній на присягу Влаславу Н.-Новгорода не дѣлается. Но *предположенія* о присягѣ и этого города *возможны*.

²⁾ См. Собр. Т. Г. и Д., т. II, годы 1610—1611.

³⁾ „Такимъ образомъ, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, Смута которая началась дворцовой изъ-за власти, затѣмъ превратилась въ народную борьбу противъ сложившагося общественнаго и государственнаго порядка, въ послѣднемъ своемъ періодѣ, подъ влияніемъ опасности инозем-

Когда подозрѣніе противъ Сигизмунда выросло среди населенія въ совершенно опредѣленную мысль опасенія о полномъ подчиненіи и объ окатоличеніи имъ Руси, а раздраженіе противъ хозяйничанья поляковъ въ Москвѣ — въ ненависть, то духовенство, во главѣ съ патріархомъ Гермогеномъ, начало дѣятельно призывать населеніе на защиту православія. Волненіе росло все болѣе и не только въ Москвѣ, но и въ остальныхъ частяхъ государства: Нижній-Новгородъ и теперь шель впереди другихъ городовъ ¹⁾. Однако сигналъ къ возстанію подалъ пылкій Прокопій Ляпуновъ... Такимъ образомъ попытка боярства создать государственную власть при помощи кандидатуры польскаго королевича (или посредствомъ заключенія уніи съ Польшей) окончилось неудачей и полнымъ крушеніемъ самого боярства. Водворить порядокъ въ странѣ пытаются теперь другіе классы населенія. Общество выходитъ изъ состоянія индифферентности, нарушаетъ свое „безумное молчаніе“ ²⁾, державшее страну въ когтяхъ Смуты.

1611 годъ. Получивъ въ первой половинѣ января грамоту Гермогена нижегородцы тотчасъ откликнулись на призывъ патріарха. Заключивъ ³⁾ общую съ балахнинцами крестоцѣловальную запись и договоръ на совмѣстныя дѣй-

Участіе
В.-По-
вожья въ
I-мъ Осво-
бодитель-
номъ опол-
ченіи.

наго завоеванія, получила характеръ національной борьбы за цѣлость и неприкосновенность религіи“. (И. Катаевъ. „Смута“, въ „Русской Исторіи“ въ очеркахъ и статьяхъ подъ редакціей проф. Довнаръ-Звпольскаго. т. II, стр. 255 ⁶⁾).

¹⁾ „Какъ только стало выясняться, говорить П. М. Любимовъ („Очерки исторіи Нижегородскаго ополченія 1611—1613 г.г.“—Ж. М. Н. Пр. 1913 г., февраль, стр. 334), что Сигизмундъ самъ хочетъ занять Московскій престолъ, Нижній въ числѣ первыхъ рѣшительно отказался отъ королевича и началъ работать надъ организаціей ополченія для освобожденія Москвы отъ поляковъ. Не знаемъ, къ сожалѣнію, нужно ли связывать начало новаго движенія въ Нижнемъ съ призывомъ Гермогена, или оно возникло совершенно самостоятельно“. Г. Любимовъ колеблется, но, какъ будто склоняется въ сторону допущенія наличности самостоятельной инициативы Нижегородцевъ.

(Посылка ими двухъ „безстрашныхъ“ людей къ патріарху Гермогену, которые вернулись съ словеснымъ отвѣтомъ уже 12 января, между тѣмъ перехваченныя поляками грамота Гермогена къ Нижегородцамъ 8 января).

С. О. Платоновъ полагаетъ, что патріархъ рѣшилъ обратиться съ призывомъ къ возстанію еще во второй половинѣ декабря 1611 года, оп. cit, стр. 459.

²⁾ Выраженіе Авраамія Палицына, см. „Сказаніе“ его, Русская Историческая бібліотека, т. 13, стр. 479, Спб. 1892.

³⁾ Въ январѣ 1612 года.

ствія они извѣстили объ этомъ Пр. Ляпунова, спрашивая его относительно времени выступленія и пути, который долженъ быть избранъ на Москву; просили также прислать къ нимъ уполномоченныхъ на совѣщаніе. Въ то же время Нижегородцы разослали грамоты въ Ярославль, на Кострому и другіе города Приволжскаго края и Волжско-Окскаго междурѣчья. Отвѣтная грамота Ляпунова, въ которъ и онъ призывалъ всѣхъ русскихъ къ соединенію для освобожденія Москвы отъ поляковъ¹⁾, была получена въ Нижнемъ очень скоро. Нижегородцы начинаютъ разсылать свои воззванія все далѣе²⁾. Одними изъ первыхъ откликнулись на призывные листы, притѣсняемые поборами поляковъ, наѣзжавшихъ то-и-дѣло изъ Москвы, Ярославцы. Они сами также начали разсылать въ сосѣдніе города и селенія верхней Волги увѣщательныя грамоты. Тоже и Костромичи: получивъ (7 февраля) грамоту Нижегородцевъ, они тотчасъ при соединились къ нимъ и написали отъ себя Галичанамъ, а тѣ — Солигаличанамъ. Такимъ образомъ города начали „ссыла-
таться“ между собою; и скоро все верхнее Поволжье, За-
волжье и Рязанскіе города объединились въ возстаніи. Дви-
женіе росло.

Московское правительство, начавшее уже приводить населеніе къ присягѣ королевичу Владиславу, очутилось въ двусмысленномъ положеніи. Обезпокоенные движеніемъ седьмочисленные бояре еще въ январѣ (1611 г.) писали королю Сигизмунду о томъ, что Прокопій Ляпуновъ „по вражью дѣйству, не хотя видѣти въ Московскомъ государствѣ успокоенія“, нарушилъ крестное свое цѣлованіе и отложившись отъ Владислава возмущилъ и другихъ къ тому³⁾. Но возстаніе, поднятое Рязанскимъ воеводою и Нижегородцами, имѣя подъ собою почву горячій матеріаль, разлива-

¹⁾ Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. II, № 228, стр. 497 и слѣд. О томъ же Ляпуновъ писалъ во Владимиръ (ibidem, № 239, стр. 510).

²⁾ Такъ они пишутъ въ Вологду о томъ, чтобы они собрали въ городъ и увѣдѣ ратныхъ людей „конныхъ и съ лыжми“ и были готовы къ походу на Москву. (ibidem № 229, стр. 499. Тоже и № 236).

³⁾ Собр. Г. Гр. и Дог., II, № 223 стр. 489.

лось такъ быстро, что всего съ немногимъ черезъ мѣсяцъ головные отряды ополченія, получившаго названіе „перваго освободительнаго“, начали уже выступать съ мѣстъ ¹⁾. Путь ополченія былъ избранъ черезъ Владимиръ.

Встревоженные надвигающимися на Москву полками возставшихъ, Московское правительство (въ началѣ марта) спѣшно пишетъ Сигизмунду, прося прислать скорѣе королевича. Ожидая вступленія Владислава на русскую территорию, бояре одновременно съ этимъ писали Шеину, чтобы онъ призналъ королевича и сдалъ полякамъ Смоленскъ ²⁾. Не было поздно: въ апрѣлѣ подъ Москвой собралось уже внушительное ополченіе и начало разсылать призывныя грамоты о томъ, чтобы города спѣшно присылали ратныхъ людей—для отнятія Москвы у поляковъ и денегъ—на жалованье собравшемуся войску ³⁾. Соединеніе земскаго ополченія Прокопія Ляпунова съ калужскими людьми Д. Т. Трубецкого и казаками Ивана Заруцкого образовало такую силу, передъ которою поляки удержаться въ Москвѣ едва ли уже могли. Московское же правительство, потерявшее авторитетъ въ глазахъ „земли“ еще съ конца 1610 года, теперь не существовало. 30 іюня объединившееся ополченіе совѣтомъ „всей земли“ постановило приговоръ, которымъ между прочимъ уничтожалась дѣйствительность грамотъ Сигизмунда о пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ и вотчинахъ и установленный королемъ порядокъ вершенія всѣхъ дѣлъ государства, суда и проч. Приговоръ былъ подписанъ представителями болѣе чѣмъ отъ двадцати городовъ, въ томъ числѣ: Ярославля, Костромы, Юрьевца, Нижняго-Новгорода, Ростова и проч.) ⁴⁾... Поднимался въ Совѣтъ и вопросъ объ избраніи

1) 8 февраля, выступилъ, наприим., передовой отрядъ Нижегородцевъ; главныя же силы ихъ, а также и Понизовыхъ городовъ 3 недѣлями поздне подѣ начальствомъ кн. Репнина.

2) Собр. Г. Гр. и Д., II, № 240, стр. 515.

3) *ibidem* II, № 251, стр. 535. Составъ ополченія см. у С. О. Платонова, *op. cit.*

4) „Памятники Исторіи Смутнаго времени“, подѣ редакціей А. И. Яковлева, М. 1909, № XXI, стр. 65—70.

Царя. Однако смерть Ляпунова сразу разстроила ополченіе земскіе отряды разошлись по домамъ, на людей же кн Трубецкого и казаковъ Заруцкаго, сдѣлавшагося теперь за-правилой всему, надежда была плохая. Погибла надежда на освобожденіе Москвы, во всякомъ случаѣ на освобожденіе скорое; въ души многихъ въ это тяжкое время закрадывалось отчаяніе. Отечество наше къ концу 1611 года являлось совершенно расшатыннымъ. „Государство“, по словамъ историка, „преображалось въ какую то безформенную мятушуюся федерацію“¹⁾. Но въ этотъ критическій моментъ въ великорусской вѣтви разлившейся по Верхнему Поволжью и здѣсь окрѣпшей въ вѣковой борьбѣ съ суровой природой и съ внѣшними врагами, нашлись необходимыя для спасенія погибающаго отечества силы. Знамя народнаго возстанія было поднято все той же твердыней Смутной эпохи Нижнимъ-Новгородомъ.

II-е осво-
бодитель-
ное опол-
ченіе: Ни-
жегород-
ское дви-
женіе.

1612 годъ. Трудно себѣ представить государство болѣе расшатынное чѣмъ наше отечество въ началѣ 1612 года: въ странѣ царилъ ужасный голодъ; всюду въ окрестно-стяхъ столицы бродили шайки, хозяйничающихъ поляковъ, казаковъ и разныхъ авантюристовъ. Заруцкій, пристаеъ къ третьему Самозванцу Сидоркѣ, засѣвшему въ Псковѣ и державшемуся тамъ при помощи поляковъ. Въ Астрахани является свой Самозванецъ, къ которому пристаеъ все Нижнее Поволжье. Это было „лихое“ время: всюду на дорогахъ и поляхъ валялись трупы, выгнанныхъ изъ разо-ренныхъ селеній, замерзшихъ или убитыхъ людей. Пол-ная растерянность овладѣвала самыми мужественными людьми того времени. Патріарха Гермогена этого „великаго, непоколебимаго столпа и твердаго адаманта“ не стало; но мысль объ освобожденіи Руси за смертью его, конечно, не могла заглухнуть: архимандритъ Троице-Сергіевой лавры

¹⁾ В. О. Ключевскій, „Курсъ исторіи“, т II, стр. 73. Тоже см. С. Э. Платоновъ, *op. cit.*, стр. 489. „Вторая половина 1611 года, говоритъ историкъ эпохи, была наиболѣе тяжелою, прямо безотрадною порою для Мос-ковскаго общества“ и проч.

Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ еще съ іюля 1611 года стали разсылать по всѣмъ городамъ грамоты. Пламенные слова сильно ударили по натянутымъ многолѣтней Смутой нервамъ населенія, населенія въ полномъ смыслѣ несчастнаго, которое, принуждено было, по свидѣтельству современниковъ, скрываться въ непроходимыхъ дебряхъ лѣсовъ, въ пещерахъ и даже въ водѣ между кустовъ... Съ нетерпѣніемъ ожидали люди наступленія ночи, чтобы хотя немного отдохнуть на сушѣ. Но, благодаря безконечнымъ заревамъ пожаровъ, и ночью нельзя было найти покоя; за людьми охотились, какъ за звѣрями—съ собаками... Нигдѣ нельзя было скрыть хлѣбныхъ запасовъ. Шайки разнаго сброда и казаковъ все грабили, а что не могли взять съ собою истребляли, сжигая или бросая въ воду, или рубя на мелкіе куски. Никому не было пощады; не дѣлалось различія ни для пола, ни для возраста: сбрасывали съ башенъ, топили въ водѣ, разстрѣливали, рубили, жгли... Гдѣ трудовое населеніе городовъ и сѣлъ, зывали архимандритъ Діонисій и Авраамій Палицынъ, не перебито ли оно или не разведено ли въ плѣнъ? Гдѣ церкви не поруганныя еще? „Гдѣ иноки многолѣтними сѣдинами цвѣтушія и инокини добродѣтелями украшенныя, не все ли до конца разорены и оборуганы злымъ поруганіемъ? Гдѣ народъ общій христіанскій, не всѣ ли лютыми горными смертями скончашася?... Помяните и смилуйтесь надъ видимою общою смертною погибелю“¹⁾, обращались они къ неразореннымъ еще городамъ. Неудача перваго освободительнаго ополченія привела населеніе въ отчаяніе и въ немъ жила теперь надежда лишь на одно Провидѣніе.

Начинають распространяться слухи о чудесныхъ видѣніяхъ²⁾. Одно изъ нихъ въ концѣ 1611 г.), (вѣроятно Григорію) привело къ тому, что къ концу 1611 года Поволж-

1) А. А. Э. т. II, № 190. Воззваніе къ Казанскому митрополиту Ефрему и ко всѣмъ людямъ „Казанскаго Государства“. Ср. „Сказаніе Авраамія Палицына“, Русск. Историч. библ., т. XIII, стр. 511—512, 522—3.

2) См. „Повѣсти о чудесныхъ видѣніяхъ въ Н. Новгородѣ и Владимірѣ“ въ Русск. историч. бібліотекѣ, т. XIII.

скими городами, послѣ предварительной переписки и общаго приговора, былъ назначенъ строгій постъ ¹⁾.

Только Нижній-Новгородъ, считавшійся мѣстомъ чудснаго видѣнія, не предавался такому посту [и ничего не зналъ о чудѣ, но зато въ этомъ оплотѣ Руси въ Смутную эпоху около этого времени выступилъ тотъ великій Нижегородецъ, благодаря уму и волѣ котораго была спасена русская земля. Человѣкъ этотъ общеизвѣстенъ—это торговецъ мясомъ Козьма Захаровичъ Мининъ-Сухорукъ. Въ исторической наукѣ нѣтъ разногласій относительно ума и твердой воли Козьмы Минина. Кромѣ, того это былъ человекъ не совсѣмъ чуждый военному дѣлу ²⁾.

Въ описываемое время К. Мининъ былъ посадскимъ старостой и въ своихъ кругахъ пользовался заслуженнымъ уваженіемъ. Къ осени 1611 года, когда грамота Діонисія и Авраамія Палицына пришла въ Нижній, Козьма Мининъ, въ числѣ Нижегородскихъ должностныхъ лицъ не только высказался за поддержку Москвы, но и просилъ немедленно прочитатъ грамоту народу въ соборѣ. Настаивая на быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, Козьма Мининъ ссылался на видѣніе ему преподобнаго Сергія, повелѣвшаго ему разбудить спящихъ ³⁾. Хорошо извѣстны полныя энергіи и выразительности слова Минина къ Нижегородцамъ, призывавшія ихъ къ жертвамъ для спасенія Отечества ⁴⁾.

¹⁾ Первые три дня недѣли ничего не ѣсть и не пить, а въ четвергъ и пятницу ѣсть только сух.е.

²⁾ Участвовалъ въ походахъ Алябьева и кн. Репнина.

³⁾ Костомаровъ, III, 242. Прежніе историки удѣляли достаточно много мѣста и времени инциденту между Мининымъ и Биркинымъ, усумнившимся въ правдивости заявленія Кузьмы. Современные историки этимъ вопросомъ не интересуются.

Платоновъ, *op. cit.*, стр. 500) и др. историки полагаютъ, что Мининъ началъ свой подвигъ не дожидаясь Троицкой грамоты 6 октября.

⁴⁾ Рѣчь Минина на языкѣ эпохи приведена въ лѣт. о мят., стр. 234: буде намъ похотѣтъ помощи Московскому государству и то намъ не пожалѣти животовъ своихъ; да не токмо животовъ своихъ, и дворы свои продавать, и жены и дѣтей закладывать и бити челомъ, чтобы кто вступился за истинную православную вѣру, и былъ бы у насъ начальникомъ“.

Мѣсто города, гдѣ была произнесена рѣчь Минина въ исторической наукѣ считается спорнымъ; (С. О. Платоновъ *op. cit.*), этимъ мѣстомъ считаетъ Нижній Базаръ, около Волги

Тоже см. и г. Любомировъ, *op. cit.*

Энергичный призывъ своего земскаго человѣка произвелъ на Нижегородцевъ, только что выслушавшихъ грамоту Троице-Сергіевой Лавры и горячую рѣчь соборнаго протопопа Саввы ¹⁾, сильное дѣйствіе.

Хорошо извѣстны также и событія, послѣдовавшія за этимъ въ Нижнемъ. Козьма Мининъ, не разъ и потомъ державшій согражданамъ рѣчи полныя практическаго смысла и вѣры въ успѣхъ дѣла, былъ выбранъ ими „старшимъ человѣкомъ“.

Такимъ образомъ было положено начало 2-му освободительному ополченію, начальникомъ надъ которымъ, какъ извѣстно, былъ выбранъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій; мѣсто второго воеводы, „товарища“ его занялъ Биркинъ (посланный Ляпунова), а завѣдывающимъ финансовой стороной Козьма Мининъ.

Не сразу согласился послѣдній на просьбы Нижегородцевъ принять въ свои руки завѣдываніе сборами, но согласившись, заставилъ ихъ написать приговоръ о полномъ повиновеніи. Полагаютъ, будто изъ опасенія, чтобы Нижегородцы не раздумали, К. Мининъ поскорѣ отправилъ этотъ приговоръ кн. Пожарскому. Выполнивъ эту предосторожность, Мининъ повелъ сборъ энергично; закипѣло все... Дѣло ополченія пошло сразу настолько успѣшно, что еще до пріѣзда Пожарскаго отряды нѣкоторыхъ городовъ уже прибыли въ Нижній ²⁾.

Съ прібытіемъ же избраннаго вождя отъ его имени полетѣли во всѣ стороны призывныя грамоты, и скоро верхнее и среднее Поволжье и Заволжье и Вслжско-Окское междурѣчье были приведены въ движеніе... Всюду въ городахъ читались призывныя грамоты, составлялись приговоры, собирались деньги ³⁾ и ратные люди.

1) Внжное значеніе этой личности въ Нижнемъ хорошо выяснено С. О. Платоновымъ см. въ назван сочин. и отдѣльной брошюрѣ.

2) Лѣтопись о многихъ мятежахъ, стр. 237.

3) Такъ, Нижегородцы приговорили (въ 1612 г.) сдѣлать заемъ у торговыхъ людей „покамѣста нижегородскіе денежныя доходы въ сборъ будутъ“; но, приговариваятъ и такъ, что возлагается на какое либо лицо обязанность достать боевыя припасы въ обмѣнъ на какой-либо продуктъ. (См. „Нижегородскіе платежники“ 116 и 120 г.г. Изд. Имп. Общ. Истор. и Древн. Р. Ж. М. 910 г. стр. 121 и 151.

Когда слухи о вспыхнувшемъ въ Нижнемъ возстаніи и о все большемъ его распространеніи достигли Заруцкаго, онъ вздумалъ было помѣшать этому, отрѣзавъ отъ Нижняго центральный пунктъ верхняго Поволжья—Ярославль. Съ этой цѣлью Заруцкій послалъ отрядъ подъ начальствомъ Просовѣцкаго. Однако, увѣдомленный объ этомъ Ярославцами, Кн. Д. М. Пожарскій послалъ къ нимъ „на спѣхъ“ передовой отрядъ подъ начальствомъ кн. Лопаты Пожарскаго)¹⁾, который и успѣлъ занять Ярославль раньше Просовѣцкаго. Главныя же силы ополченія остались въ Нижнемъ, ожидая Казанскій отрядъ и, весьма вѣроятно, извѣстій относительно Ярославля²⁾. Однако сообразивъ, что въ Казани происходитъ что-то неладное и принявъ во вниманіе приближеніе весны и связанныя съ нею вскрытіе рѣкъ и распутицу тогдашняго бездорожья и, можетъ быть, наконецъ, получивъ извѣстіе о благополучномъ занятіи Ярославля, Пожарскій выступилъ изъ Нижняго около 1 марта³⁾.

¹⁾ Г. Любмировъ (ор. cit, октябр. кн, стр. 303) предполагаетъ въ концѣ первой половины февраля.

²⁾ „Послѣ отправки передового отряда, говоритъ г. Любмировъ, (ор. cit, стр. 304) „князь Дмитрей и Кузма“ еще много время оставались въ Нижнемъ. По словамъ „новаго лѣтописца“ они поджидали ратныхъ людей изъ Казани. Врядъ ли дѣло было такъ просто. Очень вѣроятно, что Пожарскій хотѣлъ выждать результатовъ похода Лопаты-Пожарскаго, но въ случаѣ неуспѣха послѣдняго немедленное движеніе ополченія въ Ярославль въ значительной мѣрѣ утрачивало бы свое значеніе—имѣть въ своихъ рукахъ главный ключъ къ Поморью. Последнее соображеніе, несомнѣнно, правильно. Но что касается стоянки въ Нижнемъ, то въ „новомъ лѣтописцѣ“ говорится не совсѣмъ такъ.

„Въ Нижнемъ же, читаемъ тамъ, князь Дмитрей и Кузма изъ Казани ждали ратныхъ людей много время и не дождашся, і положиша упованіе на Бога пойдоша со всѣми людьми къ Ярославлю“... (Чиконнов. VIII, стр. 178, тоже и въ лѣтописи о многихъ мятежахъ, стр. 239).

Если разобрать это мѣсто точно, то ждать „много время“ отнюдь нельзя связывать съ моментомъ отправки Лопаты-Пожарскаго въ Ярославль. Это „много время“ относится къ ожиданію Казанскаго отряда, за которымъ былъ посланъ (еще въ декабрѣ) Биркинъ и котораго, дѣйствительно, много ждали въ Нижнемъ да такъ и не дождались. Биркинъ пришелъ прямо въ Ярославль позднѣе ополченія.

³⁾ Точной даты дня выступленія ополченія изъ Н.-Новгорода не установлено: С. О. Платоновъ, (ор. cit, стр. 514—515) полагаетъ, что главныя силы ополченія вышли изъ Нижняго „пользуясь еще зимнимъ путемъ“. П. Г. Любмировъ (ор. cit, окт. кн. стр. 304—5) предполагаетъ, что это выступленіе было не раньше конца февраля, вѣроятнѣе же „около 5—10 марта“. Свое предположеніе г. Любмировъ основываетъ съ одной стороны на томъ, что ополченіе вышло въ великомъ посту, который въ тотъ годъ на-

Ополченіе переправилось по льду черезъ устье Оки и пошло правымъ берегомъ Волги на Ярославль.

Путь 2-го освободительнаго ополченія отъ Н.-Новгорода до Ярославля. По всему пути до Ярославля освободительное ополченіе встрѣчалось съ восторгомъ. Балахнинцы первые подали примѣръ: ополченіе пополнилось здѣсь ратными людьми (во главѣ съ Матвѣемъ Плещеевымъ), а казна

чался 23 февраля, съ другой—на томъ, что въ Рѣшмѣ Пожарскій получилъ извѣстіе изъ Владимира отъ приверженца своего А. Измайлова о томъ, что таборы подъ Москвой присягнули Псковскому Самозванцу, что согласно Троицкой грамотѣ произошло 2-го марта (по польскимъ же свѣдѣніямъ 5-го). Въ Рѣшмѣ это извѣстіе черезъ Владимиръ могло быть получено, по мнѣнію г. Любомирова, врядъ ли ранѣе 10 марта. Послѣдняя дата очень вѣроятна.

Но если согласиться съ ней, то выходъ ополченія изъ Нижняго придется отнести уже ни въ какомъ случаѣ не на 10-е же марта и едва ли даже и на 5-е, а скорѣе на 1-е марта или самый конецъ февраля, т. е. Рѣшму, считая по берегу Волги, отстоятъ отъ Нижняго на 175 верстъ и находится почти посрединѣ между Нижнимъ и Ярославлемъ (385 в. по полгѣ) и такимъ образомъ вышло бы, что вторая половина пути ополченія заняла у него времени въ нѣсколько разъ болѣе нежели первая; но особенныхъ основаній для такого предположенія, за исключеніемъ развѣ остановки по случаю Костромскихъ безпорядковъ, къ этому не имѣется.

Итакъ не 10-го и, пожалуй, даже не 5-го, а скорѣе около 1 марта намъ, кажется, вѣроятнымъ выступленіе главныхъ силъ изъ Нижняго.

Къ этому насъ приводятъ еще и слѣдующія соображенія и расчеты: извѣстіе о присягѣ въ таборахъ подъ Москвой, принимая дату Троицкой грамоты „2 марта“, могло быть получено во Владимірѣ, отстоящемъ отъ Москвы на 175 верстъ, черезъ 3—5 дней т. е. примѣрно 6 марта. Но, чтобы отправить гонца въ Рѣшму, а нѣ въ Нижній, Измайлову нужно было знать, что кн. М. Пожарскій уже выступилъ изъ него. Извѣстіе же объ этомъ изъ Нижняго могло дойти до Владимира (215 верстъ) въ 4—6 дней, и значитъ выступленіе произошло, вѣроятно, около 1 марта.

Если же предположить, что свѣдѣній о выступленіи изъ Нижняго главныхъ силъ ополченія Измайловъ не имѣлъ и отправилъ гонца въ Рѣшму, принявъ за все ополченіе, прошедшій по этому пути, головной отрядъ кн. Лопаты-Пожарскаго, то извѣстіе его все таки должно было притти туда не ранѣе 9—12 марта (отъ Владимира до Рѣшмы 180 верстъ), что нибудь въ концѣ первой половины марта.

Если считать что ополченіе прошло въ Ярославль около 1 апрѣля, т. е. сдѣлало переходъ отъ Рѣшмы до Ярославля (210 верстъ) въ 18—20 дней, то на путь отъ Нижняго до Рѣшмы (175 в.) придется положить 13—15 дней, т. е. день выступленія изъ Нижняго опять таки придется приблизительно на 1 марта, на первую недѣлю великаго поста. Къ вышеизложеннымъ расчетамъ и соображеніямъ надо имѣть въ виду еще одно: какъ совершенно правильно предполагаетъ г. Любомировъ, кн. Д. М. Пожарскому далеко не безразлично было знать исходъ дѣла относительно занятія передовымъ его отрядомъ Ярославля и воевода поджидалъ въ Нижнемъ извѣстій отъ кн. Лопаты-Пожарскаго, отправившагося въ Ярославль по утвержденію г. Любомирова въ концѣ первой половины февраля.

Это извѣстіе въ Нижнемъ могло быть получено черезъ 2—3 недѣли, считая что для перехода (385 в.), отряду, хотя и слѣдовавшему „на спѣхъ“, потребовалось 12—14 дней да гонцу на обратный путь 4—6 дней, и такимъ образомъ извѣстіе о занятіи Ярославля около 1 марта въ Нижнемъ могло быть получено, но врядъ ли ранѣе.

Козьмы Минина—деньгами ¹⁾. Такая же восторженная встрѣча была оказана освободительному ополченію и въ слѣдующемъ городѣ Юрьевцѣ-Поволжскомъ, гдѣ, кромѣ значительной помощи деньгами, оно усилилось отрядомъ Юртовскихъ татаръ, получившихъ жалованье отъ Юрьевца ²⁾.

Въ Рѣшмѣ кн. Пожарскій получилъ извѣстіе о послѣднихъ событіяхъ подъ Москвой: посланные отъ Артемія Измайлова (изъ Владимира) извѣщали о томъ, что въ таборахъ подъ Москвой присягнули Псковскому Самозванцу Сидоркѣ. Извѣстіе объ этомъ новомъ „воровствѣ“ казаковъ окончательно опредѣлило отношеніе къ нимъ Нижегородскаго ополченія: рѣшено было освобождать Москву лишь силами земскихъ людей ³⁾. Ополченіе двинулось на Кинешму, гдѣ также получило подкрѣпленіе деньгами. Въ Плесѣ Пожарскій былъ предупрежденъ прибывшими изъ Костромы людьми, что Костромской воевода Иванъ Шереметевъ не хочетъ пускать Нижегородское ополченіе въ Кострому. Посоветовавшись съ Мининымъ, Пожарскій рѣшилъ итти на нее и подойдя сталъ „на посадѣ близко города“.

Въ это время Костромичи раздѣлились на два враждебныхъ лагеря: одни стояли все еще за Шереметева, другіе хотѣли примкнуть къ Нижегородскому ополченію; послѣдніе стали одолѣвать. Воевода былъ бы убитъ, если бы не заступничество кн. Пожарскаго. Костромичамъ по ихъ

¹⁾ Лѣтоп. о многихъ мятежахъ.

²⁾ *ibidem* 239.

³⁾ *ibidem*, 240—241.

„Время похода Пожарскаго на Ярославль“, говоритъ Л. М. Сухотинъ („Народныя движенія 1611 и 1612 г.г.“) совпало съ тѣмъ моментомъ въ исторіи подмосковной рати, когда она цѣловала крестъ Псковскому вору и когда лучшіе ея элементы, послѣдніе остатки земскихъ ополченій, разбѣжались изъ-подъ Москвы. Покушеніе казачества на Ярославль и новое воровство (хотя и временное) подъ Москвою окончательно опредѣлили отношеніе власти Нижегородскаго ополченія къ власти подмосковной“ (стр. 17).

Извѣстіямъ изъ подъ Москвы (полученнымъ, будто-бы, въ Рѣшмѣ), о томъ, что гн. Д. Т. Трубецкой и Заруцкій отпали отъ Псковскаго вора и „цѣловали крестъ изнова, что быти христіаномъ воединою мысли“, и о томъ что въ таборахъ просятъ Нижегородское ополченіе итти подъ Москву не опасаясь, кн. Д. М. Пожарскій „съ товарищами“ не повѣрилъ. На приглашеніе Москвитскихъ воеводъ былъ данъ сухой отвѣтъ, что ополченіе никакого опасенія не имѣетъ и идетъ на очищеніе Москвы.

просьбъ былъ данъ новый воевода князь Гагаринъ. Устроившись съ Костромой и отдѣливъ отрядъ на Суздаль¹⁾ для защиты его отъ людей Просовѣцкаго, Пожарскій двинулся далѣе на Ярославль. Костромичи значительно подкрѣпили казну ополченія и проводили его во сторженно. Съ радостью встрѣчалъ народъ Нижегородское ополченіе и на дальнѣйшемъ пути.

Около 1 апрѣля²⁾ оно подошло къ Ярославлю и было встрѣчено Ярославцами съ почестями; вождамъ были поднесены подарки, но тѣ ихъ отклонили. Въ Ярославль начала прибывать помощь деньгами и людьми...

Многіе высказывались за немедленное дальнѣйшее выступленіе на очищеніе Москвы. Такая мысль съ самаго

¹⁾ По просьбѣ посланныхъ оттуда.

²⁾ Точныхъ данныхъ о днѣ прибытія въ Ярославль Нижегородскаго ополченія не установлено.

Костомаровъ, *op. cit.*, это относитъ на „начало апрѣля“ Тоже и проф. *Н. П. Загоскинъ*; „Казанскій край въ Смутное время“; *С. О. Платоновъ*, *op. cit.*, стр. 515) „около 1 апрѣля“. г. *Замятинъ* („Къ вопросу объ избраніи Карла Филиппа на русскій престолъ“, Юрьевъ. 1913)—„1 апрѣля“; *П. Г. Любимировъ*, (*op. cit.*, окт. кн., стр. 307)—„вѣроятно въ концѣ марта“. Эту свою дату г. Любимировъ основываетъ на томъ, что зимній путь посольства въ московской приказной практикѣ опредѣлялся въ 12 дней. Считая же, что ополченіе пойдетъ медленнѣе—около 25 верстъ въ день, да принявъ во вниманіе еще остановки ополченія въ попутныхъ городахъ, на весь путь, по мнѣнію г. Любимова, придется положить около 20 дней (*ibid.*, примѣч. 5, къ стр. 307). (Выходъ же ополченія изъ Нижняго, какъ мы видѣли выше, онъ относитъ на 5—10 марта).

Расчеты эти не вызываютъ особенныхъ возраженій, но они конечно, слишкомъ приблизительны. Намъ думается, что съ остановками (въ Балахнѣ, Юрьевцѣ, Рѣшмѣ, Кинешмѣ, Плесѣ и Костромѣ), если даже сосчитать по 25 верстъ на день и по 1 дню остановки въ каждомъ городѣ, получится уже болѣе 20 дней. (16 дней на переходъ и примѣрно 6 дней на остановки). Но при такомъ расчетѣ не приняты во вниманіе 2 дневки: между Балахной и Юрьевцомъ (105 верстъ) и Костромой и Ярославлемъ (75 в.), которыхъ ополченіе по тяжелому мартовскому пути едва ли могло избѣжать; если считать и ихъ, то и при 25 верстныхъ переходахъ получится уже 24 дня.

Мы съ своей стороны полагаемъ, что ополченіе проходило въ среднемъ не болѣе 20 верстъ въ день; основываемъ такое соображеніе на томъ, что *М. О. Романовъ* (по избраніи его на престолъ) и посольство *ѣхало* по мартовскому пути отъ Костромы до Ярославля 3 дня т. е. по 25 верстъ. Точно также посольство Собора, выѣхавъ изъ Москвы 2 марта попало въ Кострому только 13 марта, т. е. путь въ 325 верстъ ѣхало почти 2 недѣли. Но посольство ѣхало; массы же ополченія едваи могли проходить болѣе 20 верстъ въ сутки. Если принять такую норму для освободительнаго ополченія, то съ шестью остановками въ городахъ и, можетъ быть, двумя дневками между Валахной—Юрьевцемъ и Костромой—Ярославлемъ,—на переходъ ему потребуется около 4-хъ недѣль. Точно также 210 верстъ отъ Рѣшмы до Ярославля (съ остановками въ Кинешмѣ, Плесѣ и въ особенности въ Костромѣ, въ связи съ необходимостью ликвиdированія Костромскихъ безпорядковъ) ополченіе, по

начала по прибытіи въ Ярославль возбуждалась и нѣкоторыми вождами освободительнаго ополченія, но въ дальнѣйшемъ выступленіе изъ Ярославля задержалось, какъ извѣстно, на 4 мѣсяца—до конца іюля. Такая медлительность вызвала горячіе упреки со стороны современниковъ, считавшихъ каждую минуту промедленія опасной, а можетъ быть и гибельной для Москвы. Такъ, Троицкія власти посылали ополченію 2 грамоты и, наконецъ, Авраамій Палицынъ самъ пріѣзжалъ въ Ярославль просить и убѣждать поскорѣе двинуться къ Москвѣ. Дѣло не обошлось безъ укоровъ вождей ополченія въ бездѣльничаньи и бражничествѣ. Продолжительная остановка ополченія въ Ярославлѣ вызывала нападки и со стороны прежнихъ историковъ, основывавшихся на писаніяхъ Авр. Палицына. Однако въ современной исторической наукѣ вполне установлено, что такая остановка была продиктована вождамъ освободительнаго ополченія необходимостью и соображеніями цѣлесообразности ¹⁾.

нашему расчету, могло пройти не быстрѣе 15—17 дней и такимъ образомъ, если, какъ объ этомъ говорилось выше, ополченіе было въ Рѣшмѣ въ концѣ первой половины марта, то срокомъ прихода его въ Ярославль придется считать конецъ марта или 1 апрѣля, но не позднѣе. Не позднѣе потому, что (если даже и оставить въ сторонѣ всякіе расчеты пути) ополченіе должно было считаться съ вскрытіемъ рѣкъ, стоятъ въ зависимости отъ этого. Должно было торопиться притти въ Ярославль еще „по зимнему пути“, ибо, въ связи съ необходимостью ликвидаціи безпорядковъ въ Костромѣ, оно должно было быть готовымъ перейти здѣсь Волгу дважды, или одинъ разъ у Костромы, другой у Ярославля, но въ послѣднемъ случаѣ поспѣшность тѣмъ болѣе была нужна, ибо приближался апрѣль и Волга могла тронуться каждую минуту. Если же ополченіе шло все время по правому берегу Волги то оно должно было считаться съ р.р. Солоницей и особенно Которостлюю, вскрытіе которыхъ происходитъ еще ранѣе. Итакъ, „зимній путь“, — распутица Московскаго бездорожья и болѣе того вскрытіе рѣкъ опредѣляютъ время прихода Нижегородскаго ополченія въ Ярославль.

Среднее время весенняго ледохода Волги у Костромы и Ярославля по даннымъ Казанскаго Округа п. с. („Волжско-Камская Справочная книжка“ за 1914 г., ч. I, „водомерныя наблюденія“, (стр. 21), происходитъ 3 апрѣля (наиболѣе раннія подвижки бываютъ даже около половины (16-го) марта), и такимъ образомъ время прихода ополченія въ Ярославль, по нашему мнѣнію, опредѣляется, концомъ марта и не позднѣе 1 апрѣля.

Къ этому же заставляетъ склониться и то соображеніе, что на изготовленіе первой изъ Ярославля грамоты, датированной, какъ извѣстно, 7 апрѣля требовалось время.

¹⁾ См. С. О. Платоновъ, *op. cit.*, стр. 516—525, П. Г. Любимовъ *op. cit.*, окт. кн. стр. 308—322. Также Замятинъ, *op. cit.* Веселовскій, предисловіе къ „Актамъ подмосковныхъ ополченій... 1611 1613“ и др. Наконецъ, причины остановки объяснены какъ въ грамотахъ ополченія, такъ и въ самой дѣятельности его за это время.

Главнѣйшими изъ причинъ этой задержки были: 1) сомнительное поведеніе кн. Д. Т. Трубецкого и еще болѣе — Заруцкаго; 2) необходимость очистить верхнюю часть Поволжья и Заволжья отъ шаекъ казаковъ появившихся въ Пошехонѣ, Угличѣ, Твери, Антоньевскомъ монастырѣ и друг. пунктахъ, и закрѣпить за собой поддержку верхняго Поволжья и Поморскихъ городовъ или говоря короче — имѣть обезпеченными на случай неудачи фланги и тылъ; 3) сформированіе при ополченіи временнаго правительства „всей земли“ изъ мѣстнаго правительства какимъ оно было въ Нижнемъ (созывъ Собора) и, наконецъ, 4) разрѣшеніе вопроса объ избраніи Царя — мысль, которая въ ополченіи выдвигалась еще въ Нижнемъ ¹⁾). Послѣднюю задачу ополченію въ Ярославлѣ выполнить не удалось. Но главное изъ остальнаго было достигнуто, болѣе того за эти 4 мѣсяца стоянки ополченіе подготовило себѣ побѣду, если не надъ, засѣвшими въ Московскомъ кремлѣ, польскими силами, то надъ казацкими таборами, стоявшими подъ Москвой ²⁾). Убѣдившись, что главное для успѣшности предпріятія сдѣлано, что время не ждетъ, такъ какъ вспомога тельное войско Ходкевича подходитъ къ засѣвшимъ въ Москвѣ полякамъ, освободительное ополченіе 28 іюля вы ступило изъ Ярославля на Москву. Головные отряды были двинуты впередъ „на спѣхъ“.

¹⁾ См. „Чтенія въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1911 г. Книга 4-я—239.

„Смутное время Московскаго государства“. Матеріалы изданные обществомъ. Выпускъ 5-й. „Акты подмосковныхъ ополченій и Земскаго Собора 1611—1613 г.г.“ №№ 70—72, 84 и 115. См. предисловіе Дѣйств. чл. С. Б. Веселовскаго, стр. X.

См. также грамоту ополченія отъ 7 апрѣля 1612 г., А. А. Э., т. II, № 203. Относительно собора при 2 освободительномъ ополченіи см. проф. *Латкинъ, Аваліани. Земскіе соборы*. „О составѣ предствительства въ ополченіи Дм. Пожарскаго“. Одесса 1910, стр. 74—78. *Замятинъ*, *op. cit* и друг.

²⁾ Ср. *Любомировъ op. cit*, окт. книж. 1913 г. стр. 322. Проф. *Д. В. Цвѣтаевъ*. „Избраніе М. О. Романова на царство“, (Ж. М. Ю. 1913 г., январь, стр. 15) и друг.

Дѣйствительно, войско кн. Д. Т. Трубецкого и И. Заруцкаго, плохо организованное съ финансовой стороны, разлагалось само собой. Въ связи же съ успѣхами Нижегородскаго ополченія во время Ярославской стоянки къ этому присоединились еще и причины психологическія.

Часть освобожденія Москвы и отечества пробилъ ¹⁾...

Конецъ Смуты. Избраніе М. Θ. Романова на царство.
По освобожденіи Москвы по всему государству были разосланы объ этомъ грамоты съ просьбою прислать уполномоченныхъ для избранія Царя ²⁾. Къ январю 1613 года выборные собрались. Составился Великій Земскій Соборъ. Уже къ 7 февраля онъ предварительно намѣтилъ царемъ Михаила Ѳеодоровича Романова, а 21 февраля окончательно избралъ его. Оставалось узнать приметъ ли самъ онъ въ такое трудное время престолъ разореннаго государства Московскаго. Съ этою цѣлью 2 марта въ Кострому, въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ жилъ въ это время М. Θ. Романовъ съ матерью, было отправлено посольство. 13-го марта оно прибыло къ Костромѣ а 14 го направилось въ монастырь.

Не сразу инокиня Марфа и ея 16-тилѣтній сынъ уступили просьбамъ Посольства принять царскій вѣнецъ: кошмаръ Смутнаго времени, тревога за себя и за возможность ухудшенія положенія, находившагося въ Польскомъ плѣну, отца,—вотъ тѣ причины, которыя заставляли совершенно искренне „съ плачемъ и гнѣвомъ“ отклонять высокую честь избранія. Дольше колебался Михаилъ Ѳеодоровичъ, но, наконецъ, согласился и озя. Начались сборы. Черезъ 5 дней Новый Царь съ матерью и Посольствомъ выѣхали въ Москву, черезъ Ярославль, въ который и прибыли черезъ 3 дня. Михаилъ Ѳеодоровичъ остановился въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ и прожилъ до поло-

1) Подъ Москвой Поволжское ополченіе произвело сильное впечатлѣніе хорошимъ снаряженіемъ и держалось настолько увѣренно, что ни за что не хотѣло стать вмѣстѣ съ казаками.

2) Литературу см.: „Избраніе М. Θ. Романова на царство“: проф. Маркевича, Петяшасва, Ю. В. Готье, Трифильева и, наконецъ, академика М. А. Дьяконова (работа послѣдняго—Рѣчь въ Академіи Наукъ—несмотря на небольшіе размѣры, представляется очень цѣнной въ виду пересмотра заново спорныхъ вопросовъ). Кромѣ того см. работу того же названія Чернышева (Труды Кіевской Духовной академіи 1912 г., кн. I) и друг. См. работы: проф. С. Θ. Платонова. „Вопросъ объ избраніи М. Θ. Романова въ русской литературѣ“ (Ж. М. Н. Пр., февр. 1913 г.), П. Г. Васенко „Бояре Романовы и воцареніе М. Θ. Романова“ и друг. Рамки настоящихъ очерковъ не позволяютъ остановиться на вопросѣ объ избраніи М. Θ. Романова на царство. Эти рамки и независіяція обстоятельства не позволили намъ остановиться даже надъ многими изъ спорныхъ вопросовъ *Смутнаго времени*.

вины апрѣля ¹⁾, начавъ здѣсь заниматься государственными дѣлами. Въ Москву, новый царь прибылъ въ началѣ мая (2-го) и скоро вѣнчался на царство. Династія была основана.

Такимъ образомъ усиліями В.-Поволжскихъ и Заволжскихъ городовъ во главѣ съ Нижнимъ-Новгородомъ была „собрана“ истерзанная многолѣтней Смутой и распадавшаяся „земля“ наша.

Не сразу, конечно, могла оправиться Русь отъ тѣхъ испытаній, которыя выпали на ея долю. Не сразу удалось водворить порядокъ и очистить ея предѣлы отъ казаковъ и разнаго сброда, кторые на первыхъ порахъ продолжали свѣволю и безчинства Смутнаго времени.

Казаки Заруцкаго еще не были окончательно разсѣяны и бродили въ верховьяхъ Волги. Выплывъ изъ Шексны, они пытаются пройти всю Волгу до Астрахани. Но какъ только удалось справиться съ Заруцкимъ (сбѣжавшимъ въ Астрахань и далѣе на юго-востокъ съ „Маринкой“ и ея сыномъ „воренкомъ“), какъ только было ликвидировано съ Ногаями, вторгнувшимися съ низовьевъ Волги и дошедшими до Н. Новгорода, спокойствіе въ В.-Поволжѣ восстанавливается прочно. Великія потрясенія позднѣйшаго времени (Разиновщина и Пугачевщина) его непосредственно уже не коснутся, ограничивъ свое дѣйствіе низовымъ и среднимъ Поволжьемъ, Но въ экономическомъ отношеніи, въ отношеніи развитія торговли оно, конечно, долго еще будетъ бѣдствовать, почти такъ же, какъ и низовая Волга, ибо съ ней оно связано неразрывно, въ ней его жизненность, его питаніе. Только съ водвореніемъ окончательнаго спокойствія по среднему и нижнему теченію великой рѣки забудется съ полною силой и пульсъ экономической жизни В.-Поволжскаго края. Развитие въ

¹⁾ Причиной остановки въ наукѣ считаютъ плохіе финансы въ Москвѣ. Къ этому можно прибавить и общее плохое состояніе государственныхъ дѣлъ и затѣмъ распутицу.

XIX вѣкѣ техники, промышленности и образованія довершитъ остальное въ экономическихъ и культурныхъ судьбахъ всего Поволжья и описываемаго края. Край этотъ по прежнему является не только богатѣйшей, но и наиболѣе крѣпкой частью нашего государства.

И въ грозный часъ новаго испытанія, постигшаго нынѣ Россію, въ часъ всеобщаго пожара, охватившаго нынѣ всю Европу Поволжье, несомнѣнно, какъ и встарь, покажетъ свою жизненность и стойкость ¹⁾....

¹⁾ Послѣ ознакомленія съ *исторіей* В. Поволжья авторъ своей задачей ставитъ изученіе *юридическаго* положенія власти и населенія его въ Древнемъ и Московскомъ періодахъ. Какъ скоро удастся это ему выполнить покажетъ будущее.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ III—XI

Введение. Краткое Географическое описание р. Волги
въ плесѣ устьѣ Шексны—устьѣ Оки. Вліяніе
природы на человѣка 1—26

Очеркъ первый. Верхне-Поволжскій край отъ началь-
ныхъ свѣдѣній до удѣльнаго періода 27—45

Данныя доисторической археологіи стр. 27—28. Историческія свѣдѣ-
нія иностранныхъ источниковъ о долѣтописномъ нашемъ періодѣ
28—29. Свѣдѣнія *начальной* лѣтописи о доудѣльномъ періодѣ. На-
чало колонизаціи при-Волжской Ростовской земли и окончательное
выступленіе славянъ на Волгу (основаніе перваго здѣсь города—
Ярославля) 30—35. Вопросъ о колонизаціи Поволжья въ русской
исторіи 35—45.

Очеркъ второй. Верхнее Поволжье отъ Ярославля
до Н.-Новгорода во время удѣльныхъ распрей
и владычества надъ Русью монголовъ 47—66

В.-Поволжье отъ основанія Ярославля до основанія Н.-Новгорода —
завершеніе колонизаціи всего теченія Волги отъ устья р. Шексны
до устья р. Оки (половина XI—начало XIII в.в.) 47—52. В.-Поволж-
скій край въ XIII—XV в.в. Наибольшее развитіе политическаго мо-
гущества и значенія Ростово-Суздальскаго княжества въ Руси Мон-
гольскаго владычества 53—66.

Очеркъ третій. Верхне-Поволжскій край отъ Ярос-
лавля до Н.-Новгорода въ Смутное время 67—9

Волненія и слухи Смутнаго времени въ В.-Поволжьѣ. Появленіе на
немъ „воровскихъ“ людей и ихъ операціи (1608 и 1609 г.г.) 67—82 В.-
Поволжскій край отъ Ярославля до Н.-Новгорода въ эпоху между-
царствія 82—99. Участіе его въ первомъ „освободительномъ“ ополче-
ніи 85—88 1612-й годъ и 2-е „освободительное“ ополченіе: Нижнего-
родское движеніе... 88—93. Путь ополченія отъ Нижняго до Яро-
славля и остановка въ послѣднемъ (Соборъ 93—98). Освобожденіе
Москвы и конецъ Смуты. Избраніе М. Ѳ. Романова на царство. 98—100.

ПОПРАВКИ

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Нужно:</i>
VII	7 сверху	<i>ярко</i>	<i>ядро.</i>
XI	16 "	разнаго многочисленныя историческіе акты	разнаго <i>рода</i> многочислен- ныя историческіе акты.
13	12 снизу	мередіанальному	меридіональному
14	8 сверху	мередіанальнаго	меридіональнаго
18	12 "	слео. Подновья	слоб. Подновья)
18	12 снизу	чтв	что
22	10 сверху	объятельной гипотезы	обаятельной гипотезы
24	14 "	Линда; и, наконецъ Ока	Линда и, наконецъ, Ока
24	примѣч.	плومени	племени
37	14 снизу	Н. Г. Серповскій примыкая	Н. Г. Серповскій, примыкая
38	9 "	и ирочими народцами	и прочими народцами
41	12 "	быль конечно	быль, конечно,
42	17 сверху	конолизаціи	колонизації
42	примѣч.	<i>обезцѣливаетъ ихъ</i>	<i>обезцѣниваетъ ихъ</i>
43	прим. 1-е.	китайскихъ „зюнзе“	китайскіе „зюнзе“
47	6 сверху	Поволжье отъ основанія Ярославля	В.-Поволжье отъ основанія Ярославля
48	3 "	не только улеглась	не только <i>не</i> улеглась
50	5 снизу	столь же выгодное	и столь же выгодное
51	7 сверху	распро-странялись	распространялись
59	13 снизу	экономическая	экономическая
62	7 сверху	верхнее Поволжье Ростово- Суздальское княжество	верхнее Поволжье и Ростово- Суздальское княжество.
64	6 "	<i>онъ могъ</i>	<i>они могли</i>

